

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕМОУАРЫ

НИКОЛАЙ | АЛЕКСЕЙ
ВЛАСИК | **РЫБИН**

**РЯДОМ
СО СТАЛИНЫМ**



УДК 327 (470+571)

ББК 66.4(2)

В 58

Власик Н.С., Рыбин А.Т.

В 58 Рядом со Сталиным / Н.С. Власик, А.Т. Рыбин. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 — 240 с. — (Легендарные политические мемуары).

ISBN 978-5-906842-81-7

Авторы этой книги на протяжении многих лет находились рядом с И. В. Сталиным. Николай Сидорович Власик был начальником 1-го отдела Главного управления государственной безопасности — этот отдел занимался исключительно охраной и обеспечением Сталина (помимо того, с 1932 года Н. С. Власик воспитывал сына И. В. Сталина — Василия). Алексей Трофимович Рыбин тоже входил в 1-й отдел ГУГБ и с 1931 года являлся личным охранником Сталина.

В своих мемуарах Н. С. Власик и А. Т. Рыбин пишут о том, как Сталин работал и отдыхал, о его «двойниках» и «тайных советниках», рассказывают о покушениях на вождя; затрагивают тему репрессий 30-х годов, говорят о друзьях и врагах Сталина, о его встречах с Черчиллем и Рузвельтом, о войне.

УДК 327 (470+571)

ББК 66.4(2)

© Власик Н.С., Рыбин А.Т.,
правообладатели, 2016

ISBN 978-5-906842-81-7

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторы этой книги многие годы находились вблизи Сталина, наблюдали его жизнь и были в центре важнейших политических событий.

Начальник личной охраны Сталина, Николай Сидорович Власик, родился 22 мая 1896 года в белорусской деревне Бобыничи. С тринадцати лет работал на стройке, затем на бумажной фабрике. В Первую мировую призван на военную службу. За проявленную храбрость был награжден Георгиевским крестом I степени. После ранения в 1916 году Власик направляется в Москву в 25-й запасной полк — в чине унтер-офицера, командиром взвода. В дни Февральской революции молодой офицер присоединяет свой полк к восставшим — без единого выстрела. С октября 1917 года Власик работает в органах только что созданной советской милиции. В 1918 году в составе 393-го Рогожско-Симоновского полка его направляют на Южный фронт, в 10-ю армию, обороняющую Царицын. После ранения и последующего лечения в московском госпитале Власик получает назначение в 1-й Советский пехотный полк. В том же году вступает в ряды РКП(б). Следующий, 1919 год обозначил новый поворот в биографии Николая Сидоровича: по мобилизации партии его направляют на работу в Особый отдел ВЧК, в распоряжение Ф. Э. Дзержинского, где молодой чекист принимает активное участие в операциях по ликвидации контрреволюционного подполья в СССР (в частности, кадетского), выполняет ответственные поручения руководителей советской контрразведки.

В 1927 году происходит событие, на долгие годы определившее судьбу Н. С. Власика: после знаменитого взрыва в зда-

нии комендатуры на Лубянке ему поручают организацию охраны Особого отдела ОГПУ, Кремля, членов советского правительства и личной охраны И. В. Сталина. С этого времени жизнь и работа Власика теснейшим образом связана с личностью Сталина, его деятельностью, бытом, особенностями характера. За почти четвертьвековое пребывание на различных должностях, связанных с обеспечением охраны советского правительства и лично Сталина, Николай Сидорович прошел все ступени служебной лестницы одного из важных секторов системы отечественной госбезопасности. С 1938 году Власик становится начальником I отдела Общей охраны правительства. С 1947 по 1952 год руководит работой Главного управления охраны МГБ.

* * *

«Человек за спиной» сопровождал Сталина в его поездках по городу, на аэродромах, в театрах, на парадах и официальных мероприятиях, в поездках на отдых, на конференциях и встречах с главами зарубежных стран — такова, как известно, «специфика» этой ответственной и нелегкой профессии, тем более если речь идет об охране великого государственного деятеля, лидера мировой сверхдержавы. Кроме того, если учесть, что в подчинении Главного управления охраны МГБ находился большой штат сотрудников, а также это ведомство располагало целым комплексом зданий, государственных дач, хозяйственных построек в разных концах необъятной державы, имело разветвленную структуру (фактически автономное «министерство» в системе советской госбезопасности), то нетрудно представить, какой объем обязанностей был возложен на руководителя этой организации и какой вес имел «человек при Сталине» в высших кремлевских кругах.

Советское правительство высоко оценило заслуги Н. С. Власика перед страной. Он был награжден тремя орденами Ленина (2 из них — за обеспечение охраны участников Тегеранской и Потсдамской конференций), четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Кутузова I степени (за охрану участников Ялтинской конференции), орденом Красной Звезды, пятью медалями.

Власик всегда был предан Сталину. Но предан был не по-лакейски — что было чуждо этому мужественному человеку — а предан искренне, зная, какая ответственность лежит на нем. Это искреннее и трепетное отношение к своим обязанностям выражалось порой в чрезмерном беспокойстве, острых переживаниях по поводу даже самой ничтожной оплошности, допущенной кем-либо из его подчиненных (подобные «происшествия» Власик весьма эмоционально и самокритично фиксировал в своем дневнике). Такое беспокойство за жизнь и здоровье Сталина едва ли можно объяснить обычным чиновничьим желанием выслужиться или страхом перед возможным наказанием за допущенную ошибку. Здесь скорее можно говорить об особо трепетном отношении к порученному делу: ведь речь шла о главе великого государства, Вожде советского народа. Необходимо отметить, что и Сталин доверял начальнику своего охранного ведомства, до известной степени, конечно.

В конце 40-х годов Н. С. Власик совершил, однако, два существенных промаха: во-первых, он не дал хода письму Л. Ф. Тимашук о неправильном, приведшем к смерти, лечении А. А. Жданова. Это упущение Власика выяснилось позже, в начале 50-х, когда началось разбирательство знаменитого «дела врачей», в ходе которого было выявлено множество фактов антигосударственной деятельности его фигурантов. Вторая ошибка Н. С. Власика заключалась в том, что он втянулся в политические интриги, целью которых было устранение Л. П. Берии из окружения Сталина.

Развязка наступила скоро. 29 апреля 1952 года Власик был отстранен от должности по обвинению в злоупотреблении служебным положением, 16 декабря 1952 года арестован.

Он провел в заключении три года. Суд над ним состоялся в 1955 году, уже при Хрущеве. Сталина не было в живых, но Власик не отрекся от вождя, подобно многим «хрущевцам», так что участь его была предreshена. По приговору суда Н.С. Власика направили в ссылку в Сибирь. Освободился он лишь по амнистии; Власик возвратился в Москву, в последние годы жизни работал над мемуарами.

* * *

Рыбин Алексей Трофимович являлся сотрудником личной охраны И.В. Сталина с 1931 года. Алексей Рыбин охранял Сталина в Кремле, на даче, на отдыхе; позже был назначен комендантом Большого театра.

Воспоминания Рыбина о Сталине отличаются живостью и непосредственностью, в них содержится множество интересных деталей, показывающих вождя в домашней обстановке и в быту. Кроме того, свои записки Рыбин дополняет воспоминаниями других людей, знавших и видевших Сталина, и проводит историческое расследование некоторых спорных эпизодов из его жизни.

Георгий Александрович Эгнаташвили был начальником охраны члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н.М. Шверника. Георгий Эгнаташвили дружил со старшим сыном Сталина — Яковом, хорошо знал семью Сталина, включая его мать.

Тему родственников Сталина и отношений в его семье продолжает Артем Федорович Сергеев. Он был сыном видного деятеля большевистской партии, одного из ближайших соратников Сталина — Сергеева Федора Андреевича. После трагической гибели отца Артем воспитывался в семье Иосифа Сталина, дружил с его младшим сыном Василием.

Воспоминания А.Ф. Сергеева показывают И.В. Сталина во время семейных праздников, в общении с друзьями, с детьми; затрагивают тему о личных привязанностях Сталина.

В *Приложении* к книге использованы мемуары Якова Ермолаевича Чадаева. В годы Великой Отечественной войны он был управляющим делами Совнаркома, видел И.В. Сталина в работе и в отношениях с подчиненными. Оценка деловых качеств Сталина дополняется в мемуарах Чадаева оценкой высших руководителей Советского государства. Представляется интересным сравнить эти записи с воспоминаниями Н.С. Власика.

(В биографическом очерке о Н.С. Власике использованы материалы Алексея Кожевникова, кандидата исторических наук.)

Записки Н. С. Власика

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не ставлю перед собой задачу показать т. Сталина как политического деятеля.

Я хочу рассказать о нем как о человеке. Поделиться с читателями тем, что знаю о нем, что я лично наблюдал. Попытаться снять несправедливо возведенные на него обвинения в грубости, жестокости и бесчеловечности.

Постараться опровергнуть то ложное, что было приписано ему после его смерти, оправдать в том, в чем он был незаслуженно обвинен. По мере моих сил осветить факты, свидетелем которых я был, установить истину там, где это возможно.

КАК МЕНЯ НАЗНАЧИЛИ К СТАЛИНУ

В 1927 году в здание комендатуры на Лубянке была брошена бомба. Я в это время находился в Сочи в отпуске. Начальство срочно вызвало меня и поручило мне организовать охрану Особого отдела ВЧК, Кремля, а также охрану членов правительства на дачах, прогулках, поездках и особое внимание уделить личной охране т. Сталина. До этого времени при т. Сталине находился только один сотрудник, который сопровождал его, когда он ездил в командировки. Это был литовец Юсис. Вызвал Юсиса и на машине отправился с ним на подмосковную дачу, где обычно отдыхал т. Сталин. Приехав на дачу и осмотрев ее, я увидел, что там царил полный беспорядок. Не было ни белья, ни посуды, ни обслуживающего персонала. Жил на даче один комендант.

Как я узнал от Юсиса, т. Сталин приезжал на дачу с семьей только по воскресеньям и питался бутербродами, которые они привозили с собой из Москвы.

СЕМЬЯ СТАЛИНА, РИТМ ЖИЗНИ, БЫТ

Семья т. Сталина состояла из жены, Надежды Сергеевны, дочери старого большевика Аллилуева С. Я., с которым т. Сталин познакомился, когда скрывался в его семье на квартире в Петрограде, и двух детей — сына Васи, очень живого и порывистого мальчика пяти лет, и дочери Светланы двух лет. Кроме этих детей у т. Сталина был взрослый сын от первого брака с Екатериной Сванидзе Яков, очень милый и скромный человек, разговорами и манерами необыкновенно похожий на отца. Забегая вперед, скажу, что он окончил Институт железнодорожного транспорта и жил на стипендию, временами нуждаясь, но никогда не обращался к отцу ни с какими просьбами. Окончив институт, на замечание отца, что он хотел бы видеть сына военным, Яков поступил в Артиллерийскую академию, которую окончил перед войной. В первые же дни войны он ушел на фронт. Под Вязьмой наши части попали в окружение, и он был взят в плен.

Немцы продержали его в плену в лагере до конца войны, в лагере и убили его, якобы при попытке к бегству. По словам бывшего французского премьер-министра Эррио, который находился с ним в этом лагере, Яков вел себя исключительно достойно и мужественно. После окончания войны Эррио писал об этом Сталину.

На квартире в Кремле, где жил Сталин с семьей, была экономка Каролина Васильевна и уборщица. Питание они получали из кремлевской столовой, откуда К. В. приносила в судках обед. По распоряжению начальства я должен был, кроме охраны, наладить снабжение и бытовые условия охраняемого.

Я начал с того, что послал на дачу белье и посуду, договорился о снабжении продуктами из совхоза, находившегося в ведении ГПУ и расположенного рядом с дачей. Послал на дачу повариху и уборщицу. Наладил прямую телефонную связь с Москвой.

Юсис, боясь недовольства т. Сталина этими нововведениями, предложил мне самому доложить обо всем т. Сталину. Так состоялась моя первая встреча и первый разговор с

т. Сталиным. До этого я видел его только издали, когда сопровождал его на прогулках и в поездках в театр.

Жил т. Сталин с семьей очень скромно. Ходил он в старом, сильно потертом пальто. Я предложил Надежде Сергеевне сшить ему новое пальто, но для этого надо было снять мерку или взять старое и с него сделать в мастерской точно такое новое. Мерку снять не удалось, так как он наотрез отказался, сказав, что новое пальто ему не нужно. Но нам все-таки удалось сшить ему новое пальто.

Жена его, Надежда Сергеевна, очень скромная женщина, редко обращалась с какими-нибудь просьбами, скромно одевалась, не в пример женам многих ответственных работников. Она училась в Промакадемии и много внимания уделяла детям.

* * *

Я хотел знать (и мне это было необходимо) вкусы и привычки т. Сталина, особенности его характера, и я с любопытством и интересом ко всему присматривался.

Вставал т. Сталин обычно часов в 9, завтракал и в 11 часов был на работе в ЦК на Старой площади. Обедал на работе, ему приносили в кабинет из столовой ЦК. Иногда, когда в Москву приезжал т. Киров, они вместе ездили обедать домой. Работал т. Сталин часто до глубокой ночи, особенно в те годы, когда после смерти Ленина пришлось активизировать борьбу с троцкистами.

Над своей книгой «Вопросы ленинизма» он также работал в своем кабинете в ЦК, задерживаясь иногда до поздней ночи. Возвращался с работы часто пешком вместе с т. Молотовым. Шли в Кремль через Спасские ворота. Воскресенье проводил дома с семьей, обычно выезжал на дачу. В театр т. Сталин ездил чаще по субботам и воскресеньям вместе с Надеждой Сергеевной. Посещали Большой театр, Малый, театр им. Вахтангова, ездили к Мейерхольду смотреть пьесу «Клоп» Маяковского. С нами на этом спектакле, помню, были товарищи Киров и Молотов, т. Сталин очень любил Горького и обязательно смотрел все его пьесы, которые шли в московских театрах. Часто после работы т. Сталин вместе с Молотовым ез-

дили на просмотр кинофильмов в Гнездниковский переулок. Позднее в Кремле был устроен просмотровый зал. Кино т. Сталин любил, придавал ему большое агитационное значение.

Осенью, обычно в августе-сентябре, т. Сталин с семьей уезжал на юг. Свой отпуск он проводил на Черноморском побережье, в Сочи или Гаграх. Жил он на юге месяца два. Отдыхая в Сочи, он иногда принимал мацестинские ванны.

В продолжение всего отпуска он очень много работал, получал много почты. На юг он всегда брал кого-нибудь из сотрудников. В 20-х годах с ним ездил шифровальщик, начиная с 30-х годов — секретарь. Во время отпуска происходили и деловые встречи. Так, в конце 40-х годов к нему приезжали К. Готвальд и Э. Ходжа. Перед назначением в Польшу к нему на дачу в Гаграх приезжал К. К. Рокоссовский.

Товарищ Сталин много читал, следил за политической и художественной литературой.

Развлечением на юге были поездки по морю на катере, кино, кегельбан, городки, в которые он любил играть, а также бильярд. Партнерами были сотрудники, жившие вместе с ним на даче.

Много времени т. Сталин уделял саду. Живя в Сочи, он посадил в своем саду много лимонных и мандариновых деревьев и сам всегда следил за их ростом, радуясь, когда они хорошо принимались и начинали давать плоды.

Его очень беспокоила заболеваемость местного населения малярией. И по инициативе т. Сталина в Сочи были проведены большие посадки эвкалиптов. Это дерево, как известно, обладает ценными свойствами: оно необычайно быстро растет и высушивает почву, уничтожая рассадники малярийных заболеваний.

Часто к т. Сталину на дачу приезжали Молотов, Калинин, Орджоникидзе, которые в это время также отдыхали на Черноморском побережье. Приезжал погостить т. Киров.

* * *

В 1933 году у т. Сталина трагически погибла жена. И. В. глубоко переживал потерю жены и друга. Дети были еще ма-

ленькие, уделять им много внимания т. Сталин ввиду своей занятости не мог. Пришлось передать воспитание и заботу о детях Каролине Васильевне. Она была культурной женщиной, искренне привязанной к детям.

Светлана была спокойной и послушной, чего нельзя было сказать о Васе, очень подвижном и шаловливом мальчике. Он доставлял немало хлопот своим воспитателям. Когда дети подросли и оба уже учились, часть ответственности за их поведение легла и на меня.

Дочь, любимица отца, хорошо училась и была скромной и дисциплинированной. Сын, по натуре одаренный, занимался в школе неохотно. Слишком он был нервным, порывистым, не мог долго усидчиво заниматься, часто в ущерб занятиям и не без успеха увлекаясь чем-то посторонним, вроде верховой езды. О его поведении скрепя сердце приходилось докладывать отцу и расстраивать его. Детей он любил, особенно дочь, которую в шутку называл «хозяйкой», чем она очень гордилась. К сыну относился строго, наказывал за шалости и проступки. Девочка, внешне похожая на бабушку, мать т. Сталина, характером была несколько замкнутой, молчаливой.

Мальчик, наоборот, живой и темпераментный, был очень душевный и отзывчивый. Воспитывались дети вообще очень строго, не допускалось никакого баловства, излишеств. Дочь выросла, окончила институт, защитила диссертацию, имеет семью, работает, воспитывает детей. Фамилию отца она сменила на фамилию матери. Впоследствии уехала за границу проводить в последний путь мужа и так там и осталась. Судьба сына сложилась более трагично. Окончив авиационное училище, он стал участником войны, командовал, и неплохо, авиационным полком. После смерти отца был арестован и осужден на 8 лет. Отбыв наказание, он вышел на свободу совершенно больным. Военное звание ему сохранили и назначили пенсию, но предложили отказаться от фамилии отца, на что он не согласился.

После этого он был выслан в Казань, где вскоре умер, в марте 1962 года, в возрасте 40 лет.

УБИЙСТВО С. М. КИРОВА

Особо мне хочется рассказать о Кирове.

Больше всех Сталин любил и уважал Кирова. Любил его какой-то трогательной, нежной любовью. Приезды т. Кирова в Москву и на юг были для Сталина настоящим праздником. Приезжал Сергей Миронович на неделю, две. В Москве он останавливался на квартире у т. Сталина, и И. В. буквально не расставался с ним.

С. М. Киров был убит 13 декабря 1934 года в Ленинграде. Смерть Кирова потрясла Сталина. Я ездил с ним в Ленинград и знаю, как он страдал, переживал потерю своего любимого друга. О том, какой кристальной чистоты человеком был С. М., как он был прост, скромен, какой это был великий труженик и мудрый руководитель, всем известно.

Это подлое убийство показало, что враги Советской власти еще не уничтожены и готовы в любой момент нанести удар из-за угла.

Товарищ Киров был убит врагами народа. Его убийца Леонид Николаев в своих показаниях заявил: «Наш выстрел должен был явиться сигналом к взрыву и наступлению внутри страны против ВКП(б) и Советской власти». В сентябре 1934 года было произведено покушение на т. Молотова, когда он совершал инспекционную поездку по горнорудным районам Сибири. Товарищ Молотов и его спутники чудом избежали смерти.

ПОКУШЕНИЕ НА СТАЛИНА

Летом 1935 года было произведено покушение на товарища Сталина. Это произошло на юге. Товарищ Сталин отдыхал на даче недалеко от Гагр.

На маленьком катере, который был переправлен на Черное море с Невы из Ленинграда Ягодой, т. Сталин совершал прогулки по морю. С ним была только охрана. Направление было взято на мыс Пицунда. Зайдя в бухту, мы вышли на берег, отдохнули, закусили, погуляли, пробыв на берегу не-

сколько часов. Затем сели в катер и отправились домой. На мысе Пицунда есть маяк, и недалеко от маяка на берегу бухты находился пост погранохраны. Когда мы вышли из бухты и повернули в направлении Гагр, с берега раздались выстрелы. Нас обстреливали.

Быстро посадив т. Сталина на скамейку и прикрыв его собой, я командовал мотористу выйти в открытое море.

Немедленно мы дали очередь из пулемета по берегу. Выстрелы по нашему катеру прекратились.

Наш катер был маленький, речной и совершенно непригодный для прогулок по морю, и нас здорово поболтало, прежде чем мы пристали к берегу. Присылка такого катера в Сочи была сделана Ягодой тоже, видимо, не без злого умысла — на большой волне он неминуемо должен был опрокинуться, но мы, как люди, не сведущие в морском деле, об этом не знали.

Это дело было передано для расследования Берии, который был в то время секретарем ЦК Грузии. При допросе стрелявший заявил, что катер был с неизвестным номером, это показалось ему подозрительным и он открыл стрельбу, хотя у него было достаточно времени все выяснить, пока мы находились на берегу бухты, и он не мог нас не видеть.

Все это был один клубок.

Убийство Кирова, Менжинского, Куйбышева, а также упомянутые покушения были организованы правотроцкистским блоком.

Это показали процессы Каменева и Зиновьева в 1936 году, процесс Пятакова, Радека и Сокольников в 1937-м и процесс Ягоды, Бухарина и Рыкова в 1938-м. Этот клубок удалось распутать и таким образом обезвредить врагов Советской власти перед войной. Они могли быть «пятой колонной».

ЗАГОВОР ВОЕННЫХ

Среди многочисленных обвинений, возведенных на т. Сталина после его смерти, самым значительным, пожалуй, является обвинение в физическом уничтожении группы военных руководителей Красной Армии во главе с Тухачевским.

В настоящее время они реабилитированы. На XXII съезде Коммунистическая партия СССР заявила перед всем миром об их полной невиновности.

На основании каких данных они были реабилитированы?

Осуждены они были по документам. Спустя 20 лет эти документы были объявлены фальшивыми... Но как должен был отнестись т. Сталин к документу, уличавшему Тухачевского в измене, переданному другом Советского Союза президентом Чехословакии Бенешем? Не допускаю мысли, что кроме этого не были собраны и другие улики. Если все военачальники, как это теперь утверждают, были невиновны, то почему вдруг застрелился Гамарник? Я что-то никогда не слышал о таких случаях, когда ни в чем не повинные люди в ожидании ареста стрелялись. Ведь революционеры, всегда живущие под угрозой ареста, никогда не кончали жизнь самоубийством. Кроме того, эта группа военных не была расстреляна, как 26 бакинских комиссаров, без суда и следствия. Их осудил Особый военный трибунал Верховного суда.

Суд, верно, происходил при закрытых дверях, поскольку показания на суде должны были касаться военных тайн. Но в состав суда входили такие авторитетные, известные всей стране люди, как Ворошилов, Буденный, Шапошников. В сообщении о суде было указано, что подсудимые признали себя виновными. Ставить под сомнение это сообщение — значит бросать тень на таких незапятнанных людей, как Ворошилов, Буденный, Шапошников.

Говоря об этом процессе, хочется остановиться на личности руководителя военной группы Тухачевском. Личность, безусловно, очень яркая. О нем уже много написано, в частности, такой маститый писатель, как Л. Никулин, написал о нем книгу. Вот об этой книге и еще об одной книге — Майкла Сайерса и Альберта Кана «Тайная война против Советской России» — мне и хочется сказать несколько слов. Я хочу остановиться на той характеристике Тухачевского, которую дают авторы этих книг.

Их характеристики прямо противоположны. Кто же из них прав? Кому верить? Я лично встречался с Тухачевским, знал его. О нем было известно, что он происходил из дворян-

ской помещичьей семьи, закончил Кадетский корпус и Александровское военное училище. Но я никогда не слышал о том, что его мать была простой малограмотной крестьянкой. Никулин пишет, что сведения о детстве Тухачевского получил от товарища своего знакомого, который разыскал 90-летнего старика, работавшего в молодости в имении отца Тухачевского. Записал беседу с ним и переслал ее Никулину.

Источник, как мне кажется, малоавторитетный.

Бесспорно, что Тухачевский был высокообразованным человеком. Ни внешность, ни жесты, ни манера держаться, ни разговор — ничто не указывало в нем на пролетарское происхождение, наоборот, во всем видна была голубая кровь.

Никулин пишет, что Тухачевский не был карьеристом, а вот по другим сведениям, Тухачевский после окончания Александровского училища говорил: «Или в тридцать лет я буду генералом, или застрелюсь». Французский офицер Реми Рур, который был в плену вместе с Тухачевским, характеризовал его как человека крайне честолюбивого, не останавливающегося ни перед чем.

Впоследствии, в 1928 году, Реми Рур написал о Тухачевском книгу под псевдонимом Пьер Фервак.

Тухачевский бежал из немецкого плена и вернулся в Россию накануне Октябрьской революции. Он сначала примкнул к бывшим офицерам царской армии, затем порвал с ними.

Сайерс и Кан пишут, что своему приятелю Голумбеку на вопрос о том, что он намерен делать, Тухачевский ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У них нет вождя».

* * *

В 1918 году Тухачевский вступил в партию. Культурный человек, образованный военный и безусловно талантливый полководец, Тухачевский быстро выдвинулся в первые ряды руководителей Красной Армии. Таких людей у большевиков было мало, и они им были нужны. Расчет Тухачевского был верен. После окончания Гражданской войны Тухачевский стал одним из ближайших помощников Фрунзе по шта-

бу Красной Армии. А в 1925 году, после смерти Фрунзе, был назначен на пост начальника штаба Красной Армии.

Вот что пишут об этом периоде деятельности Тухачевского Сайерс и Кан: «Работая в штабе Красной Армии, Тухачевский сблизился с троцкистом Путной, последовательно занимавшим должности военного атташе в Берлине, Лондоне, Токио, и начальником Политуправления Красной Армии Яном Гамарником, которого Сайерс и Кан называют личным другом рейхсверовских генералов Сокта и Гаммерштейна».

Никулин пишет, что все обвинения против Тухачевского были построены на оговорах. Для этого воспользовались служебными поездками маршала и его товарищей за границу, встречами, имевшими чисто деловой характер.

А вот что пишут об одной такой поездке Сайерс и Кан.

В начале 1936 года Тухачевский, как советский военный представитель, ездил в Лондон на похороны короля Георга V. Незадолго до отъезда он получил желанное звание Маршала СССР. Он был убежден, что близок час, когда советский строй будет низвергнут и «новая Россия» в союзе с Германией и Японией ринется в бой за мировое господство. По дороге в Лондон Тухачевский останавливался ненадолго в Варшаве и Берлине, где он беседовал с польскими полковниками и немецкими генералами. Он так был уверен в успехе, что почти не скрывал своего преклонения перед немецкими милитаристами.

В Париже на официальном обеде в советском посольстве, устроенном после его возвращения из Лондона, Тухачевский изумил европейских дипломатов открытыми нападками на советское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами. Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Титулеску, он говорил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает для нас всех спасение».

Слова Тухачевского были записаны румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Шаканакон Эссезом, который также присутствовал на банкете в советском посольстве. А бывшая в числе гостей известная французская журналистка Женевьева Табуи писала потом в своей книге «Меня называют Кассандрой»: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Гитулеску, Эррио и Бонкуром. Он только что побывал в Германии и рассыпался в похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставал повторять: «Они уже непобедимы, мадам Табуи». Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный ему немецкими дипломатами, которым нетрудно было договориться с этим представителем старой русской школы?

Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так».

В 1938 году на процессе Ягоды троцкисты Крестинский и Розенгольц в своих показаниях подробно рассказывали о роли Тухачевского в заговоре военных. А Ягода на вопрос о том, почему они не объединились с военными, ответил, что они знали о бонапартистских наклонностях Тухачевского и это их не устраивало.

Все это говорит, конечно, не в пользу Тухачевского.

* * *

Я не имею ни права, ни достаточно фактов, чтобы обвинить Тухачевского, я это и не ставлю своей целью, но не могу не поставить под сомнение его незапятнанную славу. Она запятнана подозрениями.

Никулин пишет, что Сталин завидовал Тухачевскому. Но почему тогда Тухачевского назначали на ответственные посты, оказывали ему полное доверие и одному из первых полководцев присвоили высокое звание маршала? Правдо-

подобно ли обвинение Никулина? Ведь от Сталина тогда многое зависело. Едва ли Тухачевский достиг бы такого высокого положения, если бы Сталин не поддерживал его, а, наоборот, противодействовал. Относительно военных способностей Сталина и зависти его к славе других скажу одно — он занимал такое положение и пользовался таким авторитетом, как в своей стране, так и за рубежом, что смешно, если бы он кому-то завидовал. А свои военные способности он доказал, будучи Верховным Главнокомандующим во время Великой Отечественной войны, которую под его руководством наша страна выиграла. А тому, кто сомневается в этом, рекомендую прочитать переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, которая является подлинным историческим документом в истории войны 1941—1945 годов и характеризует Сталина как крупного государственного деятеля и мудрого военного руководителя.

Никулин пишет, что достаточно перечитать военную переписку Ленина, чтобы понять, кто был истинной душой обороны Советской республики в годы Гражданской войны. Так вот, прочитав военную переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, можно также понять, кто был душой обороны Советской России в годы Великой Отечественной войны.

Никулин берет на себя смелость заявлять о том, что, если бы не были физически уничтожены видные военачальники Красной Армии, можно было бы достичь победы с меньшими жертвами и весь ход войны мог бы быть иным.

Я согласен с Никулиным в последнем, но с оговоркой. Ход войны был бы иным, если бы не был уничтожен враг внутри страны. Вот что писал по этому поводу американский посол в СССР Джозеф Дэйк в 1941 году после нападения нацистов на Советский Союз: «В России не было так называемой «внутренней агрессии», действовавшей согласованно с немецким верховным командованием. В 1939 году поход Гитлера на Прагу сопровождался активной военной поддержкой со стороны генлейновских организаций. То же самое можно сказать о гитлеровском вторжении в Норвегию.

Но в России не оказалось судетских генлейнов, словацких тиссо, бельгийских дегрелей или норвежских квислингов. Все это фигурировало на процессах 1937—1938 годов, на которых я присутствовал лично, следя за их ходом.

Вновь пересмотрев отчеты об этих процессах и то, что я сам тогда писал, я вижу, что, по существу, все методы действий немецкой «пятой колонны», известные нам теперь, были раскрыты и обнажены признаниями саморазоблачившихся русских квислингов... Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от изменнических элементов. В России в 1941 году не оказалось представителей «пятой колонны» — они были уничтожены.

Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены».

Из книги Сайерса и Кана: «Великая Отечественная война выдвинула много новых талантливых полководцев. Герои, овеянные славой, любимые народом, они пользовались огромной популярностью». И разве можно сравнить славу и популярность и любовь народа к Жукову и Рокоссовскому с популярностью Тухачевского? Однако Сталин не уничтожил их, а осыпал почестями, и не только их, а многих, многих других. И вообще изображать Сталина Иваном Грозным недостойно настоящего писателя, так как таким он никогда не был.

Сталин был непримирим к врагам, но никогда ничего не делал из личных побуждений. Им руководило одно чувство любви к Родине, ее благополучию и процветанию.

* * *

Я еще раз повторяю, что не собираюсь обвинять Тухачевского, я только ставлю под сомнение его незапятнанность. Мне лично в этом деле кажется очень странным самоубийство Гамарника и то растерянное и очень подавленное состояние, в каком находился Тухачевский после снятия его с поста заместителя наркома. Если он ни в чем не был замешан, то почему это так его потрясло?

Если человек виновен, то страх перед разоблачением и арестом может привести в такое состояние.

Вот что пишет генерал-лейтенант Ермолин о своей встрече с Тухачевским на партконференции в г. Куйбышеве после назначения Тухачевского командующим Приволжским военным округом: «Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски его поседели, глаза припухли. Иногда он опускал глаза, как от режущего света. Голова опущена, пальцы произвольно перебирают карандаши, лежащие на скатерти. Мне доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстановках, в том числе и в горькие дни варшавского отступления, но таким я не видел его никогда».

Да, в жизни все бывает. Бывают взлеты и падения. Но если совесть у человека чиста и он настоящий коммунист, то он не падает духом и постарается доказать свою невиновность.

Разрешу себе привести для примера такой случай.

Адмирал Н. Г. Кузнецов в 1947 году был снят с поста наркома Военно-Морского Флота и назначен с большим понижением на работу в Ленинград. Но он не пал духом, не утратил душевного равновесия, а с присущей ему энергией взялся за работу в новой должности. Совесть его была чиста, и он мог не бояться за свое будущее. А в 1948 году он уже был назначен на пост военно-морского министра. Все это происходило в годы так называемого «культа личности».

Что касается Тухачевского, то, еще раз повторю, он обвинен на основании документа, переданного Бенешем Сталину, разоблачающего документа, а вот реабилитирован Тухачевский по довольно сомнительному заверению гитлеровских агентов, будто бы документ, переданный Бенешем, был фальшивым.

Можно этому верить? Сомневаюсь...

ПОЕЗДКА НА ЮГ

Сопровождая Сталина в поездках на юг, я очень много общался с ним, мы всегда вместе обедали, и почти всегда свободное время он проводил с нами. Я имею в виду себя и его секретаря Поскребышева. В Москве я видел его гораздо реже. Я сопровождал его в поездках по городу, в театр, в кино.

При жизни А. М. Горького Сталин часто встречался с ним. Как я уже упоминал, он его очень любил. Бывал А. М. у Сталина и на даче, и в городе. Я был свидетелем. Сталин часто принимал зарубежных гостей и охотно беседовал с ними. У него бывали Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер, Пальмиро Тольятти и др. При этих встречах я не всегда присутствовал.

Говоря о поездках на юг, которые Сталин совершал ежегодно, мне хотелось более подробно рассказать об одной поездке, так как маршрут ее был необычен. Это было в 1947 году. В августе, числа не помню, Сталин вызвал меня и объявил, что поедем на юг не как обычно, на поезде, а до Харькова на машинах, а в Харькове сядем на поезд.

Трудно словами выразить мою радость. Тов. Сталин по-прежнему полностью мне доверяет, я, как и все предыдущие годы, буду сопровождать его на юг, и организацию всей поездки он возлагает на меня. Надо сказать, что в 1946 году мои враги и завистники, а их у меня было немало, оклеветали меня и я был снят с должности начальника управления. Сталин отнесся к этому со всей своей чуткостью, сам разобрался во всех обвинениях, абсолютно ложных, выдвинутых против меня, и, увидев мою полную невиновность, вернул мне прежнее свое доверие.

Я тщательно продумал план поездки, посоветовался с министром, он все одобрил, и я доложил его т. Сталину.

Считая, что такое длительное путешествие на машинах будет для него утомительным, я пытался убедить его отказаться от такой поездки. Но он и слушать меня не захотел. План он одобрил, и я начал готовиться к этому ответственному путешествию. Выехали мы, кажется, 16 августа. Ехали до Харькова с тремя остановками — в Щекине Тульской области, Орле и Курске. На остановках все было очень скромно и просто, без всякого шума, что т. Сталину очень понравилось.

* * *

В Щекине и в Курске т. Сталин гулял по городу. В пути между Тулой и Орлом у нас на «паккарде» перегрелись покрышки. Тов. Сталин велел остановить машину и сказал, что прой-

дется немного пешком, а шофер за это время сменит покрышки, а потом нас догонит.

Пройдя немного по шоссе, мы увидели три грузовика, которые стояли у обочины шоссе, и на одном из них шофер тоже менял покрышку.

Увидев т. Сталина, рабочие так растерялись, что не верили своим глазам, так неожиданно было его появление на шоссе, да еще пешком. Когда мы прошли, они начали друг друга обнимать и целовать, говоря: «Вот какое счастье, так близко видели товарища Сталина!».

Пройдя еще немного, мы встретили маленького мальчика лет 11—12. Тов. Сталин остановился, протянул ему руку и сказал: «Ну, давай познакомимся. Как тебя зовут? Куда ты идешь?» Мальчик сказал, что зовут его Вова, идет он в деревню, где пасет коров, учится в 4 классе на четверки и пятерки.

В это время подошла наша машина, мы простились с Вовой и продолжали наше путешествие. После этой остановки т. Сталин пересел на ЗИС-110. Машина ему очень понравилась, и весь отпуск он ездил только на отечественном ЗИСе. В Орле мы сделали остановку, отдохнули, помылись с дороги, пообедали и тронулись в дальнейший путь. Следующая остановка была у нас в Курске. Мы остановились отдохнуть в квартире одного из наших работников-чекистов. Квартира была чистенькая и уютная, на полочке над диваном было много фарфоровых безделушек, а на подзеркальнике стояло много красивых флаконов с духами. Тов. Сталин внимательно осмотрел всю обстановку квартиры, потрогал безделушки, стоявшие на полочке, посмеялся, а когда мы, отдохнув, собрались уезжать, спросил меня, что же мы оставим хозяйке на память и нет ли у нас одеколона. К счастью, одеколон нашелся, и в довольно красивом флаконе. Тов. Сталин сам отнес его в спальню, где он отдыхал, и поставил его на подзеркальник.

* * *

Несмотря на очень утомительную дорогу (мы выехали из Москвы вечером, ехали всю ночь и день) спал т. Сталин немногим больше двух часов. И. В. чувствовал себя очень хоро-

шо, настроение у него было прекрасное, чему мы все были очень рады.

В разговоре он сказал, что очень доволен, что поехали на машинах, что он много увидел. Видел, как строят города, убирают поля, какие у нас дороги. Из кабинета этого не увидишь. Это были его доподлинные слова. Относительно дорог т. Сталин заметил, что дорогу от Москвы нужно сделать как можно лучше, разбить на участки, поставить сторожей, построить им домики, дать участок земли, чтобы они имели все необходимое, они будут заинтересованы и будут хорошо ухаживать за дорогой. Установить заправочные бензоколонки, так как машин скоро будет много, все будут ездить на машинах, не только в городе, но и в деревне.

Благополучно доехав до Харькова, мы пересели в поезд и поехали в Симферополь. Оттуда до Ялты мы снова ехали на машинах.

В Ялте нас ожидал крейсер «Молотов», на котором т. Сталин должен был совершить поездку в Сочи.

19 августа 1947 года крейсер «Молотов» под командованием адмирала И. С. Юмашева в сопровождении двух эсминцев вышел из Ялтинского порта.

На борту крейсера, кроме т. Сталина, находились: приглашенный И. В. т. А. Н. Косыгин, отдохавший в это время в Ялте командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и др.

Незабываемое впечатление произвела на меня эта поездка. Погода стояла великолепная, настроение у всех было приподнятое. Тов. Сталин под несмолкаемое приветствие «ура!» всего экипажа обошел крейсер. Радостными и восторженными были лица матросов. Согласившись на просьбу адмирала Юмашева сфотографироваться вместе с личным составом крейсера, т. Сталин позвал меня. Я попал, можно сказать, в фотокорреспонденты. Снимал я уже немало, и т. Сталин видел мои снимки. Но, несмотря на это, я очень волновался, так как не был уверен в пленке.

Тов. Сталин видел мое состояние и, как всегда, проявил чуткость.

Когда я закончил снимать, сделав для гарантии несколько фотографий, он позвал сотрудника из охраны и сказал:

«Власик так старался, а его никто не снял. Вот вы сфотографируйте его вместе с нами». Я передал фотоаппарат сотруднику, объяснив все, что было необходимо, и он тоже сделал несколько снимков. Фотографии получились очень удачные и были перепечатаны во многих газетах.

ОТДЫХ В СОЧИ

Отдыхая в Сочи, т. Сталин часто гулял пешком по городу и по шоссе. Мне эти прогулки доставляли немало волнений, так как отдыхающих на улицах всегда было много, нас окружали толпы, все приветствовали т. Сталина. Всем хотелось пожать ему руку, поговорить с ним. Охранять вождя в такой обстановке было чрезвычайно трудно, тем более что т. Сталин не любил, чтобы с ним ходила охрана. Обычно на прогулках его сопровождали я, секретарь Поскребышев и два-три офицера из охраны.

Однажды во время поездки по городу т. Сталин решил заехать в порт. Доехав до причала, мы вышли из машины. В порту разгружался теплоход «Ворошилов». Тов. Сталин долго смотрел на разгрузку, теплоход ему не понравился, он нашел его неуклюжим. Когда мы возвращались к машинам, в порту собралась уже большая толпа. Всем хотелось посмотреть на вождя, убедиться, правда ли, что т. Сталин вот так просто гуляет по порту. Подойдя к машинам, т. Сталин тепло ответил на приветствия и, открыв дверцу, пригласил ребят, которые сбежались к машине, прокатиться с нами. Тов. Сталину захотелось доставить детям какое-нибудь удовольствие, чем-нибудь их угостить. Поехали на «Ривьеру», там было открытое кафе. Мы зашли туда, усадили ребят за столики, но получилось то же, что в порту. Отдыхающие окружили нас, среди них было много детей. Пришлось их всех пригласить на лимонад. Я принес из буфета большую вазу конфет. Сталин начал угощать детей конфетами. Одну маленькую девочку, видимо робкую, ребята отеснили, и ей ничего не досталось, и она заплакала. Тогда т. Сталин взял ее на руки, чтобы она сама выбрала конфеты, которые ей понравятся.

Раздав все конфеты и рассчитавшись с буфетчиком, я обратился к ребятам: «Ну, ребята, теперь пионерское «ура!» товарищу Сталину!»

Ребята дружно закричали «ура!», а мы с трудом добрались сквозь толпу до машины и поехали домой.

ОЗЕРО РИЦА

Недалеко от Гагр в горах, на высоте 950 метров над уровнем моря расположено живописное озеро Рица. Озеро это находится как бы в котловане, кругом поднимаются к небу горы, покрытые густым хвойным лесом, среди преобладающих хвойных пород много пихты, есть и лиственные деревья и кустарники.

Очень красивы эти горы осенью, когда на яркой зелени хвойных деревьев выделяются красные и желтые пятна кленов и дубов. Озеро это небольшое, длиной около 2,5 км, шириной 1 км. Оно проточное, с темно-зеленой водой, богато форелью. К озеру по ущелью проложена дорога, которая тоже очень живописна. Замечательно это озеро еще и тем, что в самое жаркое на побережье время там очень прохладно. Тов. Сталин, находясь в отпуске, часто страдал от жары и духоты. Поэтому было вынесено решение присмотреть маленький домик на берегу озера, чтобы в наиболее жаркое время он мог там хорошо отдохнуть.

Живя на даче на озере Рица, наслаждаясь чистым прохладным воздухом, любуясь красотой этого замечательного озера и живописностью окружающих его берегов, т. Сталин решил сделать этот красивый уголок достоянием всего народа. Когда на озеро Рица была проложена автомобильная дорога, туда стали ездить экскурсии. И вот, по указанию т. Сталина, на озере Рица была построена гостиница, ресторан и кафе-шашлычная.

Когда т. Сталин следующим летом приехал на озеро, он прежде всего поинтересовался, как работает ресторан, не высоки ли в нем цены, сколько стоит номер в гостинице. А на другой день лично сам все осмотрел, поговорил с директором ресторана, с официантами. Зашел в гостиницу, все осмотрел, найдя, что цены за номер очень высоки, позвонил Любимову (министру) и распорядился снизить цены. Но этим его заботы об отдыхающих не ограничились. На окружной до-

роге, которая шла по берегу озера, мы поставили ворота, закрыв таким образом доступ к госдаче. Но т. Сталин дал указание ворота снять, чтобы экскурсанты могли беспрепятственно проходить на территорию госдачи и гулять вокруг озера. Кроме того, все имеющиеся у нас катера он распорядился передать в общественное пользование, а также очистить озеро от торчащих из воды стволов старых деревьев, которые создавали опасность при прогулках по озеру.

Для гостиницы И. В. распорядился выделить машины.

Вечером за ужином т. Сталин снова заговорил о том, что в Сочи и Гаграх никто не занимается тем, чтобы обеспечить отдыхающих достаточным количеством овощей и фруктов. «Я сам займусь этим, — сказал он. — Нужно организовать два-три хороших совхоза, овощной и птицеводческий, и молочную ферму, чтобы курортники были обеспечены всеми необходимыми продуктами». На другой день, когда к нам приехали Молотов, Микоян, министр здравоохранения Смирнов, Пронин и др., этот вопрос снова обсуждался.

Тов. Сталин предложил мне взять два совхоза на Пицунде, чтобы обеспечить население овощами. Я попросил один, как подсобное хозяйство для госдач. Сталин сказал: «Бери, но не только для госдач, а для всего населения». Я, конечно, отказался. «Ну, если чекисты не хотят заниматься этим делом, найдем хороших хозяйственников, которые организуют это дело», — решил т. Сталин.

Мне хотелось бы особо отметить необыкновенную трудоспособность т. Сталина. Никогда ни одной минуты не оставался он бездеятельным. Находясь в отпуске, он никогда полностью не отдыхал. То он устраивал совещание по какому-нибудь неотложному вопросу, то принимал товарищей, приехавших по делу из-за рубежа, то занимался разрешением будничных, но необходимых проблем, вроде упомянутой мною организации совхозов.

На прогулке, за обедом решались многие вопросы хозяйственного порядка, начиная с посадки деревьев до постройки и оформления зданий. Причем надо заметить, что если он брался за решение какого-либо вопроса, начиная с мировых проблем до хозяйственных мелочей, разбирался он во всем с большим знанием дела, чем всегда меня очень удивлял.

Решения многих сложных вопросов были всегда чрезвычайно просты и безошибочны.

* * *

Прекрасно разбирался т. Сталин в чекистской работе.

Так, в 1947 году в Сочи он вызвал министра госбезопасности Абакумова. Я присутствовал на этом совещании. Многому можно было поучиться, слушая указания, которые он давал по нашей работе. Он прекрасно знал работу разведки буржуазных стран, приводил много интересных примеров.

Осенью 1947 года в Сочи я по поручению Сталина встречал на аэродроме английскую делегацию лейбористов — членов парламента. Тов. Сталин принимал их у себя на даче. Он разрешил мне присутствовать на этом приеме. Для меня эта встреча была очень интересной.

Англичане задавали вопросы глубоко политического характера, а также экономического. Тов. Сталин давал короткие, ясные, исчерпывающие ответы. После приема я проводил гостей на отведенную им дачу. На приеме были два наших переводчика. За ужином они поделились своими впечатлениями об этой встрече. Англичане были поражены эрудицией т. Сталина. «Это действительно великий человек, он не только прекрасно разбирается во всех политических вопросах, но и великолепно знает экономику Англии», — говорили удивленные и восхищенные гости.

ПОЕЗДКА В БОРЖОМИ

Обычно т. Сталин отдыхал в Сочи или Гаграх, но в 1951 году он решил поехать в Цхалтубо, чтобы принять лечебные ванны, у него болела левая рука.

Приехав в Цхалтубо в августе, мы попали в самое жаркое время. Там было невыносимо душно. Приняв несколько ванн, И. В. не выдержал жары и решил прервать лечение и уехать отдыхать в Боржоми, где было гораздо прохладнее.

Вызвав меня, он поручил мне узнать о состоянии дороги через Сурамский перевал, так как он хотел ехать на маши-

нах, а также подготовить помещение, где бы мы могли остановиться. Я отправил в Боржоми шофера проверить дорогу и сотрудников привести в порядок помещение.

Первый секретарь ЦК партии Грузии Чарквиани был лично предупрежден т. Сталиным, что он будет отдыхать в Цхалтубо и заедет в Боржоми, и хотя Чарквиани заверил т. Сталина, что дача приведена в порядок, дача оказалась настолько запущенной, что жить в ней было невозможно. На этой даче во всех комнатах была грязь, водоснабжение неисправно, ванны не работали, на дверях не было запоров, не было ключей, задвижек, на кухне был устроен склад. В течение двух дней мы привели все в относительный порядок и создали элементарные удобства.

Дорога оказалась в приличном состоянии, и через Сурамский перевал мы благополучно прибыли в Боржоми.

Во время пребывания в Боржоми мы часто выезжали на машинах в окрестные города. Тов. Сталин любил побеседовать с местным населением. Выйдет из машины, поговорит со стариками, покатает на машине ребят и, довольный, возвращается домой.

Однажды во время прогулки мы заехали в чудесную дубовую рощу. Тов. Сталин любил отдохнуть и поесть на воздухе, мы всегда возили с собой несессер с посудой и продукты. Только мы вышли из машины и начали организовывать стол и закуску, как я увидел военного в чине полковника, который направлялся к нам. Подойдя ко мне, он доложил, что мы находимся на территории артсклада, где посторонним останавливаться воспрещается. Я объяснил ему, что мы приехали с т. Сталиным и если здесь нет опасности взрыва, то мы хотели бы здесь отдохнуть. Заверив нас, что опасности никакой нет, он снял пост, который находился поблизости, чтобы мы могли спокойно посидеть.

Сталин пригласил его закусить с нами. Завязался теплый непринужденный разговор. И. В. поделился своими воспоминаниями о подпольной работе, которую он вел на Кавказе, поговорили о литературе, о политике. Время прошло незаметно, начало темнеть. Мы распрощались с полковником и вернулись в Боржоми.

ОБ ОТНОШЕНИИ СТАЛИНА К ЛЮДЯМ

Мне хочется привести несколько примеров теплого и заботливого отношения Сталина к народу, сотрудникам и ко мне лично.

Вспоминается мне разговор, который происходил в тридцатые годы между Сталиным и Молотовым во время прогулки в Сочи. Разговор зашел о пятидневке. В то время воскресенье, как день отдыха, было отменено. Народ работал пять дней, а шестой день был днем отдыха. Рабочая неделя была непрерывной, и все отдыхали в разные дни. Тов. Молотов сказал, что до него дошли слухи, что народ недоволен пятидневкой, так как ни семья, ни друзья не могут вместе собраться, встретиться, чтобы провести свободный день.

Тов. Сталин, услышав это, тут же сказал:

— Раз народ недоволен, надо отменить пятидневку и сделать общий выходной день, как хочет народ. Надо объяснить это в печати и вынести решение.

Что и было сделано.

Тов. Молотов был в это время Председателем Совнаркома. Приведу еще один факт.

Живя в Сочи, И. В. решил осмотреть мацестинские ванны. Зайдя в помещение, где больные принимают ванны, он увидел, что воду в ванны подают грязно-черного цвета. Он возмутился. Вернувшись домой, он вызвал профессора Валядинского, который был ответствен за состояние курорта, и спросил его: «Неужели вы не можете очистить воду? Почему больные должны принимать такие грязные ванны? Нужно сделать все возможное для очистки воды». После этого разговора были приняты все меры и вода в мацестинские ванны стала поступать чистая.

Интересовался т. Сталин и строительством жилого фонда. Следил, чтобы строили добротно и красиво, чтобы здания украшали город, а не уродовали его, чтобы народ получал светлые и удобные квартиры. В послевоенное время он внимательно следил за тем, чтобы своевременно и регулярно снижали цены на продукты. Командирам — участникам войны — было разрешено на льготных условиях строить дачи для личного отдыха.

ОТНОШЕНИЕ К СОТРУДНИКАМ

О теплом отношении к сотрудникам приведу такой пример.

Однажды, во время летнего отдыха, один из сотрудников, охранявших территорию дачи, где отдыхал т. Сталин, заснул на посту. В его оправдание надо заметить, что сотрудников охраны у меня было всего девять человек, а территория была большая, вся в зарослях, и люди, конечно, уставали. Тов. Сталину доложили об этом, он вызвал меня и спросил, какие были приняты меры в отношении этого сотрудника. Я ответил, что хочу снять его с работы и отправить в Москву.

И. В. заинтересовался, сознался ли он в том, что заснул на посту. Я ответил, что сознался.

— Ну, раз сознался, не наказывай его, пусть работает, — сказал И. В.

После этого случая я провел с сотрудниками беседу, увеличил охрану и таким образом дал возможность охране нормально отдыхать.

О заботливом отношении лично ко мне говорит такой факт.

В 1948 году в Крыму во время отдыха т. Сталин вызвал меня и сказал, что к нему приедут семья, гости, их будет шесть человек (Готвальды). Нужно их обеспечить помещением, питанием и обслуживанием. Сами мы сегодня тоже переедем на какую-нибудь из свободных дач.

Вечером, как всегда на отдыхе, мы с секретарем Поскребышевым ужинали вместе со Сталиным.

И. В. много шутил, делился воспоминаниями из своего прошлого, рассказывал о жизни в ссылке в Туруханском крае. Эти часы досуга, проведенные в обществе вождя, навсегда останутся в памяти как лучшие часы моей жизни. Он так располагал к себе, что я всегда чувствовал себя с ним просто и свободно.

Засиделись за ужином мы очень долго и тут же, не ложась спать, решили ехать на другую дачу. Разбудив шоферов, поехали в Ливадию.

Приехав в Ливадию, т. Сталин велел накрыть на веранде завтрак и пригласил шоферов и сотрудников охраны, которые сопровождали нас. Завтрак прошел в теплой дружеской

обстановке. После завтрака т. Сталин и Поскребышев отправились отдохнуть, поскольку мы не ложились в эту ночь, а у меня нашлись дела. К тому же я был возбужден этой беседой с вождем и спать не хотел.

Поспав несколько часов, т. Сталин попросил машину, чтобы поехать осмотреть дачу, которую мы решили приготовить для гостей.

Когда я подошел к нему, он увидел, что вид у меня уставший, и, узнав, что я не ложился, не разрешил мне ехать с ним, а приказал немедленно лечь спать. Уйти я ушел, но спать не мог, а на другой машине сопровождал его. Вернувшись домой, т. Сталин несколько раз спрашивал, спит ли Власик, и только на другой день вызвал меня и спросил, выспался ли я. Я извинился перед ним, он засмеялся. Я видел в нем поистине родного, близкого мне человека.

За двадцать пять лет работы у меня, конечно, были ошибки и промахи, и он со всей чуткостью и тактом разбирался в них и многое прощал мне, видя мою искреннюю неподкупную преданность и горячее желание оправдать его доверие.

ЧКАЛОВ

Не грубо и жестоко, а бережно и внимательно относился Сталин к людям. Всем известно его теплое и отеческое отношение к прославленному летчику В. П. Чкалову. Вспомним его слова, сказанные Чкалову: «Ваша жизнь дороже нам любой машины». Слова, которые до глубины души взволновали этого мужественного, грубоватого с виду летчика. Вспомним заботы Сталина о дальнейших его полетах.

Маршрут первого беспосадочного полета Чкалова Москва—Петропавловск-на-Камчатке был подсказан Сталиным как этап для подготовки беспримерного перелета через Северный полюс в Америку. Сталин беспокоился за Чкалова, уговаривал его не торопиться с полетом через полюс, как очень опасным. Лучше тщательней проверить самолет и материальное оборудование, чтобы в какой-то степени обезопасить полет через полюс. И Чкалов отвечал ему горячей любовью за его внимание и заботу.

Вспомним, как на приеме в Кремле в Георгиевском зале в честь возвращения чкаловского экипажа из Америки после перелета через Северный полюс эмоциональный Чкалов, рванув на груди гимнастерку, воскликнул, обращаясь к Сталину: «Не только жизнь, сердце мое отдаю вам!»

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТАМ

Очень любил И. В. детей. Встречая на прогулках детей, он всегда вступал с ними в разговор.

Помню однажды, во время прогулки на Мацесте т. Сталина и т. Молотова, мы встретили маленького мальчика лет шести, очень разговорчивого и смышленного. Он толково и обстоятельно отвечал на вопросы И. В. Когда они познакомились, т. Сталин протянул ему руку и спросил: «Как тебя зовут?» — «Валька», — солидно ответил мальчик. «Ну а меня Оська — рябой, — в тон ему сказал т. Сталин. — Ну вот, мы теперь с тобой знакомы». Мы с Молотовым рассмеялись, а мальчик внимательно посмотрел на И. В. У т. Сталина после перенесенной в детстве оспы было на лице несколько рябинок.

Любил т. Сталин животных. Однажды в Сочи он подобрал голодного бездомного щенка. Сам лично кормил его и заботился о нем. Но щенок оказался неблагодарным и, когда отъелся и окреп, сбежал.

Я привел все эти факты теплого и чуткого отношения Сталина к окружающим, народу в опровержение распространенного после его смерти утверждения, представляющего его как человека грубого и жестокого, бесчеловечного и беспощадного к окружающим.

Это — ложь. Таким он никогда не был. Он был прост и приветлив. Снисходителен и чуток. Он был беспощаден к врагам, но крепко любил друзей.

ВОЙНА (1941—1945)

Сталина упрекают в том, что в 1941 году страна оказалась неподготовленной к войне. Так ли это? И так ли просто было подготовиться к такой страшной, опустошительной войне?

Ведь воевать пришлось не против одной страны. Гитлер обрушился на нас военной техникой, собранной почти со всей Европы. И имел союзников в лице Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии. Кроме того, Германия всегда была мощной военной державой.

Сколько войн развязала она на Европейском континенте. А Советский Союз был мирной державой, стремился только к миру и верил в мирные договоры. Подготовиться должным образом к войне с таким сильным противником было не так-то просто. Возможности к этому у Германии и у СССР были различны. У немцев была прекрасная база для вооружения — знаменитые заводы Круппа, Мессершмитта и других пушечных королей и магнатов.

Гитлер, придя к власти в 1933 году, только и занимался вооружением армии и подготовкой к войне.

А у Советского Союза было немало других забот и задач.

Вспомним, в каком положении находилась страна в 1920 году. Смолкли залпы Гражданской войны. Люди возвратились к мирному труду. Началось восстановление народного хозяйства на новых социалистических началах. Положение в стране было настолько трудным, что пришлось даже немного отступить.

По решению X съезда партии в 1921 году была введена новая экономическая политика (нэп). Это помогло более быстрому восстановлению государственной промышленности. Но нужно было не только восстанавливать все разрушенное старое, но и строить новое.

Превратить СССР из страны аграрной в страну индустриальную. Что же было сделано под руководством Сталина за шестнадцать лет, с 1924-го, после смерти Ленина, по 1941 год? Уже первый пятилетний план 1929—1933 годов принес огромные успехи.

Была создана первоклассная тяжелая индустрия. Были построены такие крупные промышленные предприятия, как Магнитогорский металлургический комбинат. Был построен один из первенцев пятилетки, гигант тяжелого машиностроения Уралмаш. Была построена мощная Днепровская ГЭС. Было завершено грандиозное строительство Турксиба. Эта дорога

имела огромное хозяйственно-политическое значение. Она соединила два обширных и богатых района — Сибирь и Среднюю Азию. Возникали новые заводы и шахты. В безлюдных ранее местах вырастали новые города. Комсомольск-на-Амуре, построенный в 1933 году руками молодежи, стал крупным индустриальным центром Дальнего Востока.

Все были охвачены единым порывом, работали с огромным энтузиазмом. Вспомним имена героев пятилеток — Изотова, Стаханова в угольной промышленности, Кривоноса на железнодорожном транспорте, Виноградову в текстильной промышленности, Ангелину и Демченко в сельском хозяйстве. В первой пятилетке была также проведена коллективизация сельского хозяйства и ликвидирована безработица.

Во второй пятилетке, в 1933—1937 годах, развернулось грандиозное школьное строительство и началась подготовка к созданию военной мощи нашей страны.

* * *

Но мирному строительству молодой Советской республики мешали враги, находящиеся внутри страны.

В годы первой пятилетки была разоблачена и понесла наказание крупная вредительская организация под названием «Промпартия», которая устраивала диверсии на советских предприятиях: выводила из строя шахты, действовала на транспорте, в нефтяной промышленности и, кроме этого, передавала за рубеж шпионские сведения о состоянии советской авиационной промышленности, о строительстве аэродромов, о работе транспорта. Финансировала эту организацию, возглавляемую директором Московского теплотехнического института, крупным русским ученым Рамзиным, международная организация миллионеров царской России «Торгпром». Второй вредительской организацией, которая также устраивала диверсии и занималась шпионажем в СССР, была московская контора английского электропромышленного предприятия «Метро-Викнерс», которая действовала по заданию Интеллидженс сервис, при помощи русских сотрудников предприятия, завербованных английской разведкой.

В 1931 году был раскрыт заговор меньшевиков, которые также сотрудничали с Промпартией.

К концу второй пятилетки были окончательно разгромлены и ликвидированы троцкистские организации.

* * *

Довести до конца третий пятилетний план, рассчитанный на развитие машиностроения, металлургии, электроэнергии, химической промышленности и топлива, помешала война. Но, несмотря на все трудности и происки врагов, страна победно шла вперед. Был создан мощный воздушный флот. Вспомним героический подвиг летчика Б. Чухновского, снявшего с льдины потерпевший аварию экипаж Нобеля в 1928 году.

Вспомним беспримерные перелеты через Северный полюс наших прославленных летчиков Чкалова, Байдукова, Белякова, Громова, Юмашева, Данилина в 1937 году. Вспомним мировые рекорды В. Коккинаки, а мировые достижения наших девушек-летчиц!

В эти же годы началось интенсивное освоение Арктики.

Вспомним легендарный дрейф — лагерь Папанина в 1937 году, за которым с волнением и восхищением следил весь мир.

Вспомним героев-челюскинцев, седовцев. Много хорошего было сделано за эти шестнадцать лет. Много было создано жизненно необходимого для народа, для процветания и укрепления страны.

Много было совершено подвигов, прославивших нашу страну. И мы сумели вырастить чудесное поколение молодежи, мужественной, честной, стойкой, преданной своей Родине, молодежи, которая совершала неслыханные чудеса героизма во время войны, нашествия фашистов на нашу страну. Имена героев Отечественной войны будут вечно живы, подвиги их не забудутся никогда.

Не надо забывать, что и научная база для совершения космических полетов была также заложена в эти годы.

Вероломное нападение Германии, только что заключившей с нами мирный договор, до известной степени застало нас врасплох, но, несмотря на это, с первых же дней войны мы смогли оказывать врагу серьезное сопротивление. В первых же боях гитлеровцы понесли огромные потери.

Весь народ поднялся на защиту Родины. По призыву Сталина в тылу врага были организованы многочисленные партизанские отряды, наносившие неожиданные удары по врагу и создавшие невыносимо тревожную обстановку в тылу у немцев. Но армию надо было не только вооружить, но и одеть и накормить.

В эту страшную снежную зиму 1941/42 года, с жестокими морозами, наша армия была тепло одета, тепло обута и сытно накормлена.

Медицинское обслуживание армии было также на высоком уровне. Медицинская помощь как на передовых рубежах, так и в тылу, быстрая и своевременная госпитализация спасли жизнь многим бойцам. Работа тыла по снабжению армии всем необходимым, что также чрезвычайно важно, была безукоризненна.

Надо учесть, что много складов боеприпасов находилось на территории Белоруссии и в первые же дни войны они попали в руки врагу. Такое размещение военных складов на территории, близкой к границе, спланированное по распоряжению военного командования, нельзя не заподозрить в преднамеренности. Вот тут уместно вспомнить о заговоре военных, о котором говорилось выше.

Несмотря на все это, если мы и отступали, то оказывали при этом упорное сопротивление, нанося противнику огромный урон. А ценой каких потерь ему удалось подойти к Москве? Возможно ли все это, если бы мы не были подготовлены к войне? А как объяснить, что мы сумели отстоять сердце страны — Москву, которая оказалась почти недоступной для вражеской авиации? Заградительный огонь на подступах к Москве был создан по инициативе т. Сталина. Мне могут возра-

зять, что мы тоже имели союзников в лице Англии и Америки, которые помогали нам вооружением. Да, конечно, мы имели от них помощь, но все же перелом в войне наступил тогда, когда наши военные заводы, эвакуированные в самом начале войны на восток, стали давать нам в огромном количестве танки, пушки, самолеты. А первую помощь от наших союзников мы начали получать только в октябре 1941 года.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Мне вспоминается один эпизод, случившийся в первые дни войны, который, безусловно, характерен для Сталина и опровергает утверждение о его грубости и бессердечности в отношении окружающих и подчиненных. Не помню, какого числа, но, во всяком случае, в первую же неделю войны, на третий или четвертый день, была объявлена воздушная тревога. Население было уже подготовлено, и все без паники укрылись в убежище. Но факт сам по себе был неприятный. В первые же дни войны врагу удалось прорваться к сердцу страны — Москве. Утром населению было объявлено, что была учебная тревога с целью подготовки жителей столицы к укрытию в убежищах.

Что же произошло на самом деле? Оказалось, что наш заградотряд, охранявший подступы к столице, принял свои самолеты за вражеские и открыл по ним огонь. Была объявлена воздушная тревога. Потом все это быстро выяснилось и был дан отбой.

Узнав об этом, Сталин тут же вызвал помощника командующего войсками Московского военного округа по ПВО Громадина М. С. Легко представить себе самочувствие Громадина. Ошибка была серьезной, и надо было давать объяснения самому Сталину. Что, кроме заслуженного наказания, мог ожидать он от этой встречи? Но все его опасения жестокого разгона оказались напрасными. Сталин принял его приветливо и тепло, расспросил его обо всем, поинтересовался, где он учился, что закончил, и в заключение сказал: «Вы уж постарайтесь больше не ошибаться и помните, что сейчас идет война и ошибки могут привести к тяжелым последствиям».

Вышел Громадин от Сталина и облегченно вздохнул, откровенно признавшись, что такого внимательного и теплого отношения к себе после совершенной ошибки он никак не ожидал.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 6 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

За несколько дней до ноябрьских праздников в 1941 году т. Сталин вызвал меня и сказал, что надо подготовить помещение станции метро «Маяковская» для проведения Торжественного заседания.

Времени было очень мало, я сейчас же позвонил заместителю председателя Моссовета Яснову и договорился поехать вместе с ним на площадь Маяковского. Приехав и осмотрев станцию метро, мы составили план. Надо было построить сцену, достать кресла, устроить комнату отдыха для президиума и организовать концерт. Все это мы быстро организовали, и в назначенное время зал был готов. Спускаясь по эскалатору на Торжественное заседание, т. Сталин посмотрел на меня (я был одет в бекешу и папаху) и сказал: «Вот у тебя на папaxe звезда, а у меня ее нет. Все-таки, знаешь, неудобно — главнокомандующий, а одет не по форме, и на фуражке даже нет звезды, ты уж достань мне, пожалуйста, звезду».

Когда т. Сталин уезжал домой после заседания, на его фуражке блестела звезда. В этой фуражке и в простой шинели без каких-либо знаков отличия он выступал на историческом параде 7 ноября 1941 года. Мне удалось его удачно сфотографировать, и эта фотография была распространена в большом количестве. Бойцы прикрепляли ее на танки и со словами: «За Родину! За Сталина!» — шли в ожесточенные атаки. Но это я забежал вперед.

Торжественное заседание открыл председатель Моссовета Пронин В. П. На заседании присутствовали секретари райкомов, исполкомов, военные представители и представители общественности. С докладом выступил т. Сталин. Говорил он долго, думаю, не меньше часа, но точно не помню.

Тов. Сталин не был прирожденным оратором, говорил он тихо, но излагал свои мысли необыкновенно просто и доходчиво.

Тов. Сталин говорил о ходе войны за истекшие месяцы, о причинах временных неудач и о неизбежном разгроме гитлеровских полчищ. Закончил он свой доклад словами: «Наше дело правое — победа будет за нами!» Он никогда не сомневался в нашей победе над врагом.

После доклада был перерыв, а затем начался концерт с участием ведущих артистов тех театров, которые работали в Москве во время войны. Из Куйбышева для участия в концерте были также вызваны Козловский и Михайлов, которые выступили с большим успехом и в заключение по моему предложению исполнили веселый дуэт «Яр хмель», который внес в концерт искру веселья. После окончания концерта т. Сталин поехал в Кремль, где у себя в кабинете провел заседание с членами Политбюро. На этом заседании также присутствовал начальник Главного управления тыла Красной Армии генерал Хрулев А. В. После заседания был ужин, затем все разъехались.

Тов. Сталин прилег отдохнуть. Спал он вообще очень мало, а во время войны иногда и совсем не ложился, приляжет днем часа на два и то просит Поскребышева разбудить его при малейшей необходимости.

ПАРАД 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

7 ноября на Красной площади, как обычно, был назначен парад. Были приняты все меры для обеспечения безопасности и порядка, но все же риск был велик.

Утром 7 ноября т. Сталин встал очень рано. Было еще темно, на улице бушевала метель, нанося огромные сугробы снега. Я проводил его на Красную площадь ровно в 8 часов, т. Сталин и руководители партии и правительства поднялись на Мавзолей. Под бой часов из Спасских ворот на горячем коне появился принимающий парад Маршал Советского Союза т. Буденный.

Парад начался. Объезжая войска и поздравляя их с праздником, т. Буденный слышал в ответ такое горячее и дружное «ура!», что я увидел, как прояснилось лицо у т. Сталина, каким оно стало радостным и довольным.

Стараясь стоять всегда на виду у Сталина, чтобы он мог в любую минуту позвать меня, я сам не спускал с него глаз.

И действительно, я ему понадобился. Надо сказать, что перед парадом была договоренность передавать парад по радио только по площадям Москвы. Подозвав меня, т. Сталин спросил, нельзя ли сделать так, чтобы передать Красную площадь в эфир, то есть чтобы парад на Красной площади слышал весь мир.

Я спустился вниз, в Мавзолей, где у меня дежурил начальник отдела связи т. Потапов, там же находился министр связи, и передал им желание т. Сталина. Получив в ответ: «Все будет обеспечено», — я вернулся, чтобы доложить об этом т. Сталину. Он уже начал свое историческое выступление. Я обратился к Молотову, который стоял рядом, и сказал громко, чтобы слышал т. Сталин:

— Красная площадь вышла в эфир!

Исторический парад 7 ноября 1941 года на Красной площади и выступление Сталина сыграли огромную роль в ходе войны. Он поднял дух в войсках, укрепил веру в победу и воодушевил народ на новые подвиги как на фронте, так и в тылу.

Проведение традиционного парада в Москве, когда враг стоял в 30 км от столицы и Гитлер заранее праздновал победу, показало бесстрашие русского народа перед врагом, его решимость защищаться до последней капли крови. «Стоять насмерть» было девизом каждого советского воина, оборонявшего подступы к Москве», — писал маршал Рокоссовский. Ярким примером этому служит легендарный подвиг героев-панфиловцев.

В декабре 1941 года наши войска перешли в наступление. Разгром немецких дивизий под Москвой развеял миф о непобедимости гитлеровских армий.

Сталин всегда был абсолютно твердо уверен в победе. Слова, сказанные им на Торжественном заседании 6 ноября 1941 года: «Наше дело правое — победа будет за нами!» — стали лозунгом. Народ верил ему и любил его. С его именем шли в бой, побеждали и умирали. Пусть ценой больших потерь, в такой войне они неизбежны, он привел страну к победе.

И как неотделим образ Кутузова от героев Отечественной войны 1812 года, так нельзя отделить образ Сталина от героев Отечественной войны 1941—1945 годов.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Сопровождал я т. Сталина и на конференции руководителей трех держав в Тегеран, Ялту и Потсдам.

Подготовка к проведению этих конференций была поручена возглавляемому мною Главному управлению охраны. Оно обеспечивало личную охрану, помещения и транспорт. Во время конференции в Тегеране Главное управление охраны обеспечивало не только советскую делегацию, но и американскую, так как президент Рузвельт и сопровождавшие его лица имели резиденцию на территории нашего посольства.

На конференции в Тегеране, которая состоялась в конце ноября 1943 года, с 28 ноября по 1 декабря, кроме т. Сталина присутствовали Молотов, Ворошилов и начальник Оперативного управления Генштаба Штеменко.

Остановилась наша делегация в советском посольстве, которое занимало большую территорию с хорошим парком, где находилось несколько зданий, окруженных прочной оградой.

Английское посольство, где остановился премьер-министр Черчилль, находилось поблизости, а вот американское посольство находилось на другом конце города. Чтобы добраться до него, нужно было проехать большое расстояние по улицам Тегерана. Все это таило в себе много опасностей. Шпионов в то время собралось в Тегеране немало. И как нам стало известно, готовилось даже покушение на Рузвельта. Сталин предупредил об этом Рузвельта и предложил ему приехать в наше посольство.

Рузвельт согласился.

И для него, и для нас, и для англичан это было гораздо удобнее, так как избавляло всех от опасных поездок по городу.

За время пребывания в Тегеране т. Сталин нанес визит шаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви в его поистине сказочном хрустальном дворце. Эту встречу мне лично удалось запечатлеть на фотографии.

30 ноября Черчиллю исполнилось 69 лет. По этому случаю в английском посольстве был устроен торжественный

прием, на котором присутствовал т. Сталин. На приеме было много гостей, было произнесено много тостов и был, конечно, традиционный пирог с 69 зажженными свечами.

Торжественной была церемония вручения меча от имени английского короля Георга VI жителям героического Сталинграда. Приняв от Черчилля меч, Сталин вынул его из ножен и поцеловал. Поблагодарив за подарок, Сталин подошел к Рузвельту и показал ему меч. Сталин вообще очень внимательно и тепло относился к Рузвельту, ценя, видимо, в нем ту искренность и доброжелательность, которую он проявил в течение всех переговоров.

Однажды во время обеда, который проходил в советском посольстве, Рузвельт похвалил советское шампанское, которое ему очень понравилось. Запомнив это, Сталин после обеда поручил мне тут же отправить Рузвельту ящик шампанского.

На Тегеранской конференции мне снова пришлось выступить в роли фотокорреспондента. Вместе с другими фотокорами я заснял Большую тройку, которая специально позировала для печати. Фотографии получились очень удачные и были напечатаны в советских газетах.

2 декабря мы покинули Тегеран и благополучно вернулись в Москву. Много волнений пришлось испытать мне во время поездки. И во время перелета, и во время пребывания на чужой территории в такое тревожное время. Но и много радости и гордости испытал я за свою страну и ее вождя, видя, с каким увлечением и вниманием прислушивались к словам и мнению т. Сталина Рузвельт и Черчилль, как мудро и тактично держался т. Сталин во время этих трудных переговоров.

Да, велик был его авторитет.

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Во время Крымской конференции, которая проходила в феврале 1945 года в Ялте, Главное управление охраны обеспечивало всем необходимым все три делегации. Много трудов было положено на то, чтобы привести в порядок поме-

щения, дороги, наладить телефонную связь. Крым немало пострадал от врага, который разрушал все подряд.

Все три делегации были размещены следующим образом.

Делегация США, возглавляемая президентом Рузвельтом, — в бывшем Ливадийском дворце в Ялте.

Английская делегация, возглавляемая премьер-министром Черчиллем, — в бывшем Воронцовском дворце в Алушке. Советская делегация во главе с т. Сталиным — в Кореизе, в бывшем дворце Юсупова.

Все заседания решено было проводить в Ливадийском дворце, так как президенту Рузвельту по болезни тяжело было совершать какие-либо переезды. За два года, которые прошли со дня Тегеранской конференции, Рузвельт сильно изменился. Он очень похудел и осунулся, чувствовалось, что он серьезно болен, но, несмотря на это, он был так же приветлив, оживлен и доброжелателен.

На конференции в Крыму присутствовали министры иностранных дел, начальники штабов и другие советники. Кроме них были секретари, охрана, летный состав, обслуживающий персонал. Обо всех надо было подумать, всех обеспечить питанием, транспортом и всем необходимым. Нужно было организовать приемы, завтраки, обеды.

У американцев и англичан принято на всех приемах подавать крошечные бутерброды-сэндвичи.

Хотя время было еще военное и с продуктами были трудности, я решил принимать гостей по русскому обычаю хлебосольно и распорядился, чтобы бутерброды приготовили большие, такие, как у нас принято, густо намазанные маслом, икрой, чтобы ветчины или рыбы лежал солидный кусок. И официанток подобрал рослых, румяных девушек. Успех моих бутербродов превзошел все ожидания.

Крымская конференция продолжалась в течение восьми дней.

При подписании коммюнике у т. Сталина что-то случилось с авторучкой. Он обратился ко мне. Я дал ему свою авторучку, которой и был подписан этот исторический документ. Эту ручку я храню как память об этом знаменательном дне.

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

После победного окончания войны состоялась третья встреча глав правительств трех великих держав.

Берлинская конференция проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 года. Но, к сожалению, Рузвельт уже не присутствовал на этой конференции, американскую делегацию возглавлял новый президент США Гарри Трумэн.

На этой конференции присутствовали министры иностранных дел трех стран — Молотов, Бирне и с английской стороны Иден, а также начальники штабов и другие советники. Для подготовки к проведению конференции мне пришлось заранее вылететь в Потсдам.

Подготовку к этой конференции я проводил совместно с министром внутренних дел. Он отвечал только за подготовку помещения, а я за общий зал заседания и охрану.

17 июля 1945 года состоялось первое заседание. Заседания проходили в Бабельсбергском дворце Сесилиан-Хоф недалеко от Потсдама. Жили мы в Бабельсберге.

После девяти заседаний конференция была прервана на два дня, так как в Англии в это время проходили выборы, и на последующих заседаниях в качестве премьер-министра Англии вместо Черчилля присутствовал вновь избранный премьер-министр господин Климент Эттли и вместо Идена новый министр иностранных дел Э. Бевин.

Решая сложнейшие вопросы, вынося важнейшие решения, будучи все время предельно внимателен на всех ежедневных заседаниях и, безусловно, уставая, т. Сталин оставался по-прежнему внимательным и любезным к окружающим. Узнав, что президент Трумэн любит музыку, он распорядился вызвать в Потсдам Эмиля Гилельса, и на очередном приеме, который состоялся в резиденции Сталина и на котором присутствовал Трумэн, выступил прославленный пианист, доставив всем присутствующим огромное удовольствие.

Все три конференции прошли безупречно, никаких недоумений и неприятных происшествий не было. Вся охрана, весь командный и офицерский состав, обслуживающий персонал и лично я были награждены орденами.

За конференцию в Тегеране я был награжден орденом Ленина. За Крымскую конференцию — орденом Кутузова I степени. За Потсдамскую конференцию — орденом Ленина.

ПОБЕДА

В течение всей войны И. В. напряженно работал, радуясь успехам и тяжело переживая неудачи, внимательно следя за тем, что происходило на фронтах, вникая во все мелочи.

Имея огромный жизненный опыт, прекрасно разбираясь в вопросах стратегии, на совещаниях он всегда прислушивался к мнению других и всегда ценил инициативу. Он обладал великолепной памятью, чем часто просто поражал меня, да и не только меня. Многие удивлялись его феноменальной памяти.

Во время войны т. Сталин выезжал на фронт, но я его не сопровождал из конспиративных соображений. Считалось, что если Власик в Москве, то и Сталин в Москве.

Наблюдая за ним в эти трудные годы, я поражался его работоспособности. Как я уже говорил, он очень мало спал, напряжение было огромное, а годы у него были уже немолодые, все это не могло не отразиться в дальнейшем на его здоровье и нервах.

Нелегкой была и поездка на конференцию в Тегеран в самый разгар войны, когда наши армии, истекая кровью, один на один сражались с фашистскими полчищами, а обещанное открытие второго фронта все откладывалось.

Несмотря на все трудности, особенно в первые месяцы войны, Сталин никогда не сомневался в победе.

Накануне праздника 7 ноября 1941 года, узнав, что я отправил его библиотеку в Куйбышев, он с твердой уверенностью сказал:

— Напрасно ты это сделал. Москву мы никогда не отдадим!

Помню, как меня обрадовали его слова, как подняли настроение. Ведь враг был на подступах к Москве, но наш вождь был предан своему делу, он отдавал ему все силы, не жалея себя. И все усилия и труды не пропали даром.

Враг был разбит. Мы победили.

ПАРАД ПОБЕДЫ

2 мая был взят Берлин и советское знамя развевалось над зданием рейхстага. 9 мая Германия подписала акт о капитуляции. Ликовала страна, ликовала Москва. На улицах Москвы царило необыкновенное оживление.

Красная площадь была заполнена народом. Военных обнимали, целовали, даже качали. Радость и гордость переполняли сердца людей. Маршала Рокоссовского, который в один из этих дней был на концерте в зале Чайковского, вынесли на руках. 9 мая 1945 года было объявлено праздником — Днем Победы. А 24 июня на Красной площади состоялся Парад Победы. В параде участвовали сводные полки всех фронтов во главе с командующими фронтами.

Прекрасен, неповторим был этот парад. Великолепен был выезд из Спасских ворот Кремля принимающего парад маршала Жукова на белом коне. Под опытным кавалеристом командующим парадом маршалом Рокоссовским был вороной конь. Лил проливной дождь, но никто не обращал на него внимания. Ничто, кажется, не могло испортить того радостного, приподнятого настроения, которое царило в этот день на Красной площади. Да, такого парада Москва не видела никогда. Сколько прославленных полководцев, сколько героев, сколько овеянных боевой славой знамен увидели присутствующие на параде. Но самым волнующим был момент, когда замолк оркестр и в наступившей тишине под резкую барабанную дробь вражеские знамена были брошены к ногам победителей. Их было много, грудой лежали они перед Мавзолеем. Они попали на Красную площадь, как мечтали их полководцы, но это был поверженный враг у стен Кремля.

На другой день, 25 июня, в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада.

ТОСТ

Можно ли обвинять Сталина в зазнайстве, в приписывании себе всех успехов в победе, если вспомнить тост, произнесенный им на приеме в Кремле в честь командующих вой-

сками Красной Армии 24 мая 1945 года. Сталин поднял тост за советский народ, и прежде всего за русский народ. За народ, у которого ясный ум, стойкий характер и терпение.

Сталин сказал в своем тосте: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, но русский народ верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа... оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!» — закончил Сталин свой тост.

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ»

После смерти Сталина появились такие выражения, как «культ личности», и «это было в период культа личности». Выражения эти надо понимать так, что в этот период творились беззакония. Власти делали что хотели, ни с кем и ни с чем не считаясь. Так ли это?

В 1930-е годы было раскрыто несколько заговоров, о которых уже упоминалось, прошел процесс Ягоды.

Врагами народа был убит Киров. От рук врагов погибли Менжинский, Куйбышев, сын Горького Максим. Все эти злодеяния врагов советской власти не могли не вызвать волны арестов. Враг не действовал в одиночку, он имел сообщников. Все аресты происходили в рамках закона.

Что значит само слово «культ»? Поклонение, чрезвычайное уважение. Если человек-руководитель своими делами заслуживает любовь и уважение окружающих, что в этом дурного? Если любовь и уважение чрезмерны, это перерастает в культ. Но не надо забывать, что нельзя навязать народу любовь к кому-либо, заставить его поклоняться кому-либо, это может быть только по воле самого народа, никакая агитация, никакая реклама не сможет внушить народу любовь и уважение к кому-либо, будь то государственный деятель или артист. Народ любил и уважал Сталина. Он олицетворял собой

страну, которую вел к процветанию и победам. Под его руководством было сделано немало хорошего, и народ это видел. Он пользовался огромным авторитетом. Я знал его очень близко, знал его достоинства и недостатки, и я утверждаю, что он жил только интересами страны, интересами своего народа. Личной жизни у него не было! Я не считаю, что этот культ, о котором сейчас так много говорят, причинил большой вред нашей стране.

На Кубе народ очень любит своего вождя и руководителя Ф. Кастро. Он заслужил эту любовь. Он много сделал и делает для народа. Если жители на своих домах пишут: «Это твой дом, Фидель» — разве это не похоже на культ? А что в этом плохого?

Наши солдаты шли в бой с возгласом: «За Родину, за Сталина!» Они не отделяли его от Родины, а разве их учили этому, внушали это? Нет, все это возникало стихийно и помогало побеждать.

Я на себе испытал обаяние этого человека. Я верил ему, любил его и был безгранично ему предан. В любую минуту я готов был отдать жизнь за него. Меня же никто на это не агитировал. Он для меня олицетворял и партию, и народ.

Он пользовался любовью, уважением и огромным авторитетом не только в своей стране, но и во всем мире. Легко обвинить человека, когда он мертв и не может ни оправдаться, ни защититься. Почему же при жизни никто не решился указать ему на его ошибки? Что же мешало? Страх? Или не было этих ошибок, на которые надо было указывать? Уж на что был грозен царь Иван, а находились люди, которые, не боясь смерти, указывали ему на его ошибки. Или перевелись на Руси смелые люди? Нет, война показала, что Сусанины не перевелись на Русской земле. Молодежь, ничего в жизни еще не успевшая испытать, не задумываясь отдавала жизнь за Родину, закрывая своей грудью вражеские дзоты.

* * *

Долгое время все молчали и никто не решался опровергнуть хотя бы одно обвинение, выдвинутое против умершего. И только спустя тринадцать лет начали появляться робкие

попытки оправдания. Критикуя руководство Сталина, утверждали, что он руководил военными действиями по глобусу.

Адмирал Кузнецов Н. Г. в своей книге «Накануне» (1966) решился опровергнуть это утверждение: «Совершенно неверно злобное утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения.

Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, когда нужно, вплоть до положения каждого полка». В газете «Красная звезда» от 30 мая 1967 года в статье «Мемуарист и история» генерал-майор Жилин и полковник Макаров написали: «Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, проявляя большую твердость, руководил военными действиями в целом правильно и имел немало заслуг в этой области».

Эти робкие попытки послужили началом благородного дела реабилитации вождя. Я не теряю веры в то, что правда восторжествует.

Записки А. Т. Рыбина

НАЗНАЧЕНИЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ОХРАНУ

...Я приехал в Москву из Ленинграда, где работал инспектором ДСИ. В Москве я оказался в дивизии ОСНАЗ и обучался в 3-й пограншколе. Но вскоре начальником штаба дивизии Мироновым был направлен в оперотдел ОГПУ правительственной охраны. Тогда мне было всего двадцать три года. Теперь я, обычный парень из уральской деревни Рыгач, каждый день видел и слышал всех, на кого еще совсем недавно мог посмотреть лишь в газете. Вот как мне повезло! Вот какая выпала честь!

Скоро вместе с Жагорниковым и Горундаевым я поехал на строительство сталинской дачи в районе Кунцево. Это место едва ли можно назвать райским. С севера за сосновым лесом пролегало Можайское шоссе, откуда слышался постоянный гул транспорта, сигналы машин, неслись выхлопные газы. Западнее, в деревне Давыдково, вечерами под гармошку вовсю горланили пьяные мужики, которых неистово бранили голосистые жены. С юга, примерно на таком же расстоянии, находилась Киевская товарная станция, где не умолкал грохот буферов при сцепке вагонов, а маневровый паровоз почему-то непрестанно издавал пронзительные гудки. От всего этого содома не спасали ни сосны, ни дощатый забор.

Одноэтажная дача из семи комнат строилась круглые сутки. Спальня Сталина была где-то двадцати метров. Стены зала обили мореной фанерой под дуб, а комнат — в основном под соломку. Швы прикрыли такими же рейками. Откуда-то привезли деревянную полуторную кровать, на которой мы спали поочередно. Потом ее занял Сталин. Никаких бассейнов или массажных на даче не имелось. Никакой роскоши — тоже. Солидно выглядел только паркетный пол в зале.

Смотреть готовую дачу приехали И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. К. Орджоникидзе. Пожилой архитектор Мержанов по старому обычаю снял картуз и держал его левой рукой на уровне груди, а правой здоровался с гостями. Под конец все поднялись на просторный солярий. Сопровождавший их Г. Ягода все время держался поодаль и потому остался внизу, около своей машины. Дачу приняли комендант Ефимов с помощником Мозжухиным. А мы с Горундаевым стали выполнять обязанности личной охраны И. В. Сталина. Он появлялся все чаще. Затем начал жить постоянно. В Кремль ездил на черном «паккарде». Иногда после работы отдыхал на солярии. Во время дождя укрывался в небольшой деревянной будке.

СТАЛИН НА ОТДЫХЕ

С конца июля до 3 ноября Сталин обычно отдыхал в Сочи. Дача находилась вблизи Большой Мацесты на горе. В тридцать втором году я уже поехал туда. Мы, сотрудники охраны, жили в общежитии поблизости от дачи. Сталин регулярно принимал сероводородные ванны в Малой Мацесте — лечил полиартрит. Боли в ногах не давали ему долго сидеть. Если стоял, то обязательно переминался. При ходьбе становилось легче. Поэтому во время работы или совещания он всегда прохаживался по кабинету.

Навещали его тут Ворошилов, Киров и Калинин. Сталин очень любил принимать гостей, но сам почти не пил. Водку — совсем, коньяк — тоже редко. Признавал только вина «цинандали» и «телиани».

Каждую ночь он работал до двух-трех часов. Лишь тогда в кабинете гасло электричество. Днем в свободное время трудился в саду, ухаживая за посадками кустарника, или копался в огороде. А часа в четыре обязательно приходил на городскую площадку, огороженную сеткой. Начинались жаркие баталии!.. С ним в паре всегда играл рабочий кухни Харьковский. В другой паре чередовались Ворошилов или Киров с Власиком, возглавляющим охрану Сталина. По вечерам хозяин и гости сражались на бильярде. Проигравшие проползали на четвереньках под столом, по которому дубасили киями

хохочущие победители. Подыгрывать руководству в бильярд или городки строго запрещалось. Поэтому Сталину тоже приходилось оказываться под столом.

Тогда телевизоров еще не имелось. Мы, сотрудники охраны, для развлечения проводили вечера самодеятельности. Я читал поэму Багрицкого «Дума про Опанаса», Пантюшин играл на гармошке. Иногда нас посещал Сталин. Хлопал жидко, но все же благодарил за инициативу. Особенно ему нравилась русская пляска, которую мастерски, с различными коленцами, исполнял Макшеев. Еще более искрометно он откалывал цыганскую пляску.

КИРОВ

Киров каждый год в это время приезжал к Сталину.

Они основательно сдружились. Как-то сидели за столом, накрытым на склоне горы в тени дерева, и попивали грузинское вино с минеральной водой. Лукьянов, шофер Светланы и Василия, Антонов, Кузнецов и я находились поблизости. Сталин подозвал Кузнецова с Лукьяновым и пригласил за стол. Кузнецов отказался:

— Товарищ Сталин, мы же стоим на посту. Мы не можем нарушать инструкцию.

— Да вы, ребята, не бойтесь, — засмеялся Киров. — Я не выдам вас Власику. Выпьем вместе, закусим. Все будет шито-крыто.

Но мужественный Кузнецов был непреклонен. Тогда Сталин заключил:

— Наше дело с Сергеем Мироновичем вас пригласить, а остальное — ваше дело. Как вам будет угодно.

Обошлось. Хотя Сталин потом не раз усаживал всех за стол на террасе или на рыбалке и рассказывал смешные истории из прежней жизни — подпольной, тюремной или ссыльной. Все получалось вовсе не страшно, не опасно, а — наоборот...

В том роковом году, когда убили Кирова, мало кто навещал сталинские дачи. Наведался только председатель ЦИК Абхазской ССР Н. Лакоба, по кавказскому обычаю привез в подарок молодого барашка. Не забывал Сталина лишь Киров,

привычно живший у нас весь период семнадцатого съезда партии. Даже спал на сталинской кровати, а хозяин довольствовался диваном.

Они снова вместе парились в бане, которую готовил рабочий по дворовому хозяйству Дубинин. Бывало, так нагонят пару, что не видно самих. Заберутся на полку и вовсю хлещутся вениками! Больше никто из членов Политбюро не имел такой чести. Сталин гордился Сергеем Мироновичем — пламенным трибуном и надежным защитником интересов партии. Ведь он это прекрасно доказал на последнем съезде, где под общий хохот зала высмеял оппозицию в лице Бухарина, Зиновьева, Каменева и других. А про их вдохновителя Троцкого прямо сказал:

— Будь он трижды проклят, чтобы вспоминать его имя на таком ответственном съезде!

Как-то весной на ближней даче приготовили шашлыки, вино принесли. Весело улыбаясь, Киров подмигнул:

— Нам тут лишь музыки не хватает!

Как не хватает? Сразу позвали Пантюшина с полубаяном. По заказу Сталина он играл «Гори, гори, моя звезда» и «Сулико». А Киров любил песню «Есть на Волге утес».

* * *

Осенью Сергей Миронович проверял в Казахстане уборку хлебов и столкнулся с варварским отношением органов ГПУ к высланным переселенцам кулацких семей. По возвращении в Москву он указал на эти беззакония Ягоде. Тот воспринял все как удар по собственному престижу и затаил на Кирова уже личную злобу.

28 ноября закончил работу Пленум ЦК ВКП(б), принявший решение об отмене карточной системы с 1 января будущего года. Вечером Сталин, мой начальник Смирнов, комиссар Любовицкий и я проводили Кирова на вокзал. Сталин сердечно обнял Сергея Мироновича у двери вагона «Красной стрелы». А 1 декабря свершилось убийство.

Второго числа Сталин, Молотов и Ворошилов срочно выехали в Ленинград. Теперь Сталин тоже опасался покушения.

Поэтому нас охраняла дивизия имени Дзержинского. В Ленинграде по обеим сторонам нашего пути стояли шеренги красноармейцев. Потрясенный смертью Сергея Мироновича, Сталин за эти дни осунулся и почернел, оспины на лице стали виднее. Поцеловав покойного Кирова в губы, он еле слышно выдохнул:

— Прощай, дорогой друг...

* * *

Я постоянно находился в Смольном. Среди сотрудников охраны не смолкали разговоры об этом убийстве. Все кляли Николаева. Но спрашивается, кто же вложил ему в руки револьвер? Неслыханное дело: вооруженного убийцу дважды задерживали у подъезда Смольного и во дворе Московского вокзала, но он тут же освобождался Запорожцем! В роковой день Николаев тоже свободно проник в Смольный, целый час болтался на запретном для себя этаже и, сидя на подоконнике, поджидал Кирова.

В коридоре не оказалось никого из охраны, обязанной дежурить у кабинета Кирова и его заместителей. К тому же буквально пропал сотрудник, который должен был находиться в коридоре совершенно независимо от того, в Смольном Киров или нет. Словом, как специалисту организации правительственной охраны, мне стало совершенно ясно: тут в каком-то звене были предатели, за их спиной стоял непосредственный начальник — бывший левый эсер Запорожец, а выше просматривался Ягода, который затем на процессе признался: «Таким образом, я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению правотроцкистского блока».

Сейчас многие голоса: Сталин такой-сякой — убил Кирова! Чем брякать в колокола, сперва заглянули бы в историю. Ведь Киров столкнулся с Троцким еще в августе девятнадцатого года, когда председатель РВС приказал сдать Астрахань для выравнивания фронта. Киров отказался это сделать и при помощи Ленина отстоял город. Разве Троцкий мог простить такой подрыв своего авторитета? Никогда! Эсерка Вассерман тут же начала распространять по Астрахани слухи, будто Ки-

ров — на самом деле монархист, иеромонах Илиодор. Сергея Мироновича арестовали, но ликвидировать все-таки не удалось — трибунал доказал провокационность затеи и приговорил к расстрелу саму Вассерман. А Киров по-прежнему мешал Троцкому, в двадцать седьмом году заявив: «В Ленинград оппозиции шлагбаум закрыт!»

ГЕНРИХ ЯГОДА И ОГПУ-НКВД

Из материалов дела об убийстве Кирова получается, что личная охрана Сергея Мироновича не так заботилась о его безопасности, как следила, чтобы он не ускользнул от убийцы. Любого.

В связи с этим хотелось бы рассказать об органах ОГПУ-НКВД, какими они были в то время. Одной из самых зловещих фигур в органах ОГПУ был Генрих Ягода. Это он был исполнителем директив Льва Троцкого, Н. Бухарина, А. Рыкова, А. Енукидзе.

С 1920 г. Ягода — член президиума ВЧК. С 1924 г. — заместитель председателя коллегии ОГПУ. С 1924 по 1926 г. работал с Ф. Дзержинским. Это были два противоположных характера, по духу враги с разными точками зрения на существующий советский строй.

Дзержинский рекомендован во главе ВЧК В. И. Лениным, а Ягода — Троцким, Бухариным, ранее А. Рыковым, Г. Зиновьевым, Л. Каменевым. Ягода чувствовал громадную поддержку оппозиции и делал в органах ОГПУ все против Дзержинского. Поэтому Дзержинский свой огонь критики обрушил прежде всего на Троцкого и троцкистов. Дзержинский имел некоторые агентурные данные о том, что Троцкий и многие его подопечные состоят на службе иностранных разведок и регулярно за продажу интересов своей Родины получали из-за кордона от эмиссаров деньги в твердой валюте.

Вспоминает бывшая сотрудница ВЧК Елизавета Петровна Матенкова:

«Дзержинский страдал бронхиальной астмой и туберкулезом легких. У него часто наблюдались приступы бронхиальной астмы. В этих случаях сотрудники ВЧК давали ему парное

молоко. В 1926 г. Феликс Эдмундович выступал на Пленуме ЦК ВКП(б). Разумеется, там более половины зала была правотроцкистская оппозиция: Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Ягода и др. Во время выступления у Дзержинского на трибуне произошел приступ сердечной астмы.

Поскольку многие в ЦК ВКП(б) относились к Дзержинскому враждебно, то с подачи троцкистов дали выпить ему молока, после которого он тут же на трибуне скончался. Мы в ВЧК считали, что Дзержинского отравили пособники троцкистов. На Пленуме речь Дзержинского была пламенной в защиту молодой Советской власти и против реставраторов капитализма в России, известных уже всем троцкистов. Зная враждебное отношение Ягоды к Дзержинскому, мы не исключали его причастности к смерти Дзержинского.

Да, Ягода был и значился с 1924 г. в органах ОГПУ. Он был ненавистен простому народу в России. Начали появляться на делах арестованных его резолюции «Расстрелять». Это немудрено было тогда, что простой рядовой комиссар ОГПУ выносил постановление о расстреле жертв.

Вследствие засилья троцкистов, эсеров, меньшевиков в аппарате ОГПУ, утраченных Ягодой, Рыковым, Бухариным, Сталин в то время к кадрам верхушки в ОГПУ никакого отношения не имел. Занявший пост председателя коллегии В. Менжинский был человеком больным, страдавшим астмой. Лицо его было безжизненным, белое, как бумага. Этим воспользовались Ягода и вся оппозиция. Сталин с 1924 по 1936 год, можно сказать однозначно, не знал, что творится в ОГПУ. В эти годы Ягода сформировался, как отъявленный троцкист и уничтожал неугодных ему честных граждан, боясь разоблачения, провалов оппозиции. Подопечные Ягоды готовили компромат на противников троцкизма, а Ягода умело их подсовывал на подпись Менжинскому».

* * *

Лишь после убийства Кирова Сталину удалось напасть на след вражеских действий оппозиции. Помогли списки оппозиции, которые хранились у Ягоды. Все участники оппозиции

были арестованы и в марте 1938 г. предстали перед судом. Разоблачению их немало способствовал арест в 1936 г. Г. Зиновьева, Бакаева и других. Были установлены их террористические замыслы против членов Политбюро и Сталина.

Я располагаю документальными данными по показаниям Рыкова, Бухарина, Гринько, Крестинского, Пятакова, Буланова, Ягоды. Охрану их нес комиссар из 2-го полка НКВД В. Ф. Алексеев. Он сопровождал с подчиненными арестованных на следствие, кормил, поил, снабжал газетами.

Я Алексееву задал вопрос: «Может, подсудимых били и добивались признания недозволёнными методами?». Алексеев ответил: «Заявляю однозначно, что их никто и пальцем не тронул. Такой вопрос необдуманый. Представьте себе: в Октябрьском зале во время суда находится сотня иностранных корреспондентов. Встает со скамьи Бухарин и заявляет: «Меня били на следствии». После такого заявления можно закрывать заседание и прекращать судебный процесс».

По поводу убийства Кирова Ягода на суде показал: «В 1934 г. летом А. Енукидзе мне сообщил: «Принято решение об убийстве Кирова. Зиновьевские террористы уже ведут тренировку из оружия на меткость». Енукидзе просил меня не чинить препятствий к убийству Кирова. Я вызвал Запорожца из Ленинграда и приказал не чинить препятствий к убийству Кирова. Несколько позднее Запорожец сообщил, что Николаев дважды задерживался с наганом в портфеле, но освобождался.

Таким образом, я категорически заявляю, что Киров был убит по решению правотроцкистского блока».

Много треплется бульварная пресса, что Сталин был на процессе в Октябрьском зале в секретном месте. Это ложь прессы. У всех членов Политбюро, в том числе и у Сталина, в кабинете стоял репродуктор, через который по проводам он в кабинете слушал показания обвиняемых...

ЗАГАДКА СМЕРТИ ОРДЖОНИКИДЗЕ

В 1935 году меня назначили старшим группы охраны членов правительства. Вскоре я получил назначение в Наркомтяжпром к Орджоникидзе. Раньше он терпеть не мог своей

охраны, прогоняя Жилина, которому приходилось ночевать в гараже. Об этом стало известно Сталину. Он обязал Серго изменить отношение к охране. И тот стал к нам уже более покладистым.

Легендарный нарком всегда был там, где разворачивалось гигантское строительство. В Горьком мы объехали ряд площадок будущих заводов. Посетили один действующий. В мартеновском цехе рабочий вручную заталкивал в горнило болванку. Серго выругал директора за дедовский способ подачи болванок в печь и обязал механизировать процесс.

Наряду с другими острейшими проблемами очень много внимания уделялось тогда развитию авиации. Рядом с кабинетом Орджоникидзе находилась комната, в которой стояли образцы новых моторов с металлическими лопастями. Ими предстояло заменить устаревшие деревянно-прессованные. Начальник Авиапрома М. Каганович то и дело заходил к Серго с новыми образцами самолетных частей. Нарком часто посылал наших инженеров за рубеж для изучения лучшего опыта в машиностроении. Помню, Серго на совещании говорил:

— Странное дело, западные спецы и хозяева фирм обвиняют нас в бесплановости хозяйства. На самом деле у нас плановость, а у них — нет. Стало быть, уважаемые товарищи, нам с вами надо подумать, почему же у них образцы продукции лучше наших?

Да, неумный нарком постоянно болел такими заботами, буквально горел стремлением быстрее добиться во всем совершенства. Хотя жил с одной почкой, что не способствовало хорошему настроению. После ареста своего заместителя Пятакова, которого очень уважал, ценил и заботливо подвозил к дому, у Серго возникли большие неприятности. А когда прослушал у себя в кабинете трансляцию процесса, то резко выступил в Доме Союзов против оппозиции, на всю страну заявив:

— Никакая сволочь, никакая дрянь вроде Пятакова и Радека не остановят строительство социализма в нашей стране!

После этого сердечные приступы резко усилились, вплоть до обмороков. Тогда срочно вызывали из Кремлевской больницы доктора Левина, который с чемоданчиком в

руке спешно шагал по коридору к Серго в кабинет. Как потом выяснилось, раньше этот пожилой худосочный доктор по приказу Ягоды залечил В. Менжинского и М. Горького. Мог ли он иначе относиться к Серго? Едва ли...

* * *

Вокруг Орджоникидзе постоянно гомонили пышущие здоровьем летчики, одержимые грандиозными идеями и мировыми рекордами. Замысел исторического перелета через Северный полюс возник у Г. Байдукова, сильного, грамотного летчика. Все знали, как Сталин уважал Чкалова. Поэтому Байдуков сказал ему:

— Иди к товарищу Сталину. Может быть, разрешит тебе перелет через полюс.

— Да я не подготовлен. Я не летал на солидных самолетах, — возразил Чкалов, действительно летавший лишь на истребителях.

— Ты, Валерий, сиди за штурвалом и не волнуйся. Мы тебя хоть за Америку увезем! — стоял на своем Байдуков.

И смелый Чкалов рискнул. Так было получено разрешение на полет. Хорошо помню, как Орджоникидзе и Туполев всю ночь следили за перелетом. Наконец тот завершился. Герои вернулись в Москву. В зале Наркомтяжпрома их исключительно тепло принимали Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе и Тухачевский. После официальной части некоторые пошли в буфет. За столом президиума почему-то остался лишь Сталин. Быстро захмелевший Чкалов стал обнимать и целовать его, уверяя:

— Дорогой товарищ Сталин, посылайте нас хоть в огонь! Задание партии выполним, чего бы это ни стоило!

Сталин терпеливо слушал все это и посмеивался в усы. Тут грянула музыка. Тухачевский с Ольгой Чкаловой начали вальсировать. А Валерия наш водитель Черкашин по совету Сталина повез домой. Затем состоялся прием героев в Кремле. Сталин поднял тост за Чкалова, природного самородка, равного которому нет не только в нашей стране, но и во всем мире. Затем подошел с бокалом вина к счастливой паре и сказал Ольге:

— Вы думаете, я Валерия и его коллег послал на опасный перелет, как отчаянных, бесшабашных смельчаков? Нет. Я их, наоборот, сдерживал от ненужного риска.

Это так. Через некоторое время Чкалов сидел в кабине нового поликарповского самолета И-180, готовясь его испытать. Сталин каким-то чудом проведал, что самолет потерпит аварию, и послал на аэродром гонца с приказом отставить полет. Чкалов долго возмущался, но все же покинул кабину. А когда все-таки разбился во время следующих испытаний, Сталин был вне себя. Спросил знаменитого летчика Байдукова:

— Что же теперь делать с этим крестоносцем? Какое ваше мнение о Поликарпове как человеке и конструкторе?

Уже пожилой Поликарпов по старинке носил на груди крест и ходил в Елоховский собор молиться, усердно отбивая поклоны перед угодниками. Однако это ему почему-то не всегда помогало в работе. Сталин ждал ответа. И Байдукову пришлось объяснять, что талантливый конструктор не верит в технические тонкости русского ума. Это спасло Поликарпова от ареста, но не избавило от неминуемой расправы ретивых коллег. Тогда на очередном совещании его спас уже сам Сталин.

Может показаться странным, что даже в авиации Сталин являлся авторитетом. Вот подтверждение того же Байдукова:

— Сталин имел большие познания в техническом оснащении самолетов. Бывало, соберет профессуру поодиночке, разберется во всех тонкостях. Потом на совещании как начнет пулять тончайшими вопросами — мы все рты поразеем от удивления.

Думаю, здесь также уместно хотя бы краткое признание Героя Советского Союза М. М. Громова:

— Сталин сделал поворот в моей жизни. Это был деятель большого государственного диапазона, жесткий, хитрый, умный. Имел свойство магически действовать на должностных лиц, вдохновлять их на героические подвиги. Сталин был руководителем, не терпящим в работе шаблонов, обмана, общих фраз, карьеризма и подхалимства. Надо сказать, что мы были безудержными авиационными фанатиками. Удали много, а знаний — мало. Он заставил нас всех мыслить глубоко, нередко

предлагал нам посмотреть, что делается в авиации на Западе. Мы побывали в Германии, Америке. Все интересное, полезное у Гитлера мы повидали и доложили Сталину. Он предложил мне такую высокую должность в авиации, что я чуть не свалился со стула. Мы договорились о должности начальника Летного института, а затем — командующего воздушной армией.

* * *

Вот с какими людьми свела меня судьба в наркомате. Вот какие титанические задачи в авиации приходилось решать неутомимому Серго. Но после расстрела Пятакова сердечные приступы не отпускали Орджоникидзе. 17 февраля в десять вечера я проводил мрачного наркома домой. А на следующий день его не стало.

Об этом ходят разные версии. Как же было в действительности?

В последний час на посту около двери Серго в Кремле дежурил сотрудник личной охраны Земский. В подъезде было тихо. Зина, жена Серго, в квартире отсутствовала. Там находилась одна домработница Лаврентьевна. Вдруг она забегала и стала причитать:

— Серго умирает! Серго умирает!

Но выстрела Земский не слышал. Его не было. Примерно через пятьдесят минут на лестничной площадке появился нарком НКВД Ежов и поинтересовался, что случилось? Никто из охраны, бывшей в роковой момент в служебном помещении, не мог дать вразумительного ответа...

СТАЛИН И БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Вскоре меня назначили военным комендантом Большого театра с главной обязанностью — охранять в ложе членов правительства, любивших посещать этот центр отечественной культуры. Здесь мне удалось узнать о решающей роли В. И. Ленина в судьбе всех театров страны, самому видеть, какое влияние оказывал Сталин на развитие искусства, познакомиться с выдающимися композиторами, дирижерами и артистами, насладиться всем классическим репертуаром театра.

Сегодня трудно в это поверить, но факты есть факты. После революции леваки требовали закрыть все театры, доказывая, что рабочий класс и крестьянство не понимают классику. Они договорились даже до того, что предлагали взорвать Большой театр, чтобы не вредил пролетарской культуре! Хотя простой народ постоянно заполнял промерзший зал, не пропуская ни одной постановки. Многие жалели артистов, которым приходилось мерзнуть на сцене. Ведь прославленный театр тогда нечем было отапливать.

Зимой 1919 года Совнарком специально рассматривал этот вопрос. Председатель Малого Совнаркома Галкин снова разоблачал театры, продолжавшие ставить буржуазные оперы «Борис Годунов», «Царская невеста», «Евгений Онегин», «Мертвые души», а потому, мол, совершенно ненужные рабоче-крестьянской публике! Ленин высмеял ретивца, который прежде всего сам не понимал воспитательной роли классического искусства, и предложил голосовать. Все наркомы дружно согласились дать замерзающим театрам нужное топливо. Против этого был только настырный Галкин.

Так вождь революции спас нашу национальную гордость. По свидетельству старейшего солиста ГАБТа В. Политковского, Владимир Ильич смотрел несколько опер и балетов, а выступал в этом культурно-политическом центре страны тридцать шесть раз. Как утверждали корифеи сцены Н. Обухова, В. Степанова, А. Нежданова, Е. Гельцер, — именно В. И. Ленину Большой театр обязан сохранением великолепных певцов, танцовщиков, дирижеров, композиторов и художников.

* * *

И. В. Сталин тоже всемерно заботился о театре. Шельмуют его, сейчас некоторые стараются представить вождя профаном в искусстве. Но так могут говорить лишь невежды, совершенно не знавшие Сталина. Думаю, народная артистка СССР В. Барсова и народный артист СССР М. Михайлов имели основания называть Сталина сорежиссером всех оперных постановок в Большом театре. Вот несколько примеров их правоты.

Главный дирижер С. Самосуд, режиссер Б. Мордвинов, поэт С. Городецкий, писатель М. Булгаков, художник Н. Виль-

ямс и балетмейстер Р. Захаров начали репетировать «Ивана Сусанина». Задача состояла не только в том, чтобы вернуть на сцену гениальное произведение М. Глинки, но и показать патриотизм русского народа, при столкновении с которым неизбежен крах любой вражеской интервенции. Однако в Комитете искусств финал предложили ставить без «Слався». Самосуд заявил, что без этого гимна не может быть оперы. Разгоревшийся спор достиг Кремля. Послушав репетицию, Сталин удивился:

— Как же так, без «Слався»? Ведь на Руси тогда были князья, бояре, купцы, духовенство, миряне. Они все объединились в борьбе с поляками. Зачем же нарушать историческую правду? Не надо.

В первом варианте финала у Спасских ворот стоял макет памятнику Минину и Пожарскому. Народ перед ними славил победу. Во втором варианте Минин и Пожарский выходили с народом из Спасских ворот. Посмотрев это, Сталин предложил, чтобы победители, в полном соответствии с историей, выезжали из ворот на конях. Дополнительно следовало поставить на колени побежденных шляхтичей, бросив их знамена к ногам победителей. Еще предложил сократить сцену, в которой дочь Сусанина Антонида и его приемный сын Ваня оплакивали на площади смерть отца. Сталин признал, что это — тяжкое горе, но оно личное. В целом же весь русский народ одержал победу. Следовательно, пусть ликует как победитель!

Сталин любил слушать «Ивана Сусанина» с участием Михайлова. Тот сначала тяготился прошлой службой протодьякона в церкви и не осмеливался петь здесь в полный голос. Узнав об этом, Сталин подошел к Михайлову, положил руку на плечо и попросил:

— Максим Дормидонтович, вы не стесняйтесь, пойте в полную силу. Я тоже учился в духовной семинарии. И если бы не избрал путь революционера, кто знает, кем бы я стал. Возможно, священнослужителем.

С тех пор Михайлов полностью раскрыл свой талант. Сталин даже шутил, что в роли Сусанина он — истинный костромской крестьянин с отменной смекалкой. Зато про его коллегу говорил:

— Это не Сусанин, а барин со смекалкой...

Однажды партию Игоря в «Князе Игоре» исполнял молодой грузин. Характерные особенности его лица, бурный темперамент и явный акцент противоречили облику смелого, доброго князя Игоря. Пригласив Самосуда, Сталин кивнул на сцену:

— Кто это такой?

— Очень перспективный солист, недавно окончивший Тбилисскую консерваторию! — гордо признался главный дирижер.

— Князь-то — русский. Значит, и облик его должен быть русским, — еще раз напомнил Сталин, внимательно следивший за тем, чтобы сценические образы всегда соответствовали исторической правде.

А судьбу новичка решили просто:

— Пускай он поет в Тбилиси.

Это по-своему исключительный случай. Ведь Сталин заболел о высоком уровне солистов Большого театра. Во время ленинградской декады искусства он услышал М. Рейзена, который исполнял партии Досифея в «Хованщине», Гремина в «Евгении Онегине», и пригласил артиста сюда. Рейзен растерянно пробасил:

— Товарищ Сталин, а как же с Ленинградом? У меня там семья, квартира. Из театра тоже могут не отпустить.

— Мы попросим, отпустят, — улыбнулся Сталин. — О квартире в Москве тоже позаботимся, чтобы вам создали все условия для творческой работы.

Так М. Рейзен стал ведущим солистом Большого театра. Примерно таким же путем сюда пришли редкостный бас М. Михайлов, великолепный баритон П. Лисициан, из Киева переехали своеобразные меццо-сопрано В. Борисенко и А. Бышевская.

Грех упустить еще один характерный пример. Главный дирижер театра С. Самосуд был неутомимым новатором, признанным корифеем. Но что-то у него не стало ладиться: начал снижаться уровень постановок, в театр перестали ходить

представители различных посольств. Кто сумел точно разобратся в критической ситуации? Лишь Сталин. Кто мог исправить ее? Только Н. Голованов, не захотевший прозябать на подхвате у Самосуда и ушедший из театра. Кто мог вернуть Голованова? Лишь Сталин. И он предложил уникальному дирижеру возглавить коллектив.

— Товарищ Сталин, я плохо себя чувствую, — искренне возразил Голованов. — Это для меня слишком большая нагрузка.

— Николай Семенович, я тоже сейчас болею, да работаю. Прошу и вас поработать. Становитесь за пульт и делайте классику классикой.

Великий музыкант прекрасно выполнял свою высокую миссию четверть века.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Грянула Великая Отечественная война. Театр быстро опустел. Основная часть труппы была эвакуирована в Куйбышев. Около тысячи артистов уехали в концертных бригадах на фронт. Многие добровольно ушли в ополчение или на рытье оборонительных рубежей. Я по-прежнему оставался комендантом, но одновременно возглавил спецгруппу из тридцати человек для сопровождения членов правительства по Москве и во время поездок на фронт.

Давно бытует прочное мнение, будто война застала Сталина врасплох. В связи с этим вспоминается такой эпизод. 5 мая на совещании в Кремле один бравый комкор заявил, что наш бронепоезд стоит на запасном пути. Сталин тотчас охладил его:

— Какая чушь! Какой запасной путь, когда враг стоит у границ Советского Союза!

Отсюда сами делайте вывод...

О начале войны Сталину доложил Жуков. Уже в четыре утра вождь приехал в Кремль. Затем прибыли Жуков и Тимошенко. Сталин регулярно появлялся на улицах, осматривал их после налетов немецкой авиации. Но прежде всего люди должны были видеть его и твердо знать, что вождь вместе с

ними находится в столице и руководит ее защитой. Для еще большей убедительности он проверял посты на улице Горького, Земляном валу, Смоленской площади. На дежурных бойцов это производило огромное впечатление.

Как-то в четыре утра Сталин вышел на Калужской. Под ногами хрустело битое стекло. Вокруг полыхали деревянные дома. Машины «скорой помощи» подбирали убитых и раненых. Нас миглом окружили потрясенные люди. Некоторые женщины были с перепуганными, плачущими детьми. Внимательно глядя на них, Сталин сказал Власику:

— А детей надо эвакуировать в глубь страны.

Все наперебой стали спрашивать, когда же Красная Армия остановит врага и погонит с нашей земли? Успокаивая людей, Сталин улыбнулся:

— Будет, будет и на нашей улице праздник!

Затем, тоже после бомбежки, мы шли по улице Горького. У Елисеевского магазина над головами столпившихся людей появилась женщина, взобравшаяся на подставку фонаря, и стала громко укорять:

— Разве можно, товарищ Сталин, так ходить по улицам в такое тяжкое время? Ведь враг может в любой момент сбросить бомбу!

Сталин только развел руками. Тут он действительно рисковал наравне со всеми. И одинаково с нами переживал результаты воздушных боев над Кубинкой, когда с двух сторон порой участвовало до четырехсот самолетов. После успешно отбитых атак Сталин тут же требовал для награждения списки отличившихся летчиков. Особенно задушевно он принял Виктора Талалихина, совершившего свой знаменитый таран.

* * *

Враг точно знал, где находится сталинская дача, и бомбил ее, надеясь обезглавить государство. Вокруг дома расположили дальнобойные морские зенитки. Сталин много раз поднимался на солярий, наблюдая за плотностью зенитного огня, отгоняющего самолеты.

Потом фашисты применили осветительные ракеты на парашютах, которые зенитчики расстреливали на лету. Все

же какой-то ас ухитрился послать бомбу точно. Она упала с внешней стороны забора и, не взорвавшись, ушла в землю. Когда саперы выкопали ее, то в стабилизаторе обнаружили свернутую бумажку с изображением сжатого кулака и надписью «Рот Фронт».

А если бы тонна этой взрывчатки ухнула?! Вот как все роковым образом совпало...

Рядом с террасой дачи стоял спаренный зенитный пулемет. Над головой промелькнул вражеский самолет. Оказавшийся поблизости Василий Сталин с шумом подбежал к бойцам, возмущаясь, почему они, трусы, не стреляют, и выпустил вслед самолету всю очередь. Услышав стрельбу, отец спросил Тукова:

— Кто там палил?

— Василий.

— Ну и как, попал?

— Нет.

— Тоже мне, «ворошиловский стрелок»...

* * *

Тем временем немцы прорвали нашу оборону под Вязьмой, окружив несколько дивизий. Беззащитная Москва оказалась в критическом положении. В ней появились провокаторы и паникеры, которые сеяли пораженческие слухи. Усилились налеты авиации. Почти не стихал истошный вой сирен: шли бомбежки разных районов города. Многих охватывала дрожь...

Наш театр и ближнюю дачу заминировали. В городе возникли беспорядки, подогретенные слухами, будто Сталин уехал на Калининский фронт или куда-то еще подальше. Где же он был тогда? Шофер Митрюхин помнит, что из Кремля Сталин хотел ехать на ближнюю дачу. Румянцев начал его отговаривать под предлогом, будто там уже сняты шторы, отвернуты краны, выключено отопление и тому подобное. Но Сталин все равно приказал ехать. Ворота были уже на запоре. Орлов с той стороны доложил обстановку. С досадой крикнув, Сталин сказал:

— Сейчас же все разминировать.

Пришлось Орлову отпирать ворота и топить печку в маленьком домике, где тоже имелась кремлевская «вертушка». Пока Сталин разговаривал с командующими, прибывшие саперы разминировали основной дом.

Проезжая утром 16 октября по Москве, Сталин видел, как люди тащили мешки с мукой, вязанки колбасы, окорока, ящики макарон и лапши. Не выдержав, он велел остановиться. Вокруг быстро собралась толпа. Некоторые начали хлопать, а смелые спрашивали:

— Когда же, товарищ Сталин, остановим врага?

— Придет время — прогоним, — твердо сказал он и никого не упрекнул в растаскивании государственного добра.

А в Кремле Сталин немедленно созвал совещание, спросил:

— Кто допустил в городе беспорядки?

Все молчали. Шахурин кратко доложил обстановку. Сталин предложил Щербакову выступить по радио, чтобы вселить в людей уверенность в победе над врагом, восстановить в городе нормальную жизнь, ввести в строй остановленные предприятия и открыть все магазины, организовав торговлю. Затем принимал Г. Жукова, П. Артемьева, Б. Шапошникова, А. Вознесенского, Н. Кузнецова, М. Калинина. От В. Молотова Сталин потребовал, чтобы все дипломаты сегодня же уехали в Куйбышев. Последним пришел комендант Кремля генерал Спиридонов с предложением эвакуировать саркофаг с Лениным. Сталин спросил:

— Какое у вас предложение? Берия советует эвакуировать в Куйбышев.

— Лучше на Урал или в Сибирь. Там надежней.

Так и порешили. Вечером сняли часовых от саркофага. Вместе с Власиком и Румянцевым Сталин медленно спустился по лестнице к саркофагу, молча постоял, беззвучно шевеля губами. Затем так же медленно поднялся вверх. Утром Мавзолей опустел. Специальный вагон сопровождал наш сотрудник Вялых.

* * *

Поздно вечером снова повалил густой снег. Можайское шоссе за городом оказалось запруженным отступающими

красноармейцами и спасавшимися от фашистов беженцами. Среди людей понуро брели коровы и свиньи. Перед машиной появилась женщина, которая едва тянула санки с домашним скарбом и двумя плачущими детишками. Не торопя шофера двигаться с места, Сталин удрученно смотрел на это жутковато-безмолвное шествие... Трудно сказать, о чем думал. Но в полночь, когда на даче собралось Политбюро, после требования везде наводить железный порядок, он внезапно пригласил в кабинет сестру-хозяйку Истомину и спросил:

— Валентина Васильевна, вы собираетесь из Москвы эвакуироваться?

— Товарищ Сталин, Москва — наш родной дом, ее надо защищать! — смело заявила она.

— Слышите, как думают москвичи? — особым тоном сказал Сталин членам Политбюро.

Все согласно молчали. Утром по пути в Кремль, рассуждая с шофером Кривченковым о надежной обороне столицы, Сталин твердо сказал:

— Остаюсь с русским народом в Москве. Будем стоять насмерть.

Охраны в Кремле стало меньше — Берия взял ее для защиты наркомата. Недостающую силу, видимо, должен был заменить сам генерал Шпигов, богатырского сложения начальник кремлевской охраны. Для верности он забаррикадировал толстыми бревнами все ворота, кроме Спасских. Но Сталин по-прежнему глядел бодро и не забывал с нами здороваться. В самые критические дни он оставался спокойным, не проявляя нервозности, чем положительно действовал на окружающих. Зато когда началось наступление наших войск, очень переживал!..

* * *

Как известно из романов М. Паджева и П. Проскурина, для эвакуации Сталина в Куйбышев был подготовлен спецпоезд в Рогожско-Симоновском тупике. Я имел к этому отношение и уточняю: там находились целых четыре спецпоезда. Только они были в распоряжении НКВД, то есть в личном рас-

поряжении Берии. И под охраной тринадцатого погранотряда на всякий пожарный случай стояли там до января следующего года. Что касается поезда, подготовленного специально для Сталина, то его загнали в тупик совсем в другом месте — на огромном складе строительных материалов и дров за Крестьянской заставой, куда стекалось множество путей с Курского вокзала.

Во время единственного воздушного налета рядом с поездом упали две небольшие бомбы, осколками которых поранило проводника вагона и лошадь в товарном. Дополнительно этот немецкий летчик еще прошел состав из пулемета. Хрусталева с Афанасьевым успели спрятаться в большой бетонной трубе, защитившей их от пуль. Но спецвагон получил несколько пробоин.

По указанию начальства комендант дачи «Семеновское» Соловов перевез в спецвагон кое-что из насущных вещей. Обнаружив их пропажу, Сталин удивился:

— Куда делись вещи?

— Готовимся, товарищ Сталин, к эвакуации в Куйбышев.

— Никакой эвакуации. Остаемся в Москве до победы.

В тот же день, 16 октября, Сулов, сотрудник для поручений Кагановича, поехал проверить готовность подачи спецпоезда на вокзал.

Вернувшись, услышал от хозяина:

— Сейчас мне Сталин дал нагоняй за организацию спецпоезда. Уберите его!

Как видим, разные люди, в том числе очень заинтересованные в отъезде, подтвердили одно и то же — решимость Сталина остаться и отстоять Москву.

Еще могу добавить, что на Центральном аэродроме имени Чкалова, на краю которого сейчас находится здание аэровокзала, стояли наготове четыре «Дугласа». Полковник Грачев сидел в кабине личного самолета Сталина...

* * *

Заодно хочу развеять сплетни о сталинской трусости. Вот несколько наглядных примеров. Хотя территория дальней

дачи «Семеновское» постоянно обстреливалась минометным огнем противника, Сталин продолжал туда приезжать. Наконец даже поступило грозное предупреждение НКВД, будто одна из мин, уйдя в землю, не взорвалась. Вдобавок предполагалась умышленная закладка мины около дачи, а то и под нее. Пришлось доложить об этом Сталину. Соловов, естественно, опасался разноса: куда смотреть?! Но Сталин совершенно спокойно сказал:

— Вы же танкист и минер. Что ж, пойдемте, проверим.

Соловов начал действовать миноискателем. Сталин с любопытством топтался рядом. Да еще норовил обогнать Соловова, а тот не мог его отправить подальше в безопасное место. Благо все кончилось удачно. Потом над ближней дачей появился вражеский самолет. Зенитчики открыли огонь. Осколки снарядов градом сыпались на землю и шипели, как змеи. Власик трижды предлагал Сталину пойти в укрытие, но тот отмахивался, продолжая наблюдать за настырным стервятником и пальбой зенитчиков, лупивших впустую. Наконец протянул:

— Власик, не беспокойтесь. Наша бомба мимо нас не пролетит.

Будто дразнил судьбу. Через несколько дней на Можайском шоссе прямо перед его машиной сыпануло несколько зажигалок, полыхающих желтым огнем. Пришлось охране сбрасывать их в кювет...

* * *

Приближался праздник Великого Октября. Бывший командующий Московским военным округом генерал-полковник П. Артемьев хорошо помнит, как Сталин, вызвав к себе, спросил:

— Вы собираетесь проводить парад на Красной площади?

Доводы против парада были очень серьезными. Тем более — при отсутствии танков и войск. Но они не убедили Верховного Главнокомандующего.

— Молодой человек, вы недооцениваете исторического и политического значения парада в современных условиях,

его влияния на Красную Армию и международное положение, — укорил Сталин, попыхивая трубкой. — Ведь он укрепил дух народа в тылу и на фронтах. А капиталисты за океаном скажут, что у большевиков еще есть порох в пороховницах. Чего доброго, разобьют немцев под Москвой. Значит, им надо помогать. Поэтому действуйте. Танки и войска у нас найдутся. Подготовку проводите в секрете. О начале парада мне сообщите после торжественного заседания 6 ноября.

— А если прорвется вражеский самолет и начнет бомбить парад?

— Во-первых, ни один вражеский самолет не должен прорваться в Москву. А во-вторых, если все же сбросит бомбу, то уберите пострадавших и продолжайте парад.

И легендарный парад состоялся. Думаю, грозные звуки военных маршей оглушили фашистов наравне с последующей артиллерийской канонадой.

СТАЛИН И ЖУКОВ

Тогда же мудрый вождь сделал еще один точный удар, предложив Г. К. Жукову вдохновить артистов Большого театра на благородное дело. Георгий Константинович обратился к ним с пламенным призывом:

— Дорогие друзья! Враг у ворот Москвы! Нам нужна ваша помощь! Сейчас для бойцов работа Большого театра — это моральная поддержка фронта. Тогда каждый боец будет стоять за двоих. Начало спектаклей означает, что ни одно государство мира не открывало театра, когда враг стоял в тридцати-сорока километрах от города. В современные дни искусство для фронтовиков нужно, как хлеб, как окопная солдатская махорка!..

Измученные неизвестностью дальнейшей судьбы, обесилевшие от голода артисты словно ждали этот призыв. Тот же Лемешев еще месяц назад вышел из машины у Казанского вокзала, решительно заявив:

— А почему я, собственно, должен ехать в Куйбышев, когда Сталин находится в Москве? Нам надо здесь помогать фронту, открывать наш театр, а не стремиться в тыл.

И вот заветный день настал. 19 ноября в филиале Большого театра на Пушкинской улице состоялся необыкновенный концерт артистов оперы и балета. Начался он в час дня. Трижды прерывался из-за воздушных тревог, во время которых тенор Ф. Бобков прямо в сценическом костюме поднимался на крышу и вместе с дежурными тушил зажигалки. А завершился уже в шесть вечера. От имени присутствующих и отсутствующих фронтовиков артистов горячо поблагодарил командующий шестнадцатой армией генерал Рокоссовский. 22 ноября уже другие счастливицы могли слышать С. Лемешева и Н. Бурлака в опере «Евгений Онегин», а 23-го — наслаждаться балетом «Тщетная предосторожность». Вся Пушкинская улица была заставлена перекрашенными в белый цвет фронтовыми машинами.

Пусть бойцы в заснеженных полях и лесах Подмосковья не могли сами оценить шедевры классического искусства, зато наверняка прочитали об этом в газетах, услышали по радио или от своих командиров и тоже воспряли духом перед историческим наступлением.

* * *

Жуков готовился к решающему сражению круглосуточно, по ночам разгоняя сон ледяной водой или по часу кружил на своем «Кальмаре». До какого предела тогда он был взвинчен, можно судить по такому примеру. 4 декабря в штабе фронта шло совещание командующих армиями. Позвонил Сталин. Слушая его, Жуков нахмурил брови, побелел. Наконец отрезал:

— Передо мной две армии противника, свой фронт. Мне лучше знать и решать, как поступить. Вы можете там расставлять оловянных солдатиков, устраивать сражения, если у вас есть время.

Сталин, видно, тоже вспылil. В ответ Жуков со всего маху послал его подальше!

Еще ни одному историку не удалось раскрыть секрет их взаимоотношений, которые были хоть и демократическими, но одновременно сложно-загадочными. Пока кто-нибудь из

теоретиков сумеет их разгадать, попробуем воспользоваться опытом человека, неплохо знавшего того и другого.

Комендант ближней дачи Орлов служил у Сталина с тридцать седьмого по пятьдесят третий год. Значит, имел право отметить самое важное в характере вождя: «Он не любил соглашательских суждений вроде:

«Как скажете, так и сделаем». В подобных случаях обычно говорил:

«Такие советчики мне не нужны». Узнав это, я порой спорил с ним, отстаивая свою точку зрения. Сталин озадаченно ворчал: «Хорошо, я над этим подумаю». Терпеть не мог, когда к нему входили изгибаясь или выходили вперед пятками. Заходить к нему нужно было твердым шагом. Если надо — в любое время. Кабинет никогда не закрывался».

Теперь прибавим следующее суждение: «Сталин уважал Жукова за прямоту и патриотизм. Он у Сталина был самым почетным гостем».

Вместе с полководческим даром этого, видимо, было уже достаточно, чтобы Сталин сдержал естественный гнев на неслыханную выходку Жукова 4 декабря, протерпел целый день пятого и только ровно в полночь по ВЧ осторожно спросил:

— Товарищ Жуков, как Москва?

— Товарищ Сталин, Москву мы не сдадим, — заверил Георгий Константинович.

— Тогда я пойду часа два отдохну.

— Можно...

ПОЕЗДКИ СТАЛИНА НА ФРОНТ

Весной девяносто первого года по телевидению два часа выступал начальник Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-полковник Д. Волкогонов. Среди прочих вопросов он коснулся поездки Сталина на фронт. Мол, Верховный Главнокомандующий всего раз выезжал из Москвы. Да и то остановился в полусотне километров от передовой. В деревенской избе встретился с двумя командующими фронтами, переночевал на горячей печи и отбыл во свояси, чтобы в письмах к Черчиллю и Рузвельту скромно

заявить о своей необыкновенной смелости и гениальном руководстве наступающими фронтами.

Очень странно повел себя именитый историк, посвятивший Сталину самую толстую книгу — «Триумф и трагедия». Если раньше он все-таки упомянул две поездки Сталина к линии фронта, то теперь посчитал, что вполне достаточно и одной, в которой обобщил минувшие события. Резонно опасаясь, как бы авторитет Волкогонова не отбил у других историков желания выяснить истину, я расскажу обо всех поездках Сталина на фронт. В то время я возглавлял спецгруппу вспомогательного сопровождения членов правительства, но прежде всего — Сталина. Рядом с ним постоянно находились мои друзья-сослуживцы. Вместе мы покажем, насколько Волкогонов далек от истины.

* * *

Итак, вот что пишет Волкогонов: «В конце октября, ночью, колонна из нескольких машин выехала за пределы Москвы по Волоколамскому шоссе, затем через несколько километров свернула на проселок. Сталин хотел увидеть залп реактивных установок, которые выдвигались на огневые позиции, но сопровождающие и охрана дальше ехать не разрешили. Постояли. Сталин выслушал кого-то из командиров Западного фронта, долго смотрел на багровые сполохи за линией горизонта на западе и повернул назад. На обратном пути тяжелая бронированная машина Сталина застряла в грязи. Шофер Верховного А. Кривченков был в отчаянии. Но кавалькада не задерживалась. Берия настоял, чтобы Сталин пересел в другую машину, и к рассвету «выезд на фронт» завершился».

А вот как было в действительности...

В августе 1941 года Сталин с Булганиным ездили ночью в район Малоярославца для осмотра боевых позиций. Черным восьмицилиндровым «фордом» управлял шофер Кривченков, сотрудниками для поручений были: генерал Румянцев — старый чекист, участвовавший еще в подавлении левых эсеров и освобождении Дзержинского, Хрусталева, Тукова.

Они же через несколько дней сопровождали Сталина, Ворошилова и Жукова во время осмотра Можайской оборонительной линии. Под Звенигородом остановились на окраине деревни. Вездесущие мальчишки тут же узнали гостей и забегали с криком:

— Ура! К нам товарищ Сталин и Ворошилов приехали!

В конце октября Сталин и Ворошилов поехали на боевые позиции шестнадцатой армии генерала Рокоссовского, где наблюдали за залпами «катюш». Когда они побатарейно дали залп — пронесся огненный смерч. После этого надо было сделать рывок в сторону километров на пять. Но тяжелый «форд» застрял в проселочной грязи. Верховного посадили в нашу хвостовую машину и быстро вывезли на шоссейную дорогу. Расстроенный шофер Кривченков просил не бросать его без помощи. Выручил танк, вытянувший машину на шоссе. Конечно, немецкая авиация тотчас нанесла бомбовый удар по месту стоянки «катюш», но те уже находились далеко. На рассвете Сталин в грязной машине вернулся в Москву. В этой поездке вождя сопровождали прежние сотрудники.

В середине ноября в сопровождении Хрусталева, Кириллина, Тукова, Круташова по Волоколамскому шоссе в полдень Сталин прибыл в село Ленино-Лупиха. Остановил машину около пятистенной избы, на крыльце которой висел небольшой белый флажок с красным крестом. В госпитале находились раненые, только что вышедшие из боев. Когда появился Сталин, они не могли поверить своим глазам.

Сперва он беседовал стоя, потом сел на табуретку и придвинулся к бойцу, лежащему на койке. Сталин интересовался, чем сильны немецкие солдаты и офицеры, какие у них слабые стороны. Ему охотно отвечали, что противник еще очень силен, хотя уже не тот — боевой дух прихватило первыми морозами. Сейчас бы самое время ударить! Сталин просил еще немного потерпеть, пока измотают немцев, и намекнул, что хватит силенок для наступления. Покинули мы госпиталь, когда уже вечерело. Пошел снежок, и подул ветер. За околицей Сталин внимательно осмотрел окрестности. И Митрюхин погнал домой.

Летом 1942 года Сталин ездил на Западный фронт. За рекой Ламой вместе с военными наблюдал, как проходили испытания самолета, управляемого по радио с земли. После испытаний переехали через понтонный мост, и в сопровождении Тукова, Хрусталева на поезде Сталин вернулся в Москву.

Теперь снова обратимся к Волкогонову: «После октябрьской (1941 г.) неудавшейся поездки на фронт, когда Сталин доехал лишь до Волоколамского шоссе, посмотрел на сполухи приближающегося к Москве фронта (прежде это были сполухи «катюш». — А.Р.) в 10—15 километрах от того места, куда добралась его кавалькада, Сталин больше на передовую не выбирался».

Конечно, об этих поездках можно не знать, поскольку они были все же секретными, но зачем же так безапелляционно утверждать: не выбирался! Вот эпизод из 1943 года. «Смоленские ворота» по-прежнему оставались полураспахнутыми. Надежно закрыть их не удавалось. Это постоянно тревожило Сталина. Наконец он собрался лично познакомиться с обстановкой на фронте. 1 августа 1943 года генерал Серов и полковник Лукин получили указание подготовить спецпоезд. Орлов подал его с Каланчевки на переезд Кунцево. Первым в карликовый вагон царских времен поднялся Сталин, одетый в серое штатское пальто и фуражку с красной звездой. За ним — Берия и комендант дачи Ефимов. Из охраны — Кузьмичев с Раковым. Спецпоезд состоял из древнего паровоза, который вел машинист Винецкий, жестких вагонов, платформ с дровами, сеном и песком. Тщательно закамуфлированный, он в целом имел безобидный вид. В жестком вагоне находились Румянцев, Туков, Круташов, Кашеваров, Кириллин.

До Гжатска поезд шел всю ночь. Серов с Лукиным находились впереди для разведки и подготовки транспорта. Мы следовали за поездом на автобусе по шоссе. Станция и город были в развалинах. От Гжатска на «виллисе» Сталин поехал в штаб Западного фронта. Вместе с командующим генералом Соколовским и членом Военного совета Булганиным поч-

ти до утра 3 августа выяснял обстановку и торопил с подготовкой к наступлению. Провел ряд совещаний с генералами и офицерами фронта. Прилег отдохнуть уже на рассвете, попросив Румянцева разбудить ровно в пять. Но тот «проспал», дав Сталину отдохнуть пару лишних часов. Их связывала давняя дружба, в честь которой наш генерал единственный имел право называть Верховного Главнокомандующего просто Иосифом Виссарионовичем. В прошлый раз, когда Румянцев неожиданно всхрипнул на переднем сиденье машины и Жданов поинтересовался, кто же кого охраняет, Сталин возразил: «Кутузов тоже дремал, но все видел». А теперь он вспылал от подобного разгильдяйства, турнув с глаз долой генерал-лейтенанта, которого перевели на другую работу.

* * *

От Соколовского Верховный поехал в Юхнов к Главному маршалу артиллерии Воронову. По дороге минут сорок прохаживался по лесу и, шумно дыша свежим воздухом, с горечью приговаривал:

— Какая тишина... Даже не верится, что кругом полыхает война и гибнут люди...

В Юхнове Сталин провел совещание с артиллеристами, пожурив их за спокойствие:

— Вы тут сидите на одном месте, чаи распиваете и не думаете о наступлении. Надо готовиться к нему.

Переночевал в штабе и 4 августа поехал на станцию Михалево, где уже стоял спецпоезд. В вагонах было темно, пахло карболкой. Сталин удивился отсутствию света. Позвали проводника. Глубокий старец с казачьими усами и пышной бородой вытянулся во фронт. Сталин спросил:

— Можно дать свет?

— Так точно, товарищ Сталин, можно!

Старик по-прежнему стоял оцепенело навывтяжку с поднятой рукой у козырька. Видя, что он так и не двинется с места, Сталин подошел и опустил его руку, с легким укором сказав:

— Зачем так много почестей для нас.

У себя проводник быстро ожил. В вагоне стало светло. Через Вязьму, Сычевку поезд прибыл в Ржев к командующему Калининским фронтом генералу Еременко. Встреча состоялась в деревне Хорошево, в доме мастера льночесальной фабрики Натальи Кондратьевой. Здесь перестарался уже сам Берия, где-то добыв хрусталь, ковры, хорошую кровать, доставил кинохронику. Верховный все это отверг, оставив для отдыха обычную железную койку.

Вечер был тревожным — немецкая авиация бомбила станцию Ржев, где выгружался из вагонов кавалерийский корпус генерала Осликовского. В небе полыхало зарево. Наши зенитки открыли огонь, отгоняя подлетающие к деревне самолеты. Ночью Сталин дважды выходил на крыльцо подышать свежим воздухом. Под утро приехал генерал Еременко, а несколько позже — Ворошилов. Началось длительное совещание. Сталин по телефону дал в Москву ряд указаний о помощи Калининскому фронту для предстоящего наступления.

Потом стало известно, что наши войска взяли Орел и Белгород. Счастливый Сталин заказал праздничный обед с чаем. Тут же написал приказ о первом салюте в честь двойной победы. Кириллин упорно раздувал во дворе сапогом трубу самовара. Аж искры летели из поддувала! Наконец чай закипел. После обеда Сталин вышел в отличном настроении на крыльцо и поманил пальцем Орлова с Кириллиным, налив им из бутылки по стопке перцовки. Счастливы сперва оробели, но все-таки дружно опрокинули рюмки, разом гаркнув:

— За ваше здоровье, товарищ Сталин!

— Пейте не за мое здоровье, а за идеи великого Ленина и победу над врагом! — улыбнулся он.

Потом с горы над Волгой он долго рассматривал в бинокль разрушения во Ржеве. К вечеру 5 августа мы прибыли на станцию Михалево. Поезд взял курс на Волоколамск. Дорогой Сталин пригласил в салон машиниста Виневского, угостив чаем, поблагодарил его за труды и вручил скромный подарок. Вечерняя Москва встречала нас ликующим салютом!

А вот как все это изобразил Волкогонов: «После рассказов Берии, а затем Маленкова о своих «боевых крещениях» Сталин твердо решил, хотя бы для истории, побывать на фронте. И такая поездка, чрезвычайно тщательно готовившаяся, состоялась. Сталин побывал на Западном и Калининском фронтах в начале августа 1943 года. После этого, по его мнению, уязвимых мест в его полководческой биографии не осталось.

1 августа Сталин отбыл на специальном поезде со станции Кунцево. Были подобраны старенький паровоз, полуразбитые вагоны. К небольшому составу прицепили для маскировки и платформу с дровами. Сталина сопровождали Берия, его помощник Румянцев, переодетая усиленная охрана. Прибыв в Гжатск, Сталин встретился с командующим Западным фронтом Соколовским, членом Военного совета Булганиным. Заслушав начальников и высказав общие пожелания, Сталин, переночевав, отправился в сторону Ржева, на Калининский фронт к Еременко. Здесь он остановился в деревне Хорошево в домике простой крестьянки, стоявшем на отшибе от других (хозяйку предварительно со всем скарбом отсюда выселили). Этот небольшой домик, с резным карнизом и мемориальной доской, стоит и поныне, напоминая о фронтовых «подвигах» Верховного. Рассказывают, что, находясь именно в этом домике, Сталин распорядился подготовить приказ о первом орудийном салюте в честь взятия Орла и Белгорода. Но поехать в войска и повстречаться с командирами и бойцами Сталин не пожелал. Без всяких драматических происшествий после ночевки в Хорошево на автомобилях вместе с Берией под усиленной охраной Верховный вернулся в Москву. Он мог быть теперь удовлетворенным: никто не смел думать (говорить-то, естественно, не смел никто!), что полководец видел фронт лишь с помощью кинохроники, докладов генералов Генштаба да представителей Ставки...

Повторю, он был непревзойденным мастером кабинетного руководства. Поэтому его «касательное» посещение ли-

нии фронта (в действительности он был далеко от него) понадобилось не для ознакомления с делами двух фронтов, не для обогащения впечатлениями от встреч с личным составом частей, готовящихся к наступлению. Нет. Это нужно было для истории. Сталин думал о своем историческом реноме. Будущие летописцы должны были соответствующим образом отразить сей факт его полководческой деятельности. В его биографии должна быть страница вдохновляющего приезда Верховного в действующую армию».

* * *

Надеюсь, теперь каждый желающий заметит существенную разницу в описании минувшего. Безусловно, Волкогонов не мог знать важные подробности, известные только нам, очевидцам. Но зачем же снова безапелляционно утверждать, будто Сталин не встречался хотя бы с командирами? С кем же тогда он проводил совещания у Соколовского, Воронова и Еременко? Уместна ли тут постоянная ирония над каждым поступком Сталина? Не слишком ли смело автор постоянно думает за действительного вождя того времени, уличая его в низменно-имперских грехах? И как он мог выносить Верховному Главнокомандующему такой приговор: «Его в значительной мере дилетантское и некомпетентное руководство выражалось прежде всего в катастрофических материальных и людских потерях. Их смог вынести лишь советский народ, который устоял не благодаря, а вопреки «гению» Сталина. Ссылки на внезапность, неподготовленность, вероломство Гитлера, ошибки военачальников и т. д. не оправдывают Сталина, а лишь подчеркивают его стратегическую близорукость и ущербность. Верховный Главнокомандующий, возглавляя Вооруженные Силы, привел их к победе ценой невообразимых потерь... И если сопоставить их с «полководческим гением» Сталина, то сразу станет очевидной неуместность приписывания Верховному особых заслуг в Победе».

Подобные «рассуждения» украшают почти каждую страницу книги, объем которой равен «Войне и миру». С легкостью необыкновенной автор все осудил и низверг. В подоб-

ной ситуации просто удивляет У. Черчилль. Уж его-то ни в коем случае нельзя заподозрить в симпатии к большевикам, а тем более — к Сталину. Это исконный враг советской власти. Однако именно Черчилль в честь восьмидесятилетия Сталина сказал в палате лордов следующее:

«Большое счастье для России, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял гений, непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции, несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беде, которому я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам. В его произведениях всегда звучала исполнительская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью, был непревзойденным мастером находить пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты несчастья и торжества оставался одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Сталин был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой и оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, что бы мы ни говорили о нем, — таких истории и народы не забывают».

Неужели Волкогонов, работая над столь фундаментальным трудом, не знал об этой речи Черчилля? Странно. Или видел свою задачу лишь в том, чтобы просто развенчать культ личности? Тогда можно сказать, что трудился напрасно, не заметив главного — самой личности. Личности, которой отдавали дань глубокого уважения даже недруги...

СТАЛИН И ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

К лету сорок второго года конструкторы создали мощный танк, однако из-за недостатков машины несли в боях существенные потери. Сталин решил сам разобраться в изъяснах. Танк доставили в Кремль. По просьбе Сталина им управлял водитель, участвовавший в боях. Конструктор усердно объяснял ходовые и боевые качества машины. Не дослушав его, Сталин попросил Тукова помочь взобраться на броню. Люк был открыт. Водитель пояснил Верховному, что во время боя на ходу стрелять нельзя: сначала надо остановиться и дать три-четыре прицельных выстрела. Таким образом танк сам становился хорошей мишенью для противника. Конструктор заволновался.

Успокоив его, Сталин спросил:

— Сколько потребуется времени устранить недостатки?

— Месяц, товарищ Сталин!

— Даем три месяца. Смотрите, не подведите нас и фронт, который ждет этот танк. А танкист — добрый малый. С такими можно воевать и побеждать. Не обижайте его, он прав.

Затем Сталин посетил трофейную выставку в Парке культуры имени Горького. Поинтересовался у генерала Хмельницкого, можно ли из немецкой техники что-нибудь использовать? Его заинтересовала самоходная пушка. Можно ли нам создать подобную или даже лучше? Конструкторы обещали. Готовую самоходку снова доставили в Кремль вместе с водителем. Сталин опять к нему:

— Как, по-вашему, хорошая пушка?

— Никуда, товарищ Сталин, не годится. С ходу из нее стрелять нельзя.

Сталин вновь простил конструкторам промахи, предложил быстрее дать фронту полноценное оружие.

* * *

Важность подобных примеров и личный вклад Сталина в изготовление победоносного оружия, надеюсь, ни у кого не вызывает сомнения. Но если бы он ограничивался только этим... Всевозможные карты фронтов не помещались в прежнем зале ближней дачи. В сорок третьем году сталинский кабинет и еще пару комнат ликвидировали, присоединив к залу. Дополнительную площадь немедленно заняли карты, лежащие на длинном столе, диванах, на полу и подоконниках. Сталин работал над ними без очков, с большой и малой лупами. Постоянно записывая свои мысли, чиркая карандашом на столе, подоконнике или где придется. Трудно установить, когда он отдыхал. Иной раз посреди ночи вдруг уезжал в «Семёновское». На террасе и под лестницей второго этажа стояли жесткие плетеные топчаны. Как-то рано утром Орлов прошел все комнаты — пусты. Обнаружил Сталина уже на террасе, на таком топчане. Он спал в шинели, ботинках, прикрывшись фуражкой от солнца. Вот где его свалила усталость...

Сталин с большим уважением относился к В. И. Ленину, над портретом которого постоянно горела электролампочка. При переезде на другое место или отдых он велел брать небольшой бюст Ленина и ставить на видном месте...

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Приближалось время Тегеранской конференции. Полковник Грачев доставил в Баку самолет. На нем Сталин перелетел в Тегеран. Все заседания глав правительств проходили в советском посольстве. Сталин настойчиво требовал у Черчилля и Рузвельта открытия второго фронта.

Сейчас много шумят о знаменитом Скорцени, который-де хотел совершить какую-то диверсию против глав правительств. Однако мы все знали про него еще задолго до появления на тегеранском горизонте и приняли нужные меры

предосторожности. Поэтому гаврик вернулся восвояси не со-
лоно хлебавши.

У Черчилля охрана была невероятно шумливой, всегда с криком и грохотом вскакивала в машины и — гнала по улицам во весь дух! Оцепление располагалось на перекрестках с пулеметами, похожими на наши. Любопытные иранцы английского языка не понимали. Чтоб они дуриком не лезли под машины, охрана разговаривала с ними при помощи кованных ботинок.

На прощание Сталин посетил иранского шаха в зеркальном дворце, обнесенном двухметровой стеной. В знак уважения к вождю и нашей стране шах преподнес такой подарок, что Орлов с Туковым еле-еле дотащили его до машины.

Пока на конференции решались мировые вопросы, мы с Белеховым случайно обнаружили недалеко от зеркального дворца гарем. Тут же невольно страсть «захотели пить». И под этим предлогом проникли в душный барак, поделенный на засиженные мухами каморки, в которых ютились женщины разных возрастов и разной красоты. Одни скучающе бродили, другие работали, третьи лежали. Некоторых надсмотрщики почему-то охаживали длинными арапниками. Нам тоже чуть не досталось от бородача, который предложил немедленно покинуть владение их шахского величества. Бедные, несчастные красавицы... Кой черт им так завидовали?..

После конференции Сталин направился в Сталинград. Осмотрел разрушенный город, штаб Паулюса, на улицах — горы немецких касок. Вздохнул:

— Эх, горе-завоеватели... В касках-то головы были?.. А город мы выстроим красивее прежнего. С нашим народом все сделаем!

Поехали дальше по коридору среди развалин зданий и штабелей немецкой техники. Неожиданно машина Верховного столкнулась со встречной, шофером которой оказалась женщина. Сталин вышел. Увидев его, женщина перепуганно заплакала. Сталин успокоил ее:

— Да вы не плачьте... Наша машина бронированная, а вы свою поправите.

Тут откуда-то налетела милиция. Сталин заступился:

— Вы ее не трогайте. Она не виновата.

Двинулись дальше... Домой.

СТАЛИН И ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА. ПАРАД ПОБЕДЫ

Как известно, за самоотверженную работу в годы первых пятилеток Сталину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Золотой Звездой он гордился как вполне заслуженной. Его роль в победе над Германией тоже была очевидна. Политбюро решило порадовать Верховного Главнокомандующего, присвоив ему звание Героя Советского Союза. Сталин услышал об этом от Тукова и возмутился:

— Подхалимы придворные! Такая высокая награда должна вручаться только воинам, проявившим героизм на поле боя! Я же в атаку с винтовкой наперевес не ходил и героизма не проявлял!

Узнав о таком сюрпризе, правительство призадумалось, как вручить награду. Маленков было взялся за это, но... Попросил Поскребышева. Тот лишь представил, как Сталин может вспылить! И тоже передал награду коменданту дачи Орлову. Сталин опять лишь выругался.

Перед Парадом Победы его решили порадовать новой формой генералиссимуса. Сшили три образца. Начальник тыла Хрулев одел молодцов атлетического сложения и выставил в приемной ЦК. Выйдя из кабинета, Сталин окинул взглядом накидки с атласной красной подкладкой, раззолоченные пуговицы, галуны, аксельбанты и спросил:

— Это что за павлины?

— Товарищ Сталин, это три образца формы генералиссимуса. Какая вам понравится, ту и будете носить, — доложил Хрулев.

Сталин шуганул их всех вместе. Парад Победы он принимал в прежней рабочей форме.

* * *

Поднявшись на трибуну, поздоровался с гостями, постучал пальцем по микрофону. Затем спросил у начальника связи Потапова:

— Настроились на весь мир?

— На весь мир, товарищ Сталин! — отозвался Потапов.

— Пусть слушают любители игры с огнем...

Торжественно-ликующую музыку сводного духового оркестра, думаю, тогда услышал весь мир!..

ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16 июля 1945 года Сталин прибыл в Берлин, на Потсдамскую конференцию. Ефимов с Орловым расставили в резиденции отменную позолоченную мебель. Сталин предложил все излишества убрать. Через три дня внезапно возник перерыв. У Черчилль проиграл выборы, а новый премьер-министр Эттли еще не мог приехать.

Сталин дал для Черчилля прощальный концерт с участием лучших артистов. Сам выполнял роль конферансье. Разговаривая с каждым исполнителем, был очень любезен. Однако все здорово волновались. Успокаивая их, Сталин по секрету шепнул, что зря они так переживают — их будут слушать простые любители. Это всем придало уверенность. Работали на концерте в полную силу, исполняя произведения Баха, Моцарта, Чайковского.

Вдруг случилось непредвиденное. Сталин попросил исполнить что-либо из русских народных и советских песен. Оказалось, что никто к этому не готов. Спасла положение Г. Баринаова, смело севшая за рояль. Она спела знаменитую «Землянку», «В лесу прифронтовом» и другие песни. Сталин долго стоял у рояля, задумчиво слушая артистку. Потом преподнес ей роскошный букет прекрасных роз. Так завершился на рассвете незабываемый концерт в Бабелсберге.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАЛИНА

Сталина еще до победы заботило восстановление сельского хозяйства. И не только там, где побывали оккупанты. Занимаясь проблемами всей страны, он не упускал из виду и то, что было рядом.

Все началось с молодого барашка, поданного с гречневой кашей на даче в «Семеновском».

Сталин полюбопытствовал:

— Где взяли барашка?

— Доставили на самолете из Абхазии, — простодушно признался комендант Соловов.

— А самолет что, водой заправляли?

Соловов начал оправдываться, но Сталин резонно заявил:

— Не крохоборничайте, не занимайте, ничего не просите ни у кого. Разводите все сами.

Подсобное хозяйство заняло двадцать гектаров рядом с территорией дачи. Появились коровы, поросята, куры и гуси. Сталин знал количество белков и калорий в каждом продукте. Поэтому особенно ценил лосиное мясо. На территории постоянно паслись пять-семь лосят. Не считая огорода, в парниках круглый год выращивались овощи. В саду зрели яблоки, сливы, вишни, смородина. За всем этим хозяйством наблюдали старший научный сотрудник академии имени Тимирязева Лебедева и ее помощники Панфилов с Кузиным.

Как-то возникла идея скрестить арбуз и тыкву. Казалось, все шло успешно — гибрид вымахал таким, что натошак не поднимешь. Сталин предложил оценить результат. Отрезав ломоть, Соловов откусил. От безвкусицы перекошило рот. Сталин улыбнулся:

— Ну как?

— Да так себе...

— А ну-ка дайте мне. — Пожевал дольку и тут же выплюнул с досадой. — Сколько ни украшай тыкву, так она и останется тыквой.

* * *

Приезжая сюда, Хрущев обязательно демонстрировал свою сельскохозяйственную эрудицию, хотя в помидорах и некоторых других овощах разбирался плохо. Как-то привез в подарок живых фазанов.

Соловов пустил их на хозяйственный двор. Потом спохватился, доложил. Сталин посетовал:

— Что же вы мне раньше не сказали? А то бы я их не принял. Пусть сам поправляется. Он любит поесть.

В общем, Сталин и вся обслуга были полностью обеспечены местными продуктами. Лишние отправлялись в московские магазины. Доход от хозяйства составлял около миллиона...

ПОХОРОНЫ КАЛИНИНА

3 июня 1946 года скончался Калинин, которого Сталин очень уважал. Еще до его болезни, когда все члены Политбюро вышли из Совнаркома, вождь как-то поманил пальцем Земского:

— Видите лесенку вдали? Михаил Иванович может споткнуться на ступеньке и упасть. Он же плохо видит. Надо помочь ему.

Калинин в особняке на Кировской действительно споткнулся даже о ковер и чуть не упал. Земский сломя голову припустил к опасной лесенке. Вовремя успел взять под руку всесоюзного старосту. А теперь Сталин пришел ночью к Мавзолею и определил место для могилы. Потом обратился к коменданту Кремля Спиридонову, как провести похороны Калинина по православному обычаю? Спиридонов пояснил, что гроб необходимо опускать в могилу не на веревках, а при помощи полотенец. Сталин сказал:

— Поручаем вам похоронить Михаила Ивановича по крестьянскому православному обычаю...

ПОЕЗДКА НА ЮГ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В 1946 году Сталин поехал отдыхать на юг не поездом, а на машине, чтобы видеть степень разрушения городов по этой трассе. Осмотрели Курск, Орел, обойдя их пешком. На одной улице посреди развалин вдруг выросла женщина, которая от изумления выронила ведро, всплеснула руками и бросилась обнимать Сталина. При этом плакала, причитая:

— Дорогой товарищ Сталин, как же вы по таким развалинам наших улиц ходите?

— А разве нам нельзя ходить по вашим улицам? — улыбнулся он.

А женщина неумолимо продолжала свое:

— Если бы не вы, товарищ Сталин, нам бы не одолеть врагов и не видеть победы! Спасибо вам за это самое сердечное.

— Победил врага народ, а не я, — привычно уточнил Сталин. — Вам за это самое сердечное спасибо.

Такие разговоры продолжались почти везде. Такая разлука была повсюду. С той, правда, разницей, что кое-где начали латать прорехи. А в Сочи уже всюду строили порт. Сталин прямо с дороги направился туда, нетерпеливо выпрашивая у Афанасьева, коменданта южных дач, все досконально. Хорошо, тот имел полную информацию буквально обо всем. Поэтому без единой бумажки спокойно отчитывался до самого Батуми. Затем Сталин поехал на Рицу, внимательно осмотрел живописные места вокруг озера. Отличный воздух. Ватхарские источники. Самое подходящее место для постройки санаториев или домов отдыха! Обратился к архитектору Авраменко с предложением сделать вокруг озера дорогу. Тот возразил:

— Товарищ Сталин, это будет дорого стоить. Ведь потребуются взрывные работы.

— Надо все сделать для народа, чтобы к этим санаториям и домам отдыха могли свободно добираться на автобусах.

Мог ли Авраменко проигнорировать подобную заботу о народе?..

* * *

Тогда на Рице сталинской дачи еще не имелось. Всем пришлось ночевать в бильярдной, оставшейся еще с царских времен. Постелили на полу матрасы, накрыли их простынями. Добыли подушки с одеялами. Сталин лег вместе с нами, голова — под бильярдом, а ноги — снаружи. Бдительная охрана от усталости тут же крепко заснула. Утром Сталин пожаловался:

— Друзья, у вас кто-то сильно храпел, спать не давал. Организуйте мне что-нибудь отдельно.

Нашли в чаще небольшой сарайчик, привели его в порядок, поставили железную койку с постелью. Но долго там спать Сталину не пришлось. Решив все вопросы по строи-

тельству, он вернулся в Сочи. Во время отдыха Сталин любил порыбачить на Черной речке. Текла она с перекатами, порой совсем по мели. Воду имела чистую, холодную и отличную на вкус. Там, где было широко и глубоко, водились осетры. Общее руководство Сталин сразу брал на себя. Следуя по берегу, обнаруживал в ямах рыбу и показывал, куда бросать толую шашку. После броска мы быстро уводили Сталина от реки. Ведь с шашкой шутки плохи. Мгновенно всплескивал фонтан воды, раздавался взрыв. В штатском, он иногда забавно бегал по берегу рысцой, как все мы, грешные, азартно вдохновляя нас на рыбацкие подвиги. Глядя на него в такие моменты, трудно было поверить, что это — генералиссимус!

После взрыва, смотрим, сплывали два-три осетра. Елизаров на резиновой лодке тут же шустро подплыл и укладывал добычу в корзину. А Кашеваров на перекате перекрывал горловину реки сеткой и вылавливал мелюзгу. Больше трех-четырех осетров Сталин брать не разрешал — на сегодня нам хватит. Повар Суздаловский уже готовил на берегу походный стол, разводил костер и подвешивал на тагане котел. Когда все поспевало, Сталин каждого из нас оделял стопкой вина. Мы, конечно, дружно голосили:

— За ваше здоровье, товарищ Сталин!

— Пейте не за мое, а за здоровье Елизарова, который наловил рыбы, — поправлял нас вождь.

* * *

Все, кто сейчас клеветает на него, совершенно не знают этого человека, видели его только издали, в кино или прочитали о нем у писателей, которые тоже ничего толком не знали, для пущего страха все напридумав. Сталин был очень артельным человеком, веселым и щедрым. Мало кто из членов Политбюро так просто общался со своей охраной. Нередко где-нибудь на горе в лесочке мы жарили шашлык. Верней, непосредственно у шашлычного горнила Сталин стоял сам, никому не доверяя эту важную операцию, и давал нам необходимые указания. Один подносил дрова. Второй железные прутья готовил. Третий мясо на них насаживал. Четвертый —

стол накрывал. Работа кипела. Когда с нами не было других членов Политбюро, весь нажаренный Сталиным шашлык мы под метлу зачищали!

На Рице мы часто варили уху и вместе со Сталиным с удовольствием работали ложками. Как-то отправились на очередную рыбалку. Прозрачная вода позволяла просматривать речку до самого дна, на фоне которого разгуливали поблескивающие косяки рыбы, пробуждая нетерпимое желание, даже этакий азарт мигом сообразить уху!

Полковник Раков закинул снасти в речку и пристально глядел с камня на гуляющие косяки. Так засмотрелся, что потерял равновесие и ухнул в воду. Общими силами помогли ему выбраться на берег, оставили в одних трусах у костра. Сталин снял летнее пальто и отдал Ракову. Когда тот высушил форму и оделся, только тогда Сталин взял свое пальто. Раков сердечно поблагодарил его за отеческую заботу. Тем временем уха сварилась. Мы живо сели за стол и начали ловить рыбу уже из тарелки!

Когда отдыхали в Боржоми, к Сталину пришли мужчина и женщина, соратники по прежнему подполью. Получилось так, что у этих грузин кончились деньги. Сталин при себе денег никогда не имел. Обратился к нам. Пустив по кругу фуражку, набрали триста рублей. Сталин разложил их поровну и в конвертах вручил землякам.

* * *

А то Митрюхин вез нас из Мацесты в Сочи. Около Ривьеры Сталин вышел из машины. Его мигом окружили отдыхающие с множеством детей. Сталин предложил Власику угостить ребят конфетами, которыми в соседнем киоске торговал грузин. Моментом раздали два ящика. Вечером Сталин спросил Власика:

— Вы расплатились за конфеты?

— Нет. Не успел.

— Немедленно поезжайте и расплатитесь с киоскером.

Власик умчался. Продавец, конечно, был радехонек, что сразу получил столько денег. Он еще долго кланялся вслед

машине с Власиком, по-восточному прижимая руку к сердцу. Вдобавок он был страшно горд, что у него покупал конфеты сам Сталин!..

* * *

В нравственном отношении вождь был чист, как никто другой. После смерти жены жил монахом.

Противник неравных браков, он часто высмеивал маршала Кулика, который женился на восемнадцатилетней подруге своей дочери. Завидев его, Сталин подмигивал:

— Смотрите, жених ковыляет... Как бы не шлепнулся на ровном месте...

Раз мы шли в Сочи мимо пляжа. Увидев жирных, развалившихся женщин с раскинутыми ногами, он весь передернулся:

— Какое безобразие! Пойдемте отсюда!..

* * *

В Цхалтубо он лечил ноги. Встретив рабочего, принявшего уже семнадцать ванн, поинтересовался:

— Ну, как, вам помогли ванны?

— Пока, дорогой товарищ Сталин, не чувствую облегчения, — пожал плечами рабочий.

— Что же, получается, это не Цхалтубо, а — Цхалтуро? — улыбнулся Сталин.

Он там принял всего три ванны. Люди не давали появиться на улице, ходили за нами сотнями. Не выдержав, Сталин предложил:

— Давайте отсюда уедем, а то и отдохнуть не дают.

Так и сбежали в Мацесту. Затем наконец вернулись в Москву.

ВАСИЛИЙ И СВЕТЛАНА

Сын Сталина — Василий был по характеру шумливый — чисто ухарь-купец! Никого не боялся, кроме отца. Как-то еще до войны разбил о камни моторную лодку и бросил в кустах.

Начальник транспортного подразделения Лукин пригрозил пожаловаться отцу. А Василий в ответ:

— Если ты, пузатый дурак, скажешь отцу про лодку, я твой толстый живот распорю!

Лукин обратился к Власику. Тот отмахнулся: не обращай внимания да почини моторку.

После войны Василий выменял у нашего военного атташе гоночную машину, привезенную из-за границы. С ветерком прикатил на дачу и с шумом промчался мимо террасы. Сталин спросил:

— Кто там гоняет?

Власик пояснил, что Василий выменял машину и теперь выделывает кренделя. Сталин с досадой зашумел носом — верный признак перемены настроения.

Бросил:

— Что он меняет машины, как перчатки? Отберите эту и поставьте ко мне в гараж.

Так и сделали. Василий опасался идти к отцу, умоляя Власика походатайствовать о возвращении машины.

Не помню, чем кончилось дело. Зато знаю, как Сталин приструнил первого мужа Светланы Мороза, который быстро вошел во вкус и развил бурную деятельность, используя правительственную мастерскую для бесплатного пошива костюмов и пальто не только для себя, но и для бесчисленной родни. Это стало настолько обременительным, что Соловову пришлось доложить о злоупотреблениях Сталину. Он сказал Светлане:

— Ты — студентка, он — тоже студент. На кого вы рассчитываете? На отцовскую шею? Не пойдет.

В конечном счете пройдоху за все эти фокусы выставили за порог...

ЗАБОТА О ПРОСТЫХ ЛЮДЯХ

Мы возвращались из Москвы на дачу в Семеновское. На автобусной остановке мокла под дождем группа колхозников.

— Дождь-то какой... А люди стоят под открытым небом, — вздохнул Сталин и предложил: — Давайте усадим их в машины и довезем до деревни. Тем более что у нас время на это есть. Пригласите людей с остановки.

Соловов сделал это. Но никто не двинулся с места. Вернувшись, развел руками. Сталин проворчал:

— Вы плохо приглашали, не умеете это делать.

Пошел сам к очереди колхозников. Привел целую вереницу с котомками, чемоданами и мешками. Половина втиснулась в машины. Довезли их до Семеновского. Вернулись за остальными. Они сначала вели себя настороженно, потом осмелели. Начались разговоры о колхозных и личных делах, о минувшей войне и погибших на фронте. Сталин вздохнул:

— У меня тоже Яшу загубили...

Тем временем по ближним деревням пронесся слух о сталинской доброте. На остановке в Семеновском собралось больше ста человек в надежде прокатиться с товарищем Сталиным. Но горячее иссякло. Машины едва дотянули до самой дачи...

* * *

Зимой Сталин вышел из дома в тулупе и подшитых валенках, погулял, покурил и спросил у Мельникова:

— По сколько часов стоите на посту?

— По три через шесть, товарищ Сталин.

— На какой срок получаете обмундирование?

— На год, товарищ Сталин.

— А сколько получаете зарплату?

— Шестьсот рублей, товарищ Сталин.

— Не богато, не богато...

После этого разговора нам всем увеличили зарплату и дали второй комплект обмундирования.

Сталин был счастлив безмерно. Ведь по сравнению с нами он считал себя богачом — имел пару шинелей, три пальто и целых четыре кителя!

* * *

Забота о ближних не избавляла Сталина от заботы о дальних. Он выискивал деньги для общего снижения цен. Думал об этом постоянно и все-таки нашел позарез нужные день-

ги, решив на семьдесят процентов сократить всю правительственную охрану и прислугу. Затем, чтобы некоторые товарищи не очень стремились в Политбюро, — уменьшил доплату в пакетах с двадцати пяти тысяч рублей до восьми. Соратники, естественно, зашипели. Но куда деваться? Лишь еще крепче обнялись и стали действовать против обидчика еще дружнее, забирая в свои руки все государственные дела...

По-прежнему бороться с ними Сталин, видно, уже не мог. Ведь ему пошел семьдесят четвертый год. Сказывалась постоянная гипертония. Раз на ходу чуть не упал от головокружения. Туков успел поддержать. Порой с трудом поднимался по лестнице на второй этаж в свой кремлевский кабинет. И как-то невольно пожаловался Орлову:

— Чертова старость дает о себе знать...

СМЕРТЬ СТАЛИНА

27 февраля 1953 года в Большом театре шел балет «Лебединое озеро». В восемь часов, сопровождаемый Кириллиным, в своей ложе появился Сталин. До конца спектакля он был один. Затем попросил директора поблагодарить артистов за филигранную отточенность партий. После чего уехал на близкую дачу.

28 февраля вместе с «соратниками» он посмотрел в Кремле кинокартину. Потом предложил всем членам Политбюро приехать на дачу. В полночь прибыли Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Остальные в силу возраста предпочли домашние постели. Гостям подали только виноградный сок, приготовленный Матреной Бутузовой. Фрукты, как обычно, лежали на столе в хрустальной вазе. Сталин привычно разбавил кипяченой водой стопку «Телиани», которой хватило на все застолье. Мирная беседа продолжалась до четырех часов утра уже 1 марта. Гостей проводил Хрусталева. Потом Сталин сказал ему:

— Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать.

Подобного распоряжения он никогда не давал. Оно удивило Хрусталева необычностью. Хотя настроение у Сталина было бодрым...

С утра все занимались положенными делами. В полдень заметили, что в комнатах все еще нет никакого движения. Это насторожило. Но заходить без вызова к вождю не полагалось. А соответствующего сигнала по-прежнему не было. Наконец полседьмого вечера в кабинете вспыхнул свет. Все облегченно вздохнули, полагая, что сейчас последует приглашение. Однако не дождались его. Охрану стала охватывать тревога: происходило явное для Сталина нарушение распорядка дня. Пусть даже воскресного.

В десять тридцать охрана окончательно убедилась в скверности положения. Лозгачев послал Старостина в кабинет. Но тот уклонился. Дескать, раз ты старший, то иди первым. Пока препирались, привезли свежую почту из ЦК. Это давало возможность войти на законном основании. Твердым шагом Лозгачев направился в большую столовую, где Сталин мог отдыхать. Не заметил его в темноте. Миновал одну, другую комнату. Пусто. Из приоткрытой двери малой столовой лился свет. Заглянул туда, оцепенел...

У стола на ковре лежал Сталин, как-то странно опираясь на локоть. Рядом лежали карманные часы и газета «Правда». На столе стояли бутылка минеральной воды и пустой стакан. Видимо, Сталин еще не потерял окончательно сознание, но говорить уже не мог. Заслышав шаги, он чуть приподнял руку, словно подзывая. Бросив почту на стол, Лозгачев подбежал, выпалив:

— Что с вами, товарищ Сталин?

В ответ послышалось непонятное «дз-з-з...». По внутреннему телефону Лозгачев позвал Старостина, Тукова и Бутузову. Они мигом прибежали. Лозгачев спросил:

— Вас, товарищ Сталин, положить на кушетку?

Последовал слабый кивок головы. Все вместе положили больного на кушетку, которая оказалась короткой. Пришлось перенести Сталина в большой зал на диван. По пути стало видно, как он озяб. Наверное, лежал в столовой без помощи

несколько часов. Бутузова тут же распустила ему завернутые по локоть рукава нижней рубашки. На диване Сталина тщательно укрыли пледом. Лозгачев сел рядом ждать врачей.

* * *

...Часы отбивали уходящее время. И все очевидней становилось: врачи не спешат на помощь. Около девяти часов они появились во главе с профессором Лукомским. Руки у всех от волнения тряслись так, что не могли снять с больного нижнюю рубашку. Пришлось разрезать ее ножницами. Осмотрев Сталина, врачи установили диагноз: инсульт с кровоизлиянием в мозг. Принесли кислородную подушку, сделали уколы камфары, приложили пиявки.

2 марта вызвали Светлану и Василия. Тот сразу где-то вмазал и с порога закричал:

— Сволочи, загубили отца!

Некоторые члены правительства на него ошетинились. А Ворошилов стал урезонивать:

— Василий, успокойся. Мы принимаем все меры для спасения жизни товарища Сталина.

Наконец о болезни вождя узнала страна. На даче все чаще раздавались звонки доброжелателей, предлагавших свои услуги. Некоторые клятвенно уверяли, что поднимут Сталина...

Члены Политбюро поочередно дежурили у постели больного. Иногда он пытался открыть глаза или шевельнуть губами, но сил не хватало. 5 марта стал падать пульс. Берия подошел к нему с просьбой:

— Товарищ Сталин, скажи что-нибудь. Здесь все члены Политбюро.

Ворошилов оттащил его за рукав, говоря:

— Пусть к нему подойдет обслуга. Он лучше ее узнает.

Пока охрана протискивалась через тесное кольцо членов правительства, Сталину сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились. И минут через пять наступила смерть...

Гроб с телом покойного был установлен в Доме Союзов. Плачущий Клемент Готвальд спросил у Ворошилова:

— Как же вы не уберегли товарища Сталина?

— Все мы накануне смотрели картину в Кремле. Сталин был бодр и весел. После картины мы разошлись по своим домам...

Все верно. Для первого маршала это событие было такой же ошеломляющей неожиданностью. Однако именно тогда Ворошилов прикрепил на китель покойного Золотую Звезду Героя Советского Союза. Ту самую, от которой Сталин прежде отрекся.

СТАЛИН И РЕПРЕССИИ

С легкой руки Хрущева Сталина до сих пор обвиняют в необоснованных репрессиях. Обвиняют все кому не лень. Как же было на самом деле? Давайте попробуем оценить хотя бы общую ситуацию... Тем более что я знаю эту систему. Сам дважды чуть не оказался ее жертвой. А главное — в разведывательном отделе охраны правительства был начальником группы, которая за десять лет проанализировала множество архивно-следственных дел на осужденных, арестованных и расстрелянных в тридцатые годы.

Беззакония начались, конечно, раньше. В 1921 году страна ощущала острый недостаток сахара. Встал вопрос о повышении урожайности свекольных полей. Отрасль крайне нуждалась в специалистах по технологии сахарного производства. Для разрешения этой проблемы к В.И. Ленину пришел на прием председатель ЦК союза рабочих сахарной промышленности П. Юхновский.

Ленин поинтересовался, знает ли тот инженера Названова? Юхновский дал ему хорошую характеристику. Тогда Ленин сообщил, что Названов арестован Ленинградской ЧК, необходимо помочь ему освободиться. Ленин знал Названова еще по подпольной работе в «Союзе борьбы». В связи с этим

попросил Юхновского написать положительный отзыв. С таким же предложением он обратился к Г. Кржижановскому и другим старым большевикам. Затем посмотрел следственное дело Названова и спас человека от расстрела.

Возникает законный вопрос: почему Ленинградская ЧК, заведомо зная, что Названов является подпольщиком, работавшим еще с Лениным, до ареста ничего ему не доложила? А сколько таких инженеров сидело в Московской и различных губернских ЧК?..

* * *

О зловещей роли Ягоды в организации репрессий я уже писал. При Ягоде коллегия ОГПУ своим решением приговаривала к расстрелу сразу двадцать-тридцать человек. Причем жертвами оказывались и сами чекисты. В основном — честные.

Пользуясь болезнью председателя ОГПУ Менжинского, Ягода принимал на руководящие посты баронов, белогвардейцев, которые буквально терроризировали рядовых сотрудников, преданных партии и своему народу. В памяти сохранился некий Офицеров. Допустим, кто-то из рядовых сотрудников нечаянно совершил оплошность, заслуживающую наказания в пять суток ареста. Но Офицеров такого сотрудника вел в расстрельный подвал. Представьте, что тот, зная, куда идет, испытывал в эти минуты. Наконец, Офицеров, толкнув стволом револьвера в спину, зло говорил:

— Пошел вон, мерзавец! В следующий раз обязательно прикончу!

С помощью своего приближенного Буланова Ягода стремился умертвить Менжинского, который страдал бронхиальной астмой и другими заболеваниями. А его поместили на даче сразу после окраски стен, мебель и драпировки опрыскали ядовитыми веществами. Убрав с пути верного ленинца, Ягода развязал себе руки. Как уже говорилось, почти во всех делах на арестованных и расстрелянных были резолюции Ягоды, размашисто наложенные с угла на угол. Письма арестованных на имя Сталина никогда не попадали по адресу, а просто подшивались к делу.

Одно время Ягода зачастил к М. Горькому на дачу в Горки. Мне приходилось его сопровождать. Увеселения длились примерно до четырех часов утра. Какая-то странная звучала музыка, с какими-то монотонными тяжелыми стуками. Что этот негодяй имел общего с Горьким? Оказывается, совращал сноху Надежду. Немудрено, что Максиму Пешкову усиленно подливали из всех бутылок, а потом в беспамятном состоянии бросили на снег. Воспаление легких. Наконец, и врачи «помогли» приблизить кончину. Горький все это очень переживал. Через месяц после смерти сына он превратился в дряхлого старика и скоро тоже умер.

А Надежда как ни в чем не бывало продолжала посещать кабинет Ягоды на Лубянке. По его инициативе Павел Корин написал роскошный портрет примадонны, картинно восседающей в кресле. Когда предложили попросить Сталина помочь в создании музея этого живописца, Ягода мигом все провернул сам. Если бы чистоплотный Сталин все это узнал тогда, то стер бы мерзавца в порошок.

После убийства Кирова следствие вел Агранов, заместитель Ягоды. Все фальсифицировал. Подозревая это, Сталин назначил комиссию ЦК для проверки работы НКВД. В личном сейфе Ягоды обнаружили списки правоцентристской оппозиции и личные дела агентов царской охраны Зеленского, Зубарева, Иванова. Думаете, кем являлись бывшие провокаторы? Зеленский занимал пост секретаря Московской партийной организации. Зубарев был вторым секретарем Свердловского обкома. А Иванов работал секретарем Северо-Кавказского крайкома партии и по заданию Бухарина с двадцать восьмого по тридцать четвертый год организовывал голод, чтобы вызвать недовольство населения советской властью.

* * *

Вот такая публика орудовала всюду под прикрытием Бухарина и Ягоды.

Поэтому его секретарь Буланов на суде честно признался: «Все преступления, которые я выполнял, исходили от Троцкого и Бухарина. По их директивам мы убивали, калечили, са-

жали в тюрьмы абсолютно невинных людей. Не может быть нам пощады. И здесь пусть Бухарин не прикидывается. Он готов ради своего спасения утопить всех, но это опасный злодей нашего времени. Это они, Троцкий и Бухарин, обязали нас умертвить Менжинского и Куйбышева, Пешкова и Горького».

Однако были и самоуправство на местах и перегибы в органах НКВД. В январе 1938 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б). На нем выступал Сталин, осудив нарушения революционной законности со стороны НКВД, партийных организаций, наркомов и особых отделов Красной Армии.

В НКВД развернулась ожесточенная критика, которой сегодня могла бы позавидовать любая гласность. Крыли, понятно, прежде всего начальство. По всей стране прошли бурные партийные собрания. Отовсюду решительно изгонялись клеветники, доносчики, подхалимы, карьеристы и прочая нечисть. В самом наркомате работала комиссия ЦК под председательством А. Андреева. В результате было освобождено от должности и отдано под суд тридцать тысяч следователей и других работников, причастных к беззакониям. Одновременно получили свободу сорок тысяч лишь военных. А всего было освобождено триста двадцать семь тысяч человек.

ВИНА ХРУЩЕВА

На многих расстрельных делах стояла подпись Хрущева, и многих людей он погубил из личной неприязни. Известна его ненависть к тем, кто хоть когда-то обидел его. В таком случае месть была неизбежна. Пусть даже через двадцать лет. Вот факты, которые существенно дополняют его облик.

Став в тридцать пятом году секретарем Московского горкома, Хрущев требовал поставить на свою машину правительственный сигнал, дать домой холодильник. Словом, обеспечить ему все соответствующие блага. Но Власик резонно возразил, что все это положено лишь члену Политбюро. Кто смел перечить всесильному тогда Хрущеву? Только принципиальный Власик. В 1952 году вместе с Берией Хрущев упек-таки его за решетку, а после освобождения поселил в коммуналку, где старик скончался от переживаний.

В октябре 1941 года по совету Маленкова и Берии Хрущев предложил Сталину для безопасности покинуть Москву. Верховный молча взял его под руку и вывел, точнее — выставил из кабинета. Разве это не оскорбительно?

Во время войны сын Хрущева от первой жены из Калиновки развлекался тем, что стрелял по бутылке, стоявшей на голове более младшего офицера. Кончилось это тем, что все-таки убил сослуживца. В результате остался без погон старшего лейтенанта и попал в штрафной батальон. В одном из боев сдался в плен. Без долгих раздумий немцы заставили его призывать красноармейцев по радио тоже сдаваться. Узнав об этом позорище, Сталин поручил партизанам добыть предателя. Его ликвидировали. Опережая роковой момент, Хрущев явился к Сталину с мольбой. Но бессердечный вождем отчеканил:

— Война есть война.

Как можно забыть подобное кощунство?

А разве мог Хрущев забыть унижения, испытанные после бегства из-под Харькова, где он, член Военного совета Юго-Западного направления, бросил окруженные немцами войска и улетел в Москву? Еле-еле при помощи своих дружков отвертелся от суда Военного трибунала и целых полгода не показывался на глаза Сталину. Как только выдержал такое...

И разве не издевательство — после войны битых два часа держать почти навтыяжку его, уже солидного члена Политбюро, и отчитывать на глазах у всей дачной охраны? Да потом еще тому же Лозгачеву иезуитски жаловаться:

— Вот, все меня называют жестоким, а как быть? Им, этим Иванам непомнящим, скажешь одно, а они все перепутают... А всякая государственная ошибка, словно снежный ком с горы, влечет за собой серию мелких ошибок...

И Хрущев за все отомстил Сталину сторицей, свалив на покойного собственные преступления. Сколько людей уничтожил собственной властью, когда возглавлял трибунальские тройки или не контролировал их работу, как тот же Чуянов? Потому-то ему ничего не оставалось, как свалить на Сталина все репрессии, чтобы прикрыть собственные злодеяния. Собственные и дружков. Того же Микояна, который попросил

Ежова «разобраться» с его семьей заместителями, видно, не желавшими участвовать в совещаниях вроде того...

С высокой трибуны двадцатого съезда Хрущев оскорбил Ворошилова, заявив, что тот путается у него в ногах и мешает работать. Первый маршал пришел в свою машину и от обиды заплакал.

* * *

Последний пример. Хрущев страсть обожал чиновничество. Во время спектакля в театре имени Е. Вахтангова он появился в ложе так, чтоб увидел весь зал. Стоящие зрители бурно аплодировали ему. А он милостиво раскланивался. При этом заметил на первом ряду единственного человека, продолжавшего сидеть. На следующий день позвонил ему:

— Ты что, всенародно демонстрируешь неуважение ко мне?!

— У меня ишиас, — пояснил Георгий Константинович Жуков, поневоле вынужденный слукавить.

— Знаю, знаю, какой у тебя ишиас, — угрожающе заключил Хрущев.

Думаю, этого было достаточно, чтобы спаситель Отечества превратился в опального пенсионера.

Шельмуя Сталина, Хрущев с трибуны намекал:

— Мы еще посмотрим, кто убил Кирова!

И дважды посылал в Ленинград самые бдительные комиссии, которые вернулись оттуда с пустыми руками.

* * *

Свалив на него все беззакония и репрессии, Хрущев заодно обвинил Сталина в том, что он тормозил развитие социалистического строительства. Сравним факты. Каким после победы революции являлся главный вопрос? Быть государству Советов независимым или попасть под влияние иностранного капитала. Для самостоятельности следовало максимально развивать всю нашу экономическую мощь.

Ленин заботился об электрификации страны, создании собственной индустрии, всемерной механизации сельского хозяйства, повышении общей культуры народа, которому по праву наследия принадлежит все искусство. Все эти заветы были выполнены. И каждая такая победа была естественно связана с именем Сталина — вождя социалистического государства, которое сокрушило бронированную машину мирового фашизма, а затем в небывало короткий срок буквально воскресло из руин. Эти очевидные факты признают даже империалисты. Но только — не Хрущев, сумевший в погоне за Америкой разорить нашу страну при помощи одной кукурузы. Не говоря уж о других вздорных экспериментах.

В знак протеста против его шараханий я в 1955 году подал в отставку...

* * *

Скажу еще, что сейчас некоторые обыватели хвалят Н. Хрущева за создание пятиэтажек сразу после смерти Сталина. Он-де многих переселил из подвалов. Но на какие деньги Хрущев строил пятиэтажки? Что, бог послал? Нет, не бог, а Сталин. Он после войны развернул невиданное строительство городов. Н. Хрущев взял деньги для строительства пятиэтажек из накопленной сталинской казны.

Сталин оставил народам СССР две с половиной тысячи тонн золота. Он за море не ездил и берег государственную копеечку. Подсчитайте, сколько стоят сейчас вояжи наших малых и больших правителей государству? Очень много. Все это на хребте трудового народа. А толк-то какой от их поездок? Один популизм...

Что Хрущев сделал, так это окончательно развалил компактные колхозы, соединив целые районы в один колхоз. Вот тогда-то и побежал крестьянин из деревни на все четыре стороны. По деревням прошел Мамай. Там осталось по одному-два дома. Многие деревни, например на Урале, не существуют, их места заросли бурьяном.

Вообще наши руководители одержимы беспутными реформами. Хрущев проводил реформы, Брежнев тоже, Горбачев, Ельцин болел реформами на капиталистический лад...

Напомню, что Н. Хрущев в своих «реформах» добрался и до флота и начал резать корабли на слом. Дескать, их заменят ракеты. Между прочим, это продолжается и по сей день...

Наконец, Хрущев по идеологии и подобию троцкистской закваски первым внес вражду между советскими украинским и русским народами. Они работали с Берией в этом плане на пару. Только один человек — Снечук в Литве — понимал, что такая политика — контрреволюционная и ведет к разобщению народов. Сейчас мы пожинаем плоды...

ПОКУШЕНИЯ НА СТАЛИНА

Вернемся к Сталину. За минувшие годы в прессе постоянно появлялись различные версии о покушениях на Сталина. Начать придется с истории.

В 1904 году грузинские революционеры для нелегальных собраний сняли в Тифлисе подвал в доме банкира. Вскоре они решили принять в партию нового товарища Годерадзе. На собрание пришел представитель РСДРП. Молодой, никому не известный. Назвался Кобой. Сказал:

— Пока надо воздержаться от приема в партию Годерадзе.

Все были этим обескуражены. Через три дня Годерадзе снова появился. А следом за ним — Коба. К всеобщему изумлению, на сей раз Коба сам предложил принять Годерадзе. Пораженный такой резкой переменой мнения, С. Кавторадзе схватил со стола керосиновую лампу и швырнул в лицо Кобе, который сумел увернуться. Лампа врезалась в стену и разбилась вдребезги. Спокойно закулив трубку, Коба невозмутимо произнес:

— Нехорошо получается. Банкир предоставил нам помещение, а мы вместо благодарности могли поджечь его дом.

* * *

Таким было первое покушение. Следующее являлось более серьезным. Начиная с тридцать третьего года оппозиция

стала готовить «дворцовый переворот». Мне довелось присутствовать на процессе правотроцкистского блока. Вот отрывок из показаний Рыкова: «Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана: подготовка «дворцового переворота». Опорой для осуществления контрреволюционного плана являлся Енукидзе. Большую роль играл Ягода. Был создан центр с привлечением троцкистов и зиновьевцев: Каменева, Пятакова, Енукидзе. Туда вошли я, Бухарин и Томский. С этим центром была связана военная группа Тухачевского».

Крестинский показал на суде: «В феврале тридцать пятого года Пятаков мне сообщил, что между троцкистами, правыми и военной группой Тухачевского состоялось соглашение о совместном совершении вооруженного переворота. За это я несу ответственность».

Не стоит приводить показания Гринько, Розенгольца, Радека, Бессонова и других им подобных. Они ждали нападения Гитлера на СССР. Заранее пообещали немцам Украину, а японцам — Приморье, продавая империалистам советский народ с потрохами. Сегодня многие специалисты утверждают, что это — ложь. Дескать, заставили несчастных узников плести на самих себя! Нет. Можно оговорить несколько человек, но тридцать-сорок нельзя. Тем более когда они сами представили все документы и факты.

* * *

Обратимся к другим свидетельствам. Героическая женщина А. В. Никулина, водрузившая 2 мая 1945 года знамя на Имперской канцелярии, написала мне: «Когда Сталин был в Ленинграде на похоронах Кирова, на него военные готовили покушение, но помешала сильная сталинская охрана. Эти военные поддерживали связь с Генштабом Красной Армии».

Бывший курсант школы ОГПУ, впоследствии — комендант сталинской дачи в Кунцеве И. Орлов мне сообщил: «В начале тридцать шестого года Ягода, его заместитель Агранов, начальник правительственной охраны комиссар Паукер, его заместитель Волович и капитан Гинцель сформировали осо-

бую роту боевиков. В нее вошли я и мои однокурсники Середа, Юрчик. Это были боевики двухметрового роста, ловкие, сильные, богатырского телосложения. Нас учили самбо, штыковому ближнему бою, преодолению препятствий. Нас хорошо вооружили и обмундировали. Обычно мы маршировали на площади Дзержинского, а Ягода наблюдал за нами из окна своего кабинета. Наконец нам решили произвести смотр во дворе ОГПУ. Ягода и его единомышленники решили, что мы — те самые парни, которые способны ради их замыслов на любой разбой. Нас готовили для захвата Кремля и ареста товарища Сталина. Но заговор провалился».

Аресты Ягоды, Агранова, Паукера, Воловича и Гинцеля проходили на моих глазах. Комендант Кремля комиссар Ткалун, подчиненный непосредственно Ягоде, застрелился. Комиссар Даген был арестован, комиссар Курский застрелился, капитан Черток, порученец Ягоды, бросился с седьмого этажа и разбился насмерть. Затем исчезли Панов, Тихонов, Козлов и Голубев. Словом, весь наш командный состав разных рангов. Так вот зачем они, собираясь 1 мая на Красную площадь, лихорадочно совали в полевые сумки по четыре-пять пистолетов!

После разгрома оппозиции Троцкий уже не представлял для Сталина опасности. Но современная пресса начала выдвигать разные версии о подготовке покушений на вождя. Так, «Правда» поместила статью писателя С. Дангулова о том, что соратник Сталина С. Кавторадзе пытался в Большом театре подложить бомбу под правительственную ложу. Я тогда был военным комендантом правительственной охраны театра и совершенно ничего об этом не знал. Не слышали об этом ни Раков, ни Туков, ни Круташев.

* * *

В романе И. Стаднюка «Война» говорится, что в Москве, на Второй Навозной улице, работал дворником некто Глинский, бывший граф, который вынашивал замысел покушения на Сталина во время его поездки по Кутузовскому проспекту. Автор утверждает, будто группа Глинского была арестова-

на. Мы ничего не знаем об этом, хотя располагали абсолютно всей информацией. Это просто писательский вымысел.

Реальные выстрелы прозвучали только 4 ноября 1942 года. Преступник засел в чаше Лобного места и открыл огонь из винтовки по первой же правительственной машине, в которой оказался Микоян. Пострадавших не имелось. Кремлевская охрана ликвидировала стрелка гранатой.

* * *

В романе «Дети Арбата» А. Рыбаков утверждает, что Сталин боялся народа. Поэтому, когда проезжал по Арбату, все проходные дворы, мол, наглухо перекрывали. Это сплошной вымысел. Я вместе с Черняевым и Кожевниковым отвечал за всю трассу, проходившую от Кремля по Арбату, Кутузовскому проспекту и Можайскому шоссе. Перекрыть все арбатские дворы невозможно — они практически все проходные. Сталин ездил по Арбату со скоростью тридцать-сорок километров, а по коленам Большого и Малого Афанасьевских переулков — не больше десяти. В годы войны сталинская машина еле ползала по темным ночным улицам. Словом, Сталин был совершенно свободен от страха и ездил без охраны где угодно и когда угодно.

* * *

Во время войны бывший моряк Теляков в закуской на Арбате стал хвастаться:

— Я — такой человек! Мы такие дела делали!

А его давай соседи подзуживать:

— Да брось ты, Петька, какие ты там дела делал? Ничего ты не можешь!

— Да я могу даже бомбу бросить Сталину под машину, — вовсю раздухарился он.

Доброжелатели тут же сообщили мне об этом. Никакой бомбы у него не было и в помине. Просто во хмелю захотел похвалиться перед собутыльниками. А его отец был моим доброжелателем. Сам рассказывал про все.

Посадили дурака. А что делать? Не трепись где попало и о чем попало...

* * *

Еще одна публикация. Газета «Сын Отечества» шарахнула для подписки сенсационную статью «Тайная война. Берлин и Токио». Опять покушение на Сталина! Только уже готовили его японские разведчики!

Была ли у них в Мацесте возможность расстрелять Сталина разрывными пулями? Никакой. Внутренняя охрана насчитывала около двухсот сотрудников. Внешнее кольцо в лесной местности составлял отряд пограничников. Возглавляли охрану Сталина комиссары Н. Власик, В. Румянцев и А. Богданов. Хвостовая группа сопровождения была еще до войны вооружена автоматами. Конкретно в ней находились Раков, Кузнецов, Кириллин, Кузьмичев и Мельников.

На самой Малой Мацесте действовало более пятидесяти других сотрудников. Мы там появлялись за три часа до приезда Сталина и подвергали проверке все, вплоть до коммуникаций. Почти безлюдная территория Мацесты и прилегающий к ней лес прочесывались. Все подозрительные лица проверялись и при необходимости задерживались. Как при такой плотной охране могла устроить покушение даже наша проницательная оппозиция? А уж про японцев не стоит и говорить. К тому же надо учесть, что тогда в японской разведке действовал Рихард Зорге, который наверняка мог предупредить нас о подобном замысле. Поэтому японцы хоть задним числом решили выдать желаемое за действительность. Или тут снова что-то насочиняли газетчики? Похоже.

Уж очень знакомый почерк...

* * *

А вот следующий разговор гораздо серьезней. Касаясь жизни Сталина, газеты и журналы напечатали много материалов, в которых действительность извращена до предела. Опровергнуть все случаи просто невозможно. Вынужденно останавлиюсь лишь на некоторых.

«Комсомольская правда», со ссылкой на досье директора ФБР Э. Гувера, напечатала сведения о том, что 17 октября 1939 года во Львове состоялась встреча Сталина с Гитлером. Тогда я работал начальником группы по вспомогательному сопровождению Сталина как в Москве, так при выезде в другие города. В этот период вождя постоянно охраняли мои сослуживцы Туков, Старостин, Орлов, Круташев, Кириллин. Мы все категорически отрицаем возможность поездки Сталина во Львов на встречу с Гитлером. Дополнительной проверкой по архивам ЦК КПСС, проведенной газетой «Гласность», установлено: в течение этих дней Сталин находился в Москве и принимал руководящих работников страны.

Журнал «Огонек» поместил фрагменты из книги А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений». Кто такой Александр Орлов? Это — Лев Фельдбин, ставленник Фриновского, заместителя Ягоды. Мне приходилось дважды видеть Фельдбина на Лубянке. Он приезжал с Кавказа, где командовал пограничным округом. Однако в тридцатых годах Фельдбин сбежал за кордон и там издал свой пасквиль.

Он был очень далек от Сталина. Основываясь на встречах с некоторыми начальниками отделов ОГПУ и начальником оперативного отдела комиссаром Паукером, Фельдбин врёт напропалую. Так, он усмотрел под кителем Сталина бронжилет, изготовленный в Германии. Фельдбин его рассмотрел, а вот личные телохранители Сталина оказались слепыми. Но они все же свидетельствуют: у Сталина никогда не существовало бронжилета. Обычно он был одет на параде в китель, под которым находились верхняя рубашка, а ниже — солдатская нательная рубашка с завязками.

Фельдбин называет телохранителем Сталина ярого троцкиста Евдокимова. Чушь да и только. С 1930 года личными телохранителями Сталина являлись Н. Власик, В. Румянцев, А. Боцанов. Что касается Евдокимова, то правительственной охране он был известен как первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в свое время добивавшийся у Сталина разрешения арестовать М. Шолохова, но получивший отказ.

Фельдбин пишет: «Когда Сталин ехал по железной дороге, то на глазах у него охрана разгоняла людей».

Наглая ложь. За подобное Сталин тут же наказал бы Власика. Фельдбин совсем завирается, сообщая, что Сталин, дескать, просил Паукера собирать для него порнографические фотокарточки. Никогда мы не видели подобной продукции. В его большом кабинете висела фотография, на которой были изображены Д. Бедный, М. Шолохов, М. Горький, В. Маяковский. На другой стене висела журнальная фотография девочки, поившей из рожка молоком лосенка. На камине стояла статуэтка польского шахтера с лампочкой. Еще имелось несколько китайских вышивок. Вот и все, чем он украсил свое постоянное жилище.

Фельдбин утверждает, будто для безопасности Сталина на пути следования на дачу были снесены все жилые дома.

Тоже наглая ложь. По плану реконструкции Москвы по Можайскому шоссе вместо ветхих избышек появился Кутузовский проспект, а вместо скандальной деревни Давыдково выросли добротные благоустроенные корпуса.

«Сталина охраняли в смену тысяча двести охранников». Эта арифметика Фельдбина тоже из области сказок. Внутри дачи находилось всего десять-пятнадцать сотрудников. Стало быть, в три смены их насчитывалось не больше пятидесяти человек. И уж никаких проволочных заграждений в округе не имелось, как не существовало и рвов.

Не буду продолжать. Трудно перечислить все, что намарал в своей книге А. Орлов и с чем «Огонек» поспешил познакомить читателей.

ДВОЙНИКИ И «ТАЙНЫЕ СОВЕТНИКИ» ВОЖДЯ

Теперь о двойниках и тайных советниках. Газеты «Вечерний Донецк» и «Крымская правда» разразились сенсацией о том, что у Сталина был двойник Евсей Любичский. Следом «Правда» поторопилась прокомментировать побасенку. Зачем ей понадобилось это? Непонятно. Главному редактору следовало бы поручить своим сотрудникам заглянуть в архивы ЦК ВКП(б), обратиться к бывшим работникам ЦК КПСС. И «Правда» смогла бы действительно напечатать правду. Но это показалось явно скучным.

Так был ли у Сталина двойник? Мне, моим сослуживцам Горундаеву и Жагорникову в тридцать первом году пришлось встретить Сталина, Ворошилова и Орджоникидзе на ближней даче. Они беседовали с архитектором Мержановым. А мы стояли рядом, став свидетелями всего разговора. Смогли бы Ворошилов или Орджоникидзе разговаривать с двойниками? Да еще столь откровенно? Никогда! И таких случаев не перечесать.

Кириллину, Кузнецову, Мельникову и мне приходилось ежегодно бывать со Сталиным на Черноморском побережье. Сталин встречался там с народом, в Ривьере угощал конфетами ребятишек. Двойника не было ни рядом, ни поодаль. К тому же надо учесть следующее... Чтобы имитация не отличалась от подлинности, следовало иметь хотя бы на юге вторую машину «роллс-ройс» и такую же охрану. Ведь так? А это было б уж слишком заметно. Сейчас попытайтесь представить, с какой электронной точностью должны были передвигаться обе кавалькады по узким дорогам и улицам прибрежных городов, чтобы нигде не встречаться. Трудно? Мне — тоже.

Остальные варианты подобной нелепости можете вообразить сами.

Ни я, военный комендант правительственной охраны в Большом театре, ни выдающиеся мастера сцены М. Рейзен, П. Лисициан, Н. Голованов, С. Самосуд, В. Барсова, которые постоянно общались со Сталиным, — никогда не замечали тени двойника даже за кулисами.

* * *

Много шума вызвал роман В. Успенского «Тайный советник вождя». Л. Колодный в своей книге «Хождение в Москву» говорит о денщике Сталина Чапего. Роман есть роман, вымысел в нем возможен. И все-таки, не доверяя себе, я попросил сведения о «советнике» и «денщике» прокомментировать других бывших телохранителей Сталина.

М. Старостин: «Я работал при Сталине с 1937 по 1953 год. Бывал с ним в других городах, постоянно ездил с ним в машине на работу в Кремль и на дачи. Заявляю, что у Сталина ни-

когда не было денщика. Не имелось и тайного советника. Мне известны все советники Сталина — наркомы, командующие фронтами, конструкторы, ученые, выдающиеся летчики. Сталин всегда обслуживал себя сам и в денщиках не нуждался».

В. Туков: «У Сталина двойника не имелось. Он был всегда в одном лице. Никогда я не видел Сталина и тайного советника, с которым он прохаживался по территории дачи, обсуждая государственные проблемы. Денщика тоже не было. Продукты со склада на кухню обычно приносил рабочий по двору Иван Дубинин. А будь эти двойники или советники действительно, они обязательно околачивались бы на даче или хотя изредка маячили у нас на глазах».

Комендант ближней дачи и казначей Сталина И. Орлов: «Непосредственно со Сталиным я работал с 1937 по 1953 год. Знал о нем буквально все, вплоть до бытовых мелочей. Двойника никогда не видел, потому что его в природе не существовало. Никакого тайного советника — тоже. Не было и денщика.

Сталин обычно не утруждал других, обслуживая себя сам. Брился безопасной бритвой, усы подстригал ножницами. После смерти Кирова в баню ходил один. Потом отдыхал в предбаннике, заказывая туда чай. Может, Л. Колодный принял за денщика Матрену Бутузову? Так она, правда, ведала на ближней даче посудой в шкафу, следила за обувью Сталина, гладила его китель и убирала кабинет. Сталин очень уважал ее за трудолюбие и даже подарил ей свой портрет с надписью. Больше такого подарка никто не получал.

Советником Сталина во время войны чаще всех был Г.К. Жуков, которого он очень ценил за твердость, смелость и прямоту. Понятно, советниками являлись члены Политбюро, военачальники, вплоть до нас, комендантов и телохранителей. Но если откровенно, то он особенно и не нуждался в советниках. У него до последнего времени была феноменальная память, острый ум. Никакой шелухи в речи. Только — рациональное зерно. Любил пошутить. Не терпел соглашателей, угодников. Узнав его характер, я нередко вступал с ним в дискуссии. Сталин иногда задумчиво говорил: «Может, вы и правы. Я подумаю».

Старшая сестра-хозяйка ближней дачи Валентина Истомина: «Я работала при Сталине семнадцать лет. Ежедневно видела его на даче и выезжала с ним на юг. Тайных советников у него не было. Денщика у него не было. Обслуживала его, утюжила брюки и китель Матрена Петровна Бутузова, а я помогала ей».

Бывший комендант дачи «Зубалово» И. Семенов: «Сталин двойников не имел. Тайного советника я не встречал, денщика тоже не видел».

Бывший начальник группы первого кольца охраны В. Круташев: «Я видел Сталина, так сказать, лишь в оригинале. Двойников за пятнадцать лет работы не замечал. Таковых не могло и быть. Тайного советника также не видел и никогда о нем не слышал. О денщике Чапего впервые узнал из книги Колодного. Видимо, кому-то выгодно чернить Сталина. Узнай такое покойный Геббельс, он бы перевернулся в гробу от зависти. Он за всю войну ничего подобного не придумал. Но история постепенно сметет весь мусор с могилы Сталина».

Как видите, все единодушно отрицают существование при Сталине разных призраков. Мне осталось только добавить: если бы мы проглядели их когда-то хоть одну смену, то на другую уже не явились бы. И уж тем паче не смогли работать в правительственной охране по столько лет.

«ЖЕЛЕЗНЫЕ ДВЕРИ» СТАЛИНА

Как известно, еще Хрущев заявил с трибуны, будто Сталин сидел в железном ящике. С тех пор вместе с «сенсациями» о покушениях на него, тайных советниках и двойниках не утихают различные вымыслы о сталинской даче в Кунцеве. Этакой железобетонной крепости с зарешеченными окнами и двойными бронированными дверями, за которыми Сталин безвыходно скрывался в своем кабинете до последних дней. Даже есть версия, будто он засиделся там настолько долго, что собралось осиротевшее Политбюро и единогласно проголосовало вскрыть броню автогеном. Когда все наконец вошли в кабинет, за письменным столом увидели мертвого Сталина.

Все это — вздор. И чтобы его больше никто не повторял, а тем более — не расписывал в будущих книгах, я специально расскажу о подмосковных дачах Сталина. Их было четыре: в Кунцеве, в Семеновском, в Липках и в Зубалове. Последнее Сталин посещал крайне редко. Там гостили в основном лидеры зарубежных компартий — Мао Цзэдун, Морис Торез, Вальтер Ульбрихт, Хо Ши Мин, Пальмиро Тольятти, Гарри Поллит и многие другие.

* * *

Сталин предпочитал постоянно жить в Кунцеве — ближе всех от Кремля. Построили там кирпичную дачу очень быстро еще в 1931 году. Застеклили две просторные террасы. На крыше сделали солярий с будкой от дождя. В отдалении поставили кухню и небольшую баню с хорошей каменкой. В соседней с баней комнате поместился бильярдный стол.

Забор был обыкновенный — из досок. Без всякой колючей проволоки сверху. Правда, высотой в пять метров. А в 1938 году появился второй — внутренний. Трехметровой высоты, с прорезями смотровых окон. Заставили это сделать явные угрозы оппозиции. Диверсанты могли легко преодолеть единственную преграду и захватить Сталина.

Особенно трудно было бы их заметить в ночной тьме. Ведь в лесу на расстоянии двух-трех метров уже совершенно ничего не видно. Вся надежда лишь на возможный шорох лозутчика. А если ветер? Жуткое состояние! Сам переживал его много раз. Вот и пришлось подстраховаться.

До 1942 года Сталин переживал воздушные тревоги в кремлевском бомбоубежище. Наконец небольшое появилось на даче. В основном для спокойствия Власика, очень переживавшего, что Верховный Главнокомандующий беззащитен перед любой шальной бомбой. В 1943 году на даче надстроили второй этаж. Заодно Сталин ликвидировал свой прежний кабинет, соединив его с большим залом, где проводились все заседания Политбюро и принимались различные руководители. В зале поставили три больших дивана, на которых спал Сталин, при случае падая на ближайший. Ведь от страшно-

го нервного напряжения его года два изводила бессонница. Ликвидация кабинета объяснялась не только тем, что много места требовали разложенные всюду карты всех фронтов. Просто во время войны у Сталина появилось кислородное голодание. Потом для лучшей циркуляции воздуха в густом лесу на территории дачи даже прорубили сквозные просеки.

Все равно Сталин предпочитал работать в беседке или на террасе. Зимой — в тулупе и валенках. Кстати, их было целых три пары. Новые валенки сразу подшили толстой кошмой. Приезжая из Кремля, Сталин тут же надевал эти чесанки, мягкие, удобные для больных ног, уже мерзнувших в обычной обуви при длительной работе за столом.

Зато выходные туфли у него имелись только одни. Еще довоенные. Кожа уже вся потрескалась. Подошвы истерлись. В общем, дышали на ладан. Всем было страшно неловко, что Сталин ходил в них на работе и приемах, в театре и других людных местах. Вся охрана решила сшить новые туфли. Ночью Матрена Бутузова поставила их к дивану, а старые унесла. Утром Сталин позвал Орлова и спокойным, мягким голосом спросил:

— Где мои ботинки?

— Товарищ Сталин, ведь вы — Генеральный секретарь нашей партии, генералиссимус, глава правительства! Вы же постоянно находитесь в общественных местах! Каждый день принимаете иностранных послов и гостей. А сейчас, во время предстоящих юбилейных торжеств!.. — пылко наступал Орлов, уже привыкший, что вождь прислушивается к его советам.

— Лучше верните мне ботинки, — прервал его Сталин и продолжал носить их до последних дней. Благо Матрене удалось блеском крема скрыть ветхость обуви.

* * *

Повторяю: никаких железных дверей, кроме военного бомбоубежища, на даче не имелось. Все внутренние двери были сделаны из простого дерева и с половины застеклены. Дверь в зале-кабинете Сталина была абсолютно такой же и для лучшего движения воздуха никогда не закрывалась. Ко-

нечно, при необходимости захлопывалась на обычный английский замок «линг». Ключи от него всегда находились у коменданта или дежурного офицера. Никакой сверхсложной внутренней системы запоров, которые-де мог открыть лишь сам Сталин при помощи специального электрического устройства, — в помещении не существовало. Это очередная байка изодранных сочинителей.

На письменном столе все документы и канцелярские принадлежности лежали в образцовом порядке. Сталин к нему привык, точно зная, где что находится, и ничего не разрешал перекладывать. Во время уборки Матрена Бутузова все аккуратно возвращала на место. Что касается надстроенного второго этажа, то он оставался пустым. Вместе с Орловым Сталин туда поднимался всего раза два, так и не решив, чем занять помещение. Около прежней спальни Сталина имелся санузел с умывальником и ванной. Когда он бывал там — никто не видел.

Я специально подчеркиваю это потому, что у Хрущева можно прочесть совершенно другое: «Я один раз был свидетелем такого факта, и мне было очень неприятно. Сталин пошел в уборную. Охрана — человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин вышел из уборной и набросился при нас на этого человека, начал его распекать: «Что вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так вы должны охранять, а вы тут сидите, развалившись!» Он оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там дверей нет. Вот одна дверь-то, так за этой дверью стоит мой человек, который несет охрану». Он на него грубо набросился: «Вы со мной должны ходить!»

Это невероятно, чтобы за ним ходили даже в туалет. Сталин даже в туалет боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат больного мозга».

Вот именно. Только — хрущевского.

На диванах, на полу первого и второго этажей лежало около десятка небольших ковров разного цвета. Еще на складе хранился зарубежный подарок, сотканный из серебряных нитей. К семидесятилетию Сталина был преподнесен действительно редкий ковер — семь на десять метров с полуты-

сячей цветowych оттенков. Говорят, его целых три года ткали тридцать самых лучших мастериц Азербайджана. Однако на даче он только побыл по пути в какой-то музей.

Тогда же ему подарили отменного арабского скакуна, которого всего раз Орлов запряг в сани. Прокатился Сталин с гостями по территории дачи и отправил скакуна в Зубалово. Кто там на нем гарцевал — не знаю. Словом, из всех подарков, какие прислали к юбилею, Сталин взял себе только рукавицы и бурки.

* * *

Основываясь на байках о железном ящике и бронированных дверях, которыми здесь, как видите, даже не пахло, некоторые специалисты авторитетно утверждают вместе с Хрущевым, будто Сталин был человеком с неустойчивой психикой. Орлов и Лозгачев работали с ним значительно больше, чем я. Они дружно признают: да, порой Сталин бывал вспыльчив, но быстро отходил. Признавал только правду, пусть даже самую горькую. На работе и дома имел одинаково ровный характер. До последних дней обладал отменной памятью, остроумием и находчивостью.

А уж хозяин был! Все держал на учете. С тем же Орловым постоянно обходил территорию дачи, проверяя сделанное или намечая предстоящую работу. За промашки не бранил, а наказывал рюмкой «Цинандали» или «Телиани». Трезвенник Орлов ничего не пил. И таким образом искупал вину. Сталин подносил ему за обедом стопку со словами:

— Вот это вам за промах. Помните?

Несчастному коменданту приходилось мужественно страдать.

Еще одна небылица о маниакальном страхе Сталина перед террористами, которые будто бы мерещились за каждой шторой или диваном. Для чего, дескать, приказал поставить мебель так, чтобы за ней никто не мог спрятаться. Мол, даже драпировки на окнах для этого окоротил! Так вот, всю мебель расставил на даче Орлов. И руководствовался при этом исключительно удобствами для работы членов Политбюро. Что

касается штор... Батареи в зале-кабинете были закрыты декоративными деревянными решетками. Тепло поступало неважно. Да еще заслонялось толстыми драпировками. Сталину надоело каждый раз поднимать их и класть на подоконники. С привычной подначкой спросил у Орлова:

— Хозяин, батареи у нас кого греют — драпировки или зал?

Так они укоротились все разом, навсегда избавив любого злоумышленника от надежды устроить верную засаду.

* * *

Вторая дача, «Семеновское», находилась в ста десяти километрах от Москвы, в бывшем владении фаворита Екатерины II Григория Орлова в его братьев. Там в тридцатые годы ОГПУ выстроило такой же одноэтажный дом с шестью комнатами и двумя застекленными террасами. Вокруг зеленел тоже в основном сосновый лес. Имелись три пруда. Самым же примечательным был родник-пятиключник. Каждая струя этого чуда природы была разной высоты и красоты.

Сталин приезжал в «Семеновское» редко. Может, полюбоваться на пятиключник да с компанией отдохнуть на острове посреди самого большого пруда. Однажды он посоветовал направить ключевую воду в зацветающие пруды. Местная рыба от нее почему-то стала чахнуть. Сожалея об этом, Сталин предложил исправить ошибку. Воду пустили в речку Лопасню, текущую к деревне Семеновское.

Во время войны эта дача уцелела просто чудом. На ближних железнодорожных станциях Барыбино и Михнево разгружались из эшелонов дальневосточные и сибирские войска. Поэтому налеты вражеской авиации усилились до предела. Некоторые бомбы по ветру заносило сюда. Постоянно велся минометный обстрел территории. Приближение фашистских войск вынудило заминировать дачу. Соловову даже пришлось выяснить у начальства, взрывать ли ее? Мудрый генерал ответил:

— Взорвешь дачу раньше времени — расстреляем. Сдашь ее немцам — найдем и повесим. Так что решай сам по обстановке.

Соловов рванулся к Сталину. Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Захаркина получили приказ оставаться на занимаемых позициях. Так они спасли дачу. За что Соловов поднес командиру ополченцев, очень страдавшему язвой желудка, полный стакан спирта. В старом доме братьев Орловых разместился полевой госпиталь. При свете керосиновых ламп врачи оперировали раненых бойцов. Минометный обстрел территории не прекращался.

Сталин тоже продолжал сюда приезжать. Я уже рассказывал, как он извел Власика, отказавшись во время воздушного боя спрятаться в укрытие.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ СТАЛИНА

Все наиболее примечательные события из жизни Сталина, свидетелем которых я был, уже известны. Осталось добавить последние эпизоды, в которых снова проявился характер Сталина.

По дороге из Москвы он явно настроился принять ванну. Взяв белье, пошел туда. Трудно представить, как поворачивал вентили, но воды не было. Никакой. Вернулся, сердито сказав:

— Вас приставили смотреть за исправностью ванны.

Бросил на стол белье, мочалку с мылом и ушел. Соловов кинулся к вентилям. Вода всю хлестнула из кранов. Соловов с радостью доложил об этом. Однако, прогуливаясь по террасе, Сталин уже передумал мыться. Но чувство вины за нелепый казус осталось. Этак с подходцем спросил:

— Хозяин, как вы думаете, вот эта старая сосна не может в бурю обрушиться на нашу хату?

— Давайте на всякий случай спилим ее, — предложил Соловов.

— А как? Ведь ее все равно потянет на хату.

— Распилим по частям. Сначала снимем на веревках макушку, потом — середину. И все обойдется.

— Правильно. Так и сделайте.

Соловов пошел за рабочими. Но через полчаса Сталин признался:

— Хозяин, я передумал дерево спиливать. Оно, пожалуй, еще нас переживет.

Вот как он повинился сразу за две свои оплошности, тут же исправив их...

* * *

Обычно перед заседанием Политбюро Сталин заботился о вкусном столе. Позвал Соловова, предложив добыть рябчиков. Поехали с Туковым на Плещеево озеро, где непуганные рябчики сами садились на мушку. Еще подключился Василий Сталин. С фронтовой канонадой и азартным шумом набили ворох дичи. Сталин принялся ее считать, учитывая каждого члена Политбюро. Этому — рябчик, другому — рябчик, а когда дошел до Хрущева, вздохнул:

— Ему, пожалуй, и двух будет мало...

* * *

И последнее. После смерти Сталина в спальне на столике Старостин обнаружил сберегательную книжку. Там скопилось всего девятьсот рублей — все богатство вождя. Старостин передал сберкнижку Светлане.

Воспоминания Г. А. Эгнаташвили

(записал В.М. Логинов)

ПРЕДИСЛОВИЕ В.М. ЛОГИНОВА

Лет десять я настойчиво обхаживал тестя своего приятеля Лаврентия Ивановича Погребного, упрасывая его поделиться воспоминаниями. Дело в том, что в 30—50-х годах он был ответственным работником ВЦСПС и даже занимал пост первого заместителя Николая Михайловича Шверника — одного из соратников Сталина. Однако Лаврентий Иванович наотрез отказывался от каких бы то ни было интервью. И вот мне попал в руки материал Роя Медведева, рассказывающий о матери Сталина. Читая его, я позвонил Лаврентию Ивановичу справиться о какой-то дате и был ошарашен:

— Я не знаю, о чем там пишет Рой Медведев, но я мог бы вас познакомить с очень близким родственником Сталина, который вам может рассказать в сто раз больше Роя.

— Каким?! — ахнул я, лихорадочно соображая, что в моей писательской и журналистской карьере появился шанс, упустить который смерти подобно. Так фортуна улыбается далеко не каждому литератору.

— Грузины принимают без доказательств версию, высказанную Анатолием Рыбаковым в романе «Дети Арбата»: подлинным отцом Сталина был Яков Георгиевич Эгнаташвили, у которого убиралась и стирала белье Екатерина Георгиевна Джугашвили — мать Иосифа. Так вот, у того были еще дети и внуки. И один из них — Георгий Александрович Эгнаташвили, мой старый товарищ по прозвищу Бичиги. Когда я работал со Шверником, он был начальником его охраны...

— И вы меня с ним познакомите?

— Да. Но при условии, что вы не будете касаться семейной тайны. Ограничьтесь его воспоминаниями о дедушке и

Сталине. Ибо за последние годы он здорово сдал и боится не пережить бурного потока грязи, обрушившегося на человека, которого он считает своим богом.

— А сколько ему лет?

— Много.

— И все-таки?

— Я предупреждал! — голос Лаврентия Ивановича стал сухим и железным. — Мы говорим только один раз, как наш учитель и вождь.

Я дал писательское слово Лаврентию Ивановичу, что с величайшим человеческим тактом отнесусь к рассказам за-
гадочного Бичиго.

В ДОМЕ НА КОТЕЛЬНИЧЕСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Именно в этом доме-крепости, густо облепленном мемориальными досками с прославленными именами, состоялась наша первая встреча с Георгием Александровичем Эгнатшвили. Когда я зашел в комнату Лаврентия Ивановича, то увидел старика, которому можно было дать от восьмидесяти до ста лет. Широкая грудь, орлиный нос и подчеркнутое чувство собственного достоинства выдавали в нем мужчину некогда волевого и крепкого. Вспомнились слова приятеля, сказанные накануне: «Ты не думай, что там какой-нибудь тщедушный старичок, он, как шкаф, дверь собой перекроет. Правда, в последние годы здорово ссутулился...» Левый глаз Георгия Александровича то и дело закрывался и слезился от катаракты (он собирался на операцию в офтальмологический центр и поэтому приехал из Тбилиси в Москву). На лацкане его большого светлого пиджака сверкал необычный значок с портретом Сталина.

— Этот значок изготовлен на «ЛОМО» к семидесятилетию Сталина. Только для членов Политбюро и почетных гостей, — удовлетворил мое любопытство Георгий Александрович силоватым голосом с грузинским акцентом. Я от неожиданности вздрогнул, поймав в нем сталинские нотки. (Позже, когда мы отвозили старика к одной из его дочерей в другой дом на набережной, описанной Юрием Трифоновым, наш шофер

Валентин Михайлович Щуренков не выдержал и воскликнул, едва захлопнулась дверца машины: «А голос точь-в-точь как у Сталина!»)

В квартире Погребного мы расположились за круглым столом... Выпили по рюмочке коньяка. Помолчали. Старые солдаты империи, Эгнаташвили и Погребной, будто выжидали, словно оценивая ситуацию. Наконец Георгий Александрович обратился ко мне:

— Я вас совсем не знаю. Никогда ни с одним писателем, журналистом не говорил. Но то, во что сейчас превратили Сталина, не дает мне возможности спокойно умереть. Я решил рассказать все, что о нем знаю и слышал от близких ему людей. Я хочу объективности и истины. Только предупреждаю: для меня Сталин — мой бог. Я умру с этим. И я счастлив, что был рядом с ним. Пусть пылинкой, ничего для него не значащей, но это мое Счастье! Он — высшая ценность моей жизни, и воспоминания о нем — мое самое сокровенное и святое. Если вы мне дадите слово мужчины, что ничем не обидите мою святыню, ни в разговоре, ни на бумаге, я буду говорить. Расскажу все, что знаю, и вы так и напишете!

Две пары суровых глаз пригвоздили меня к стулу. Никогда я не давал подобных клятв. Но раз старик этого хотел — я дал ему слово мужчины. Он облегченно вздохнул и пригубил рюмку. Лаврентий Иванович неожиданно расцвел.

— Давай, Бичиго, вспоминай. А то память наша уже ни к черту, — обнял он старого товарища. — Мы же с тобой больше пятидесяти лет друзья.

— Да... Мы буквально перед вашим приходом телевизор с Лаврентием смотрели. Там какой-то журналист заявляет, что победа над путчистами в августе 1991 года была не менее грандиозна, чем победа советского народа в Великой Отечественной войне. Мы даже телевизор выключили. Как это можно превратиться в такую проститутку, чтобы ляпнуть такую чушь?! Что наделала эта шпана! Нас превратили в несчастную страну, нищую и холуйскую... Такое беспредельное самоунижение и раболепство, что, поверьте мне, жить не хочется. Что стало с великим народом... — горько посетовал он. — Эх, был бы жив Сталин!..

— Последнее время как-то перестали активно говорить о Сталине в печати. Ничего существенного. Может быть, у вас в Грузии появились интересные публикации?

— У нас на родине мало объективных материалов о нем. Да и, откровенно говоря, я там мало читаю. Ведь сейчас в Грузии такое творится, чего я и в мыслях не допускал, что грузины на такое способны. Все-таки грузины испокон веков терпимо относились к людям других национальностей. А теперь совсем с ума сошли...

— Конечно, Сталин никогда бы не допустил такого братоубийства. Уж кто-кто, а Иосиф Виссарионович блестяще знал психологию людей самых разных национальностей. Вспомним хотя бы сорок первый. Сразу после фашистского вторжения он приказал открыть церкви, грянула из репродукторов песня: «...народная, священная война...»

— В конце декабря 1941-го — начале 1942 года я был в Англии. И как раз в это время в Москве Сталин принял главу Русской Православной Церкви. Так вы не можете себе представить реакцию англичан на это событие! Это трудно передать. Вдруг Сталин принимает Патриарха! И если кто-то в Англии и относился с недоверием к СССР, все тут же повернулось к нам лицом. Конечно, все это надо было делать и все использовать. А возьмите хотя бы эвакуацию слона из Московского зоопарка. Слона! Надо же было догадаться! В такую тяжелую минуту, когда вся страна только и думает о том, удержимся ли мы еще месяц или хотя бы неделю, Сталин вдруг эвакуирует слона! И в эти же дни собирает автоконструкторов и обсуждает с ними проект конструкции нового комфортабельного легкового автомобиля! Значит, государство не думает о смерти, а намеревается выжить и победить! Ваши слова мне вдруг напомнили эти эпизоды: и реакцию в Англии на прием Патриарха, и слона, и собрание конструкторов... Можно ненавидеть человека — и самого большого и самого великого, — но нельзя не быть объективным...

* * *

— А что вы делали в Англии в декабре сорок первого?

— Я был в составе делегации советских профсоюзов в качестве секретаря Николая Михайловича Шверника. Нас при-

нимал Черчилль, у меня даже фотография есть, где мы сидим с ним за одним столом. — Георгий Александрович достал из папки большой плотный фотоотпечаток и положил передо мной. — Случай, который я вам сейчас расскажу, говорит об огромном международном авторитете Сталина. А дело было так. Сталин обращается к Черчиллю: «Слушай, вооружение и боеприпасы, которые ты мне обещал, почему не присылаешь?»

А Черчилль отвечает: «Как я могу тебе это прислать, когда у меня несколько военных заводов бастует: троцкисты себе политический капитал делают!» Сталин: «Слушай, я тебе помогу, твои рабочие будут работать». А четырнадцатого декабря к нам как раз приехал министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. Он отметил в верхах, побывал на фронте, прояснил ситуацию: выдуюм ли мы с немцами и не попадет ли английское оружие при его отправке в СССР Германии?

Я в тот день был со Шверником в Совете Народных Комиссаров. Он там по совместительству заместителем Председателя Совнаркома работал. Вот Лаврентий помогал ему готовить документы, Николай Михайлович их проверял, визирует и отправлял на подпись Сталину. В тот день Сталин вызвал Шверника и сказал: «Собирай делегацию и поедешь в Англию вместе с Иденом на его военном корабле, что стоит в Мурманске. Только, Шверник, ты там не вздумай за коммунизм агитировать!».

И вот двадцать второго декабря Антони Иден выехал спецпоездом из Москвы в Мурманск. Вместе с ним Шверник со своей делегацией. Нас было тринадцать человек, включая двух женщин: секретаря ВЦСПС Николаеву и председателя ЦК профсоюзов текстильщиков Малькову. Но в Мурманске вышел казус. Англичане вдруг заявили, что Николаеву и Малькову не возьмут, потому что у них есть положение, согласно которому женщины не могут ступить ногой на военный корабль. Спас ситуацию Иван Михайлович Майский, наш посол в Лондоне. Он предъявил английским властям следующий факт: на один из военных крейсеров взойшла на борт особа королевской семьи, чтобы поприветствовать матросов. Таким образом, он поставил вопрос ребром: почему английским женщинам можно находиться на военных кораблях,

а нашим нельзя?! Что это, дискриминация?! Англичанам деваться было некуда, и мы поехали...

Прибыв в Лондон, мы целый месяц разъезжали по заводам Англии, изготавливавшим оружие. Куда бы мы ни приехали, картина была одна: на территории завода, в парке или на улице сооружалась маленькая трибуна и на нее взбирался Шверник. Он говорил не более десяти — пятнадцати минут, его речь сводилась к следующему: товарищ Сталин просил передать британскому рабочему классу несколько слов... Если вы не хотите быть рабами Гитлера, помогите оружием и боеприпасами советским людям, а свои экономические и политические требования предъявите тогда, когда окончится война. И, вы знаете, я был свидетелем чуда. После митинга, который продолжался не более тридцати минут, рабочие поворачивались к нам спиной, шли в цеха и начинали работать. Вот какой был авторитет у Сталина! Все это происходило на моих глазах, потому что я ни на шаг не отходил от Шверника.

* * *

— А ты расскажи, Бичиго, про того старика, который приехал в Москву по вызову Сталина и сказал ему: «Я тебя выпорю!» — попросил Лаврентий Иванович своего приятеля.

Георгий Александрович засмеялся. Отхлебнул чаю, вытер усы и стал вспоминать:

— Это было в сороковом году. А история с этим стариком началась еще осенью тридцать девятого. Где-то в октябре месяце отец поехал к Сталину ужинать. Обычно он с ним раз в два-три месяца ужинал. Каждый раз, когда он возвращался домой после такого ужина, он сообщал нам, что был у Сталина. И я ни разу не помню, чтобы он вернулся домой нетрезвым.

Да и сам Сталин никогда не напивался, потому что пил маленькими — тридцати- — пятидесятиграммовыми — стаканчиками сухие карталинские вина. Карталинское вино — самое слабое из всех грузинских вин, примерно девять — одиннадцать градусов, как шампанское. И вот той осенью, сидя за вечерним столом, Сталин вдруг спрашивает у отца:

«Скажи, Саша, а Дата Гаситашвили жив еще?» А кто такой Дата Гаситашвили? Этот человек был когда-то в подмастерьях у Виссариона Джугашвили, гораздо старше Иосифа, любил с ним играть и таскать его на руках. Как нянька или старший брат. «Конечно, жив, хотя ему уже около восьмидесяти», — ответил тогда мой отец. И на следующий день он позвонил в тбилисское отделение Главного управления охраны. Мы часто пользовались этой связью, потому что через Тбилиси шло снабжение некоторыми продуктами, и особенно вином для банкетов, а также для членов ЦК.

Буквально через пять — шесть дней этот старичок приехал в Москву. Отец его встретил, привез на дачу и снял трубку правительственного телефона: «Сосо, Дата Гаситашвили у меня!» Сталин очень обрадовался и говорит: «А ну-ка дай мне его к телефону!» Они так хорошо разговаривали, что старик очень доволен остался. Когда он положил трубку, то рассказал нам дословно всю беседу со Сталиным. Тот ему сказал: «Дата, я очень рад, что тебя Саша привез, и очень хочу тебя видеть. Как только у меня будет время, вы с Сашей приедете ко мне, и мы хорошо посидим втроем». Ждать пришлось долго. Правда, надо отдать должное и Сталину — он звонил Дате каждые полторы-две недели. «Ты, — говорил он, — извини меня, я не хотел бы с тобой на пять минут встречаться, вот уже скоро выберу вечерок, и мы солидно с тобой посидим». Бедный Дата встретил у нас Новый, 1940 год, просидел на даче январь, февраль, март... Хотя Сталин по-прежнему продолжал звонить.

Прошли Майские праздники. Как-то вечером мы сидим на даче с зятем и выпиваем по случаю рождения племянника. Шестого мая это было. Часов в семь приезжает отец и неожиданно говорит Дате: «Давай-ка быстрее собирайся, и едем к Сосо. Он ждет нас к ужину».

Ну они, значит, поехали. А мы с зятем Гиви Ратишвили другую бутылку открыли. Хорошо тогда посидели. Только спать собрались — телефонный звонок. Я взглянул на часы — час ночи. Подхожу к телефону, снимаю трубку и слышу голос отца: «Бичиго, готовься, мы едем». И положил трубку. А я думаю: «К чему мне готовиться?» И тут дошло: «Навер-

ное, Сталин к нам едет!» Побежал разбудил Шуру, работница у нас была, украинка. Павлика разыскал. Это наш главный виночерпий был. Он винным складом заведовал и в вине разбирался как бог. Отец его в Москву из Грузии привез. Говорю Павлику: «Давай самое лучшее вино, какое Сталин любит».

Накрыли мы стол минут за двадцать. Ждем. Вскоре подъезжает машина. С первого сиденья выскакивает Власик и открывает дверцу. Потом из машины выходят Сталин, Берия, отец и Дата. Хотя и май уже начался, но ночи еще были довольно прохладны. Поэтому Сталин в шинели. Он вошел в дом, я снял с него шинель, и мне вдруг стыдно стало, когда увидел, что его шинель хуже моей: моя была на шелковой подкладке, а у него на сатиновой...

Повесил он шинель сам и обратился к нам по-грузински: «Бениери икос чеми пехи ам сахлши!» («Пусть моя нога принесет в этот дом счастье»). Сели за стол. По одну сторону от Сталина — Гаситашвили, Берия, я, по другую — отец, жена моего отца, мой зять Гиви... А мачеха моя по происхождению была немкой, и где-то в двадцать пятом — двадцать шестом году она отправила свою дочь к сестре в Германию учиться. Потом в Берлине ее дочь вышла замуж за еврея, фамилии его не помню, но звали его Зигхен. А когда Гитлер пришел к власти в 1933 году и начал вытеснять евреев, этот Зигхен захватил свою жену и через Данию бежал в Америку. Так что к сороковому году дочь моей мачехи жила уже в Штатах.

Сталин несколько раз взглянул на нее и вдруг говорит отцу по-грузински: «Саша, что-то твоя жена очень грустная, может быть, ей не нравится, что я к тебе в гости пришел?» А отец отвечает: «Что ты, Сосо! Как ты мог подумать такое! Дело в том, что в США у нее дочь осталась и она боится, что мы начнем войну с Америкой». Сталин как-то ласково посмотрел на нее, погладил усы, взял в правую руку стакан и говорит: «Уважаемая Лилия Германовна, не беспокойтесь, не волнуйтесь... — и задумался, — воевать с Америкой мы не будем». Потом переложил стакан в другую руку и застыл, как сфинкс. Прошла минута, прошла вторая, прошла третья... А он все усы поглаживает. Мы глаз с него не сводим, шелохнуться боимся. И тут он поднял правую руку, погладил усы и

отчеканил: «Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками! Не беспокойтесь, не волнуйтесь! За ваше здоровье!» — и выпил...

Я думаю, что в те минуты он размышлял. Решал: говорить — не говорить... Немка все-таки, какие-то связи сохранились, черт его знает... Как бы не спровоцировать немцев на войну... И это было шестого мая сорокового года, за год до начала войны, племянник мой в этот день родился, Гурам Ратишвили, в Тбилиси сейчас живет.

* * *

— Однако некоторые историки утверждают...

— Одну минуточку, — поднял руку Георгий Александрович. — Дней десять назад я читал книжку Трухановского «Черчилль». В ней он пишет, что в сороковом году, примерно в июне месяце, в мире была такая обстановка, что нельзя было предугадать, как окончательно сложится коалиция. Хотя война уже шла: Англия с Германией воевали, Америка помогала Англии, а поскольку у нас был договор с Германией, мы были вынуждены поставлять немцам кое-какие продукты. И вот в связи с этим Трухановский рассуждает: в мире была такая ситуация, что нельзя было предусмотреть, как окончательно сложится коалиция... Когда я прочитал эту книгу, мне стало смешно: ведь я же своими ушами слышал, а вы мне говорите!.. Сталин все знал наперед. У него уже была программа намечена!..

— А о чем он еще той ночью говорил?

— Потом веселье пошло, разговоры, воспоминания. Мы еще за что-то выпили, и Сталин вдруг спрашивает у деда: «Скажи, Дата, когда из Гори в Атени едешь, то на повороте у Хидистави большой камень лежал, он лежит еще там?» А мы как раз атенское вино пили. А старик всплеснул руками и воскликнул по-грузински: «Твой бог собака! Какая у тебя память!» Сталин рассмеялся, погладил усы и врезал ему с горийским акцентом: «Твой Христос собака! Почему моего бога ругаешь?» А Дата ему задиристо отвечает: «Ты думаешь, что ты Сталин?! Ты для меня еще тот мальчишка, которого я на руках носил! Вот сейчас я сниму с тебя эти штаны и так надеру

твою попу, что она краснее твоего флага будет!» — и поднял руку с закатанным рукавом. От души смеялся Сталин, долго-долго смеялся...

Потом они вспоминали разные случаи: как он там девочку обидел, как он с ребятами шутил. Мы слушали, пили вино и улыбались. Это были события полувековой давности. А самому Гаситашвили было уже под восемьдесят. Этот вечер был самым счастливым в моей жизни, и теперь у меня самые счастливые минуты, когда я ложусь спать и начинаю вспоминать Сталина. И, конечно же, Шверника. Раньше он мне два раза в неделю снился. Я даже во сне его охраняю и порою просыпаюсь от ужаса: то рука у меня не поднимается, чтобы защитить его, то пистолет не стреляет. А этой ночью видел Власика.

— Он был вашим непосредственным начальником?

— Да. Он был начальником Главного управления охраны и мне очень близкий человек. Очень благородный мужчина. И преданный душой Сталину. Ведь когда началась война, я пришел к нему с заявлением, чтобы меня отправили на фронт. Так он его вырвал у меня из рук и порвал над моей головой в клочья. Он так разозлился, что я испугался. «Ты с ума сошел! — закричал он тогда. — А кто же будет Сталина охранять?!»

Но о нем я расскажу в другой раз. Расскажу о дедушке, отце, дядях, Екатерине Георгиевне, Яше — первом сыне Сталина, названном в честь дедушки, о всех, с кем работал и кого близко знал...

* * *

Было уже поздно. Мы вышли из дома на Котельнической набережной и поехали к кинотеатру «Ударник», где в соседнем с ним доме жила его дочь. Здесь же были квартиры Хрущева, Молотова, Маленкова... Следующую нашу встречу мы условились провести в редакции.

ДЕДУШКА

— Мой дедушка, Яков Георгиевич Эгнаташвили, прожил восемьдесят шесть лет. Значительный был человек. Очень гордый, сильный и независимый мужчина.

— Говорят, что именно он — настоящий отец Сталина и именно в его честь Иосиф Виссарионович назвал своего первого сына Яковом...

— С Яшей мы были очень дружны. А что касается дедушки, то этот человек — живая легенда. В молодости он был известным в Грузии борцом и однажды публично поборол княжеского борца Кула Глданели. Но сторонники князя, от имени которого выступал борец, подняли скандал и заставили его немедленно перебороться.

Дедушка упорствовал, ведь человеком он был гордым. «Завтра я готов бороться, но на сегодня хватит», — говорил он. «Нет, — давили на него князья, — ты должен бороться сейчас или никогда». Но дедушка был непреклонен. И тогда разогретый толпой Кула Глданели подошел к дедушке и сшиб его с ног. Дедушка не сопротивлялся...

— Вот это мафия!

— Законы тогда были волчьи, и выживали или очень сильные, или очень хитрые... Дедушка был из первых. Ведь ему пришлось работать на каменоломнях под Тбилиси у одного богатого князя целых четыре года. Как каторжнику! За проценты своего брата. Брат брал деньги у этого князя на открытие какого-то дела, а за проценты отработывал дедушка. Хозяин каменоломней оказался такой сволочью, что даже не дал ему на дорогу денег. И после четырехлетних каторжных работ дедушка возвращался в Гори девяносто километров пешком...

— Однако он был богатым человеком...

— Да, у нас были виноградники. А вообще он считался виноторговцем, владельцем виноградников, человеком зажиточным и крутым, как сейчас молодежь говорит. Он был замечательным кулачным бойцом. А как любил эти кулачные бои Сталин!

— Он их часто вспоминал?

— Конечно. Ведь это — самые яркие странички из его детства. У нас был обычай выходить в церковные праздники на улицу, к примеру на Крещение, и петь. Мальчишки собирались, ходили по домам, пели, принимали подарки. И сам Сталин очень хорошо пел и вместе со всеми ходил. А потом у нас

начинались кулачные бои. Маленький Сталин залезал на дерево, смотрел на эти бои и очень переживал за дедушку.

— Известно, что он не только переживал, но и сам принимал участие!

— Да, но то были мальчишеские бои. А я говорю о тех, когда Гори разделялось на две части — верхнюю и нижнюю. Дедушка за верхнее Гори выступал. Сперва пускали малышей, а потом все ребята повзрослее и посильнее. А в самом конце выходили здоровяки-молотобойцы. И среди них был мой дед. Между прочим, об этом есть стихи у Леонидзе, и в них он вспоминает моего деда. Он его сравнивает с пароходом, пишет, что Яков Эгнаташвили «шел в бой как пароход». Его кулачному удару никто не противостоял. И мой отец тоже крупным был. Он с Вахтуровым боролся час десять минут. Был такой знаменитый борец Николай Вахтуров. И только полицейский час их разнял. Это было в 1911 году. Раньше полицейское время было установлено, и, какое бы представление ни происходило, в этот час заходил полицейский, свистел, и все замирало, занавес опускался, все расходились по домам. Это было ровно в час ночи...

— Значит, ваш дедушка был очень близок к простому народу?

— Да. Поскольку в молодости князя его крепко обидели, он их, можно сказать, всю свою жизнь ненавидел. Помогал бедным. В том числе и Екатерине Георгиевне, которая у него по хозяйству работала. Ну и поэтому в наш дом приходил Сталин. Он был постарше моего отца и дяди и очень серьезным подростком. Дедушка усаживал его за стол и давал ему книги, которые он читал вслух. Он читал произведения Казбеги и Чавчавадзе. Была в ту пору в Грузии легендарная и вместе с тем историческая личность — Арсен Одзелашвили.

— Грузинский Робин Гуд?

— Ну что-то вроде этого. У богатых отнимал, бедным давал. В общем, предводитель крестьянского освободительного движения. Тогда его называли «качаги», в переводе как бы разбойник. Но разбойником он был с точки зрения царского правительства, которое, как ни крути, все же притесняло простой народ. Эти книги особенно нравились моему дедуш-

ке. Да и сам Иосиф ему нравился — серьезный, целеустремленный, находчивый. Поэтому дедушка и платил за его обучение в духовной семинарии...

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА

— Георгий Александрович, по одной из версий, отцом Сталина был Пржевальский. Основания следующие: Пржевальский и Сталин очень похожи друг на друга, два года до рождения Сталина Пржевальский провел в Гори, у Пржевальского был незаконнорожденный сын, которому он помогал материально...

— Глупость невероятная. Недавно я об этом тоже где-то читал. Дескать, Екатерина Георгиевна работала в гостинице, где жил Пржевальский, потом за деньги он выдал ее замуж за Виссариона Джугашвили, чтобы спасти от позора... Да ни в какой гостинице она никогда не работала! Она стирала, обслуживала и помогала по хозяйству моему дедушке. Сколько я себя помню, легенды одна за другой вокруг Сталина ходят — чей он сын? Ну и что, что за два, за полтора года до рождения Сталина в Гори жил Пржевальский?.. Значит, он его отец?! Совершеннейшая чепуха. Вы же знаете, что у нас в Грузии на этот счет все очень серьезно и строго. И в народе греха не утаишь, полно долгожителей, а потом, у нас столько меньшевиков было да еще этих, осколков дворян, а они бы не упустили случая позлорадствовать!.. Ведь все это враги Сталина, и они бы раздули вокруг этого факта такую идеологию, что ой-ей-ей!..

— Рой Медведев пишет о том, что до рождения Сталина у Екатерины Георгиевны было еще двое детей...

— Да, перед тем как родился Сталин, у его матери (которую я имел счастье знать и неоднократно бывать у нее) первенцем был Михаил, умерший в возрасте одного года. Потом родился Георгий, тоже умерший в младенчестве от тифа. И первого и второго крестил мой дед. А когда родился третий ребенок, Иосиф, Екатерина Георгиевна ему сказала: «Ты, конечно, человек очень добрый, но рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради бога. Иосифа покрестит Миша». Забыл

его фамилию... Маленький Сталин тоже переболел тифом, но все-таки выжил. Сама Екатерина Георгиевна была очень гордая, чистоплотная и на редкость выделялась сильным характером. Нашей семье она очень пришлась, и дед ей помогал, как мог. Сталин, часто приходивший в нашу семью, был старше моего отца на восемь лет, а дяди Васо — на девять. Конечно, ребята общались, но разница в возрасте давала о себе знать. Хотя впоследствии Сталин оказался очень благодарным человеком и много сделал для нашей семьи.

— Что вы помните о Екатерине Георгиевне?

— В начале двадцатых годов я часто бывал у нее. Она жила во Дворце пионеров, бывшем дворце Воронцова, царского наместника. Там был отдельный флигель, в глубине двора, переходившего в сад, и вот в этом саду, в этом флигеле она занимала две или три комнаты. Жили они вдвоем с подругой, Ниной ее звали, она не то вдовушкой, не то старой девой была. Так вот я носил им провизию. Отец давал мне вино, продукты, и я им все это приносил. В благодарность за это Екатерина Георгиевна угощала меня шоколадными конфетами. Она говорила, что ей все это из Москвы прислали. Сначала говорила, что Надя о ней так заботится, потом часто повторяла, что это гостинцы от внучки Светланы. Лет пять, наверное, я к ней заходил и хорошо помню эти конфеты. У меня даже дома где-то письмо для нее от Сталина есть. В нем он спрашивает о том, как там Васо и Саша, это мои дядя и отец. Потом я переехал в Москву...

ЯША

— Своего первого сына Сталин назвал в честь дедушки Яковом, который был моим товарищем. Когда я переехал в Москву, это было в 1931 году, то первый месяц жил у Яши на улице Грановского в бывшем доме Шереметева. Потом там жили Хрущев, Булганин, Молотов. Так во дворе этого дома, в левом флигеле, жила Мария Сванидзе — сестра первой жены Сталина. И вот у них Яша жил, потому что Мария была его теткой, а вообще-то она была секретаршей Енукидзе, заведующей Секретариатом ВЦИКа. Я у них прожил месяц, и мы с

Яшей были неразлучны. Мы ходили с ним на соревнования по боксу, играли в бильярд в гостинице «Метрополь». Он мог всю ночь напролет играть в бильярд, был случай, когда он сутки подряд играл в доме отдыха, не выходя из него. У него какая-то особая любовь к бильярду была, очень азартный игрок был... У меня до сих пор образ Яши с электричкой ассоциируется, потому что первый раз я увидел электричку, когда познакомился с Яшей.

В общем, когда я приехал в Москву, то у меня были всего два товарища: Кутузов (его отец член ВЦИКа был, он жил как раз напротив Верховного Совета) и Яша, у которого я остановился на месяц, пока отец не приехал, он тогда в Крыму работал. И вот тогда Яша стал меня устраивать на работу: повез в Троице-Сергиев монастырь на пригородном поезде, который я увидел впервые. Он шел до Загорска, тогда так назывался Сергиев Посад. А там была электростанция, на которой товарищ Якова работал. Он меня привез туда устраивать: смотри, мол. Я посмотрел, но мне не понравилось. Пошел на курсы шоферов, окончил их и стал работать шофером. Потом мне самому пришлось учить его вождению автомобиля, как тогда говорили, практиковать ездой на машине. Отец подарил ему «эмку», они тогда только появились. И вот однажды мы собрались в Мещерино, на дачу Абея Софроновича Енукидзе. Я сел за руль, он — рядом, и мы поехали. Когда за городом выехали на шоссе, Яша мне и говорит: «Дай-ка я сяду за руль, а ты рядом со мной и посмотришь, как я буду управлять». Я поколебался, но потом согласился. «Хорошо, — говорю, — садись, только прошу об одном: не гони». А он как сел, как нажал на газ — я так и дрожал до самой дачи!.. А когда приехали, я вылез из машины и сказал ему: «Все, Яков, я здесь остаюсь и домой пешком пойду, но за руль тебя больше не посажу!» Сколько он меня ни уговаривал, я его к машине не подпустил, сам испугался не на шутку — мало ли что могло случиться. Сами понимаете.

А человеком он был хорошим и скромным. Очень добрым. Помню, в Крыму такой случай был. Мой отец там работал директором дома отдыха в Форосе, в том самом злополучном Форосе, где Горбачев во время путча отдыхал. Там

было дворцовое помещение, пристройка, отделение местного совхоза и неподалеку молочная ферма. Яша часто к нам туда приезжал и у нас практически все время находился. А там горы и скалы, понимаете ли, такие, что камень на камне висит, и такая каменоломня разрушающаяся, что вот-вот все обвалится... И вот Яша как-то ушел в эти горы на охоту. Ну мы ждем, ждем, а его все нет и нет. Переволновались, выглядываем, места себе не находим. И вдруг я вижу, он по камням карабкается. Не то идет, не то ползет. Ружье у него за плечом, а в руках собака. Я думал, собака ранена, а она, оказывается, ха-ха... устала! И он ее несет на руках! Я у него спрашиваю: «Ты сам-то не устал, еле идешь, язык высунувши?!» И вот так он собаку нес, такой доброй души человек!

Он был старше меня на семь лет. Это было в тридцать первом. Мне было тогда семнадцать, мы там вместе с девочками гуляли. Он окончил железнодорожный институт и перед войной уже заканчивал Военно-артиллерийскую академию. И были все основания, что его можно было оставить при Генеральном штабе, но он ушел на фронт в первые дни войны, в июне уже был на передовой, потом плен и смерть...

АЛЛИЛУЕВЫ

— Впервые я увидел Светлану в тридцатых годах. Она была маленькой девочкой, ей было... не помню, по-моему, она с двадцать шестого года... в общем, я помню ее еще маленькой девочкой.

— А ее воспоминания вы читали?

— Кое-что читал. Я поражаюсь, как это дочь так пишет!.. У меня нет слов!.. Если даже Василий пьяный был, надо ли было об этом писать?.. Дочке Иосифа Виссарионовича писать о своем брате так?..

— Она пишет, что Сталин мучительно умирал. Это действительно правда или она это выдумала?

— Не могу сказать.

— Что его как бы наказывал Бог...

— Бог накажет ее! Бог ее накажет! Я выбросил ее книжку и не мог читать. Дочь такого отца писать такие вещи не имеет

права. По-моему, она все это придумала. Вот у этих Аллилуевых какая-то нервность в племени была.

— А почему у нее фамилия Аллилуева?

— Потом она уже приняла, после хрущевских событий она стала Аллилуевой. Так что о ней я...

— Это по матери?

— По матери, Надежде. А Надежду когда хоронили, это я помню. В ГУМе я жил, комната была наверху.

— В самом ГУМе?

— Там было общежитие. В это общежитие приезжали члены ЦИКа, тогда не «депутаты» назывались — члены ЦИК Союза. Это было чистенькое, хорошенькое общежитие, кубовая своя была — для чая, буфет недалеко... И как раз тело Аллилуевой было там размещено — в другом флигеле, точнее, в стороне — той, что ближе к Москве-реке.

— Для вас ясно, как она умерла? Много версий всяких!

— Да, всяких много. Я придерживаюсь той версии, что она сама с жизнью покончила. Они были у Ворошилова, и Сталин с ней как-то грубо обошелся. Она ушла и покончила с собой.

— Но у них наследственность была, у Аллилуевых, да? Шизофреническая, истерическая?

— Да, да.

— И Светлана в нее, вы считаете?

— Да, она от матери наследовала...

— Но вот сообщают, что она за границей выучила дочь, продала дом, вроде бы возвращалась в Москву, потом вернулась в Лондон и сейчас живет в приюте для бездомных...

— Она в Тбилиси из Чикаго приезжала. Ей квартиру дали, дачу дали.

— Это когда?

— Несколько лет тому назад. Года так бегут, что не замечаешь... Она приезжала, у нее квартира была хорошая. Даже рассказывают такой случай. Она была строгая очень, вызвала водопроводчика-слесаря к часу, а он пришел в два часа. Когда он пришел, позвонил, она сказала: «Я вас ждала целый час!» — и хлопнула дверью перед его носом. То есть здесь хотела подчеркнуть, что за границей точность, а у нас так... все

безалаберно. И, конечно, о ее характере и отношении... Ну, она уехала.

— А вы с ней встречались?

— Нет, не встречался. Я не позвонил, после того как я прочитал... А раньше я с ней встречался. Она к нам иногда приезжала, бывало, сидели вместе за обеденным столом — но это все «в обществе». А один на один я с нею встретился в Ленинграде после смерти Сталина. Там есть ювелирный магазин на Невском, где-то около Садовой. Я в него вошел, а она там покупала серебряное колечко. Мы поздоровались, вышли вместе, поговорили. Я пригласил ее в кафе, заказали мороженое, шампанское. И разговаривали. Вот моя с ней последняя встреча была, после я ее вообще не видел. Потом она вскоре уехала.

А дочь ее — странная. Это после смерти Сталина было, я шел напротив «Ударника», выходил на Москворецкий мост, чтобы через Спасские ворота зайти туда, где с Николаем Михайловичем работал. Зима была, как раз пятьдесят третий год, сразу после смерти Сталина. Иду — и вижу: ребята катаются на санках и маленький ребенок лежит на животе на санях и смотрит. И вижу, на меня глядят глаза Сталина. Вот первое чувство было, когда я увидел этого ребенка. Я остановился как вкопанный. Стал смотреть, она смотрит на меня: выражение глаз как у Сталина. Я начал искать няню (забыл ее имя-отчество), увидел ее, она сидела здесь, подошел, она меня тоже увидела, встала, подошла. Я спросил: «Это Светланина дочь?» Она говорит: «Да». Вот так, в глазах внучки вдруг... я вижу глаза Сталина. Поразительно! Ей пять-шесть лет было тогда. Ее звали, по-моему, Катя. Катя с матерью не поехала; по-моему, здесь осталась (это она, Аллилуева, давала образование той дочери, что в Америке родилась). А Катя осталась в семье Ждановых, поскольку Светлана была за Юрием Ждановым замужем, это Юрия Жданова дочка.

— В конце шестидесятых годов я учился в Ростовском университете, там ректором Юрий Андреевич Жданов был...

— Вот-вот, Юрий Жданов. Сын Андрея Александровича. Я, между прочим, возил его несколько раз, когда в Манеже шофером работал. В 1934 году. У нас тогда курсы на Варварке были, шоферская школа. Вот Катя и есть Юрина дочка.

— С глазами Сталина!

— Да! Шел я, ни о чем не думая. Только что упал первый снег. Иду по протоптанной дорожке, и вдруг меня останавливают глаза Сталина! Я очнулся, встряхнул голову и тут же сообразил — ведь Светлана тогда в доме правительства жила...

«НЕУЧТЕННЫЙ» РОДСТВЕННИК

— А с Василием вы были знакомы?

— Конечно, только у меня с ним связи меньше было. Он иногда приезжал к нам, мы хорошо сидели, разговаривали. Но он был гораздо младше нас, и, естественно, общих интересов у нас было не много. Он часто бывал на нашей даче в Кунцеве, это был дом, где отец жил постоянно и куда приезжал Сталин.

— Значит, вы всех родственников Сталина знаете хорошо?

— Насчет родственников я вот что скажу. У Сталина был всего лишь один настоящий родственник — Гвелесиани. Директор винного завода. Он жил в Колобовском переулке. И вот у него мать умерла. Ну мы, конечно, все на похоронах были, похоронили и приехали к нему домой на поминки. Нас всего тринадцать или четырнадцать человек было, не помню точно. Мы все сидели за столом, поминали покойницу и все друг друга знали, кроме одного человека, которого никто не знал. Он просидел почти до самого конца, а когда ушел, мы стали выяснять, кто его привел. Оказалось, что никто его не приводил, и выяснилось, что это был совершенно посторонний человек. И никто не мог взять себе в голову, каким это образом некий посторонний «неучтенный» родственник оказался на поминках и сидел до конца.

ОТЕЦ

— Двое дядей было у меня. Васо — брат моего отца — литературу преподавал, он вообще-то литератором был, потом заместителем редактора в «Коммунисте», это наша центральная газета в Грузии была. И второй дядя — муж моей тети, сестры моей матери, тот литературовед был, перево-

дчик, кстати, первый перевод произведений Ленина на грузинский язык он делал. Васо часто приезжал на сессию Верховного Совета, и Сталин его принимал. Они бывали у него с отцом. Как только Сталин умер, буквально на второй-третий день дядю арестовали. Хотя не имели права без санкции Верховного Совета. Он же был депутатом Верховного Совета СССР. И был секретарем Президиума Верховного Совета Грузии. Он и в Грузии делегатом был. Председателем тогда был Махарадзе. А секретарем был дядя. И вот когда он приезжал сюда, Сталин его всегда принимал.

— Я говорил вам насчет Ильи Чавчавадзе, — обратился Георгий Александрович ко мне, — о восстановлении его в правах?

— Это тогда, когда он рассказал Сталину, что Илью Чавчавадзе в Грузии не печатают?

— Да, это он ему рассказал, что Илью в Грузии забыли. И Сталин начал спрашивать секретаря ЦК Грузии: «В чем дело, почему нет Чавчавадзе?» Это было, по-моему, в 1936 году. А Илья Чавчавадзе был как раз редактором того журнала, где первое стихотворение Сталина напечатали.

— И он его знал лично?

— Да. Между прочим, о нем у меня книжка была... Я даже со своим дядей ее обсуждал. И ему я ее одолжил перед смертью. У нас был писатель Акакий Васадзе. Народный артист Грузии и, кажется, Советского Союза...

У него есть воспоминания о Сталине. И в них он пишет, что, когда у Сталина были, Сталин как-то спросил кого-то из присутствующих: «Как вы думаете, кто был более способный человек: Илья Чавчавадзе или я?» Тот ответил: «Конечно, вы». А Сталин сказал: «Знаете, у Чавчавадзе просто не сложились обстоятельства, масштабы были другие, а то бы он был величайшим человеком». Эти воспоминания ходят по Грузии. Мой двоюродный брат имеет их; они напечатаны на машинке. То есть из ответа Сталина было ясно, что Илья Чавчавадзе мог стать более великим, чем Сталин, но масштаба не хватило. В этих же воспоминаниях и мой отец упомянут, там есть такой эпизод: Сталин с соратниками обедает за столом, заходит генерал и докладывает Сталину, что Александр Эгнаташвили

(мой отец) прислал ему рыбу. Живую рыбу: такая небольшая, но очень вкусная. Сталин спрашивает: «А сам он где? Где он?» А ему говорят, что он уехал в Цхалтубо.

— А вы с кем-нибудь из профессионалов своими воспоминаниями делились?

— Нет. И сам ничего не писал. К этому же надо иметь положение. Отец мой часто рассказывал о встречах со Сталиным, когда вспоминал старое время, кулачные бои в Гори, в которых участвовал мой дедушка...

— Рой Медведев пишет, что все портреты Сталина ретушированы, да и мне один мой старый соавтор рассказывал, что Сталин был маленького роста и рябой...

— А пускай он почитает Громыко, который пишет, что сколько раз он бывал у Сталина и никогда не замечал, чтобы оспины на его лице обезображивали его. Они не бросались в глаза и, кажется, пропадали.

— Но я хотел бы, чтобы вы об отце рассказали.

— Он был замначальника Главного управления охраны по хозяйственной части, заместитель Власика. Еще были из Грузии Курст — заместитель по оперативной части и Капанадзе — по кадрам. Потом по указанию Сталина они были переведены в Грузию.

Как-то отец был у Сталина, набрался храбрости и сказал ему: «Сосо, как я люблю тебя, но, несмотря на это, даже мне, с таким отношением к тебе, становится неловко, когда я открываю газеты и на первых страницах большими буквами: рапорты Сталину, Сталину, Сталину... Не слишком ли выпячивают твое имя? Надо ли это?». Сталин засмеялся, погладил усы и говорит: «Значит, и ты против меня?.. Да, раньше у народа была вера — верили в Бога, теперь мы у народа отняли эту веру, сказали, что Бога нет, и он растерялся. А надо, чтобы человек все-таки чему-то верил, кому-то верил, без этого нельзя. Поэтому мы сказали — партия, партия ведет народ к лучшей жизни. Но и здесь народ не разобрался, для него слишком абстрактное понятие — партия. Он ее на ощупь ощутить не может. Надо, чтобы он как-то почувствовал эту партию. А как ту партию почувствовать, если не через личность...».

Мой отец был из сталинской когорты, и о ней у меня сохранились прекрасные воспоминания. Начиная со Шверника... Не знаю, как Хрущев его подбил, что он его поддержал, но меня это поражает...

— А Лаврентий Иванович Погребной был замом Шверника?

— Да. И самым верным помощником, его правой рукой.

— А он знал вашего отца?

— Конечно. И знал о подарке, который однажды Сталин преподнес моему отцу.

— О каком подарке?

— Это было в 1940 году. Ночью отец отвез Виссарионовича, наверное, в час или два, и вернулся с каким-то свертком. Разбудил нас и развернул этот сверток. В нем был наподобие перочинного складной нож огромного размера, примерно около восьмидесяти — девяноста сантиметров, великолепной работы, антикварный. На лезвии было что-то написано по-испански. Как выяснилось, он был изготовлен в Толедо, а к Иосифу Виссарионовичу его привезли в качестве подарка от председателя совета министров Испании Нарго Кабальеро, который в тридцать шестом году вел войну с генералом Франко. А как известно, мы Кабальеро помогали, от нас там даже летчики воевали и было много других военных советников. Рядом с этим ножом лежал изумительной красоты маленький нож, в виде кортика, предназначенный для резки канцелярской бумаги. И еще маленькая золотистая пепельница из бронзы в форме вазы высотой около пятнадцати сантиметров.

Эти три предмета Сталин преподнес отцу во время ужина с ним вдвоем. Как рассказал нам отец, они пили маленькими рюмками слабое вино, Сталин вдруг встал и, бросив: «Саша, подожди», — ушел. Вскоре он вернулся и принес эти три предмета, сказав, что он получил их в подарок от Нарго Кабальеро в знак благодарности за помощь Испании в борьбе против Франко. Вручая их моему отцу, он произнес примерно следующее: «Саша, наше детство прошло вместе, и я не могу забыть те далекие годы, и особенно Гори. Я преподношу тебе эти предметы в знак памяти о наших детских годах. Прими их, пожалуйста, и пусть они будут данью уваже-

ния нашей дружбе тех памятных лет. Пусть они всегда напоминают тебе Горийскую крепость — место, где мы родились. Надеюсь, они вызовут в тебе те же чувства, которые испытываю я, глядя на тебя, когда вспоминаю детство. Пусть они напомнят тебе наших предков и тех, кто тогда окружал нас. Это Екатерина Георгиевна — моя мать, это Яков Георгиевич Эгнаташвили — твой отец, это Василий Яковлевич Эгнаташвили — твой брат».

После этих слов он передал эти вещи, чему отец был безгранично рад, не столько из-за их ценности, сколько оттого, что принял их из рук самого Сталина. Из этих ценностей у меня остался только большой нож, который храню у знакомых, так как боюсь, как бы кто не разнюхал о нем и не украл его. И сколько я себя помню, Сталин всегда выражал любовь к моему деду, отцу и дяде. И отец был предан ему до гроба и, можно сказать, жил его жизнью.

ВОРОШИЛОВ

— С Ворошиловым часто приходилось видеться. Он несколько лет подряд отдыхал со Шверником вместе. Часто приходил к нам. Честно говоря, я не любил, когда он приходил. Его-то я уважал, и сейчас уважаю, с большой любовью вспоминаю, а не любил потому, что знал — нам надо будет идти километров двадцать пять, а то и больше. Ведь от сталинской дачи они пешком доходили до Ахуна (гора в Сочи. — В. Л.), поднимались на Ахун, одиннадцать километров подъем и одиннадцать спуск, и обратно шли почти до сталинской дачи, только у сталинской дачи садились в машину. Так что это если по прямой идти — двадцать пять километров, а я начальник охраны, я чаще всего разговаривал с ними, со Шверником и Ворошиловым, который очень общительный был, очень любил почему-то меня и беседовал со мной долго и много... Но ведь я делал не двадцать пять километров, а так — иду, с ними разговариваю, потом пойду посмотреть направо, налево, вперед, как охрана идет... Как обеспечивают безопасность вокруг наши ребята. Охрана все время шла...

— И охране доставалось!

— И охране доставалось, конечно, так как если Шверник с Ворошиловым делали двадцать пять километров, я делал тридцать — это уж наверняка, если не с гаком... Ворошилов интересный человек был. Он на украинском языке декламировал Шевченко. Я не знаю украинского языка, но у меня слезы лились, как он хорошо декламировал! Талантливый человек был. Интересный случай раз у меня с ним произошел. Мы как-то пошли в сторону Адлера, прошли сколько-то, посмотрели в сторону Мацесты, там долина проходит. Ворошилов и говорит: «Вот там что за ущелье?» Спросил своего начальника охраны. Тот говорит: «Это Мацеста, товарищ маршал». Огляделся, на меня посмотрел: «А ты как думаешь? Ты кавказский человек». Я говорю: «Нет, это еще не долина Мацесты. Мацеста дальше должна быть». — «Хм, а вот я думаю, что Мацеста». Я говорю: «Нет, не Мацеста». Посмотрел на Груздева, а Груздев был начальник охраны в Сочи, охранял всех членов Политбюро, которые приезжали в Сочи и отдыхали... «Как ты думаешь, — спрашивает Ворошилов у Груздева, — вот эта долина какая?» Тот слышал наш разговор. «Мацеста, товарищ маршал». Ворошилов на меня посмотрел: «Ну а теперь ты что скажешь?» — «Нет, это не Мацеста». — «Пойдем туда!» Пошли.

Он держит самшитовую палку, а я бамбуковую. Идем как туристы. Он говорит: «Теперь ты не разубедился?» — «Нет, это не Мацеста». — «Давай спорить. Давай договоримся: если это Мацеста, я тебя вот этой палкой огрею, если это не Мацеста — ты окажешься прав — ты меня огрей по спине своей палкой». Я говорю: «Хорошо». Что я мог сказать? Дошли, и видно, что это не Мацеста. Груздев признал, его начальник охраны признал, что я был прав, что это не Мацеста. Ворошилов повернулся ко мне, нагнулся и говорит: «Ну, бей!». Я стою, не знаю, что делать. Он еще раз повторяет: «Бей!» Я взял свою палку и в овраг выбросил. Потом говорю: «Нечем». Он говорит: «Бей моей». Я говорю: «Нет, мы же договаривались — вы своей, я — своей палкой».

Пошли дальше, встретили матроса, разговорились. Этот матрос не узнал ни Шверника, ни Ворошилова. Ворошилов сказал, что мы, дескать, орлы, а матрос говорит: «Вы не настоящие орлы, а орлы, у которых из хвостов выдернули все

перья». Ворошилов смеется, Шверник смеется. Потом сколько раз встречались в Кремле, Ворошилов напоминал Швернику: «Шверник, помнишь, какой ты орел?»...

БЕРИЯ

— А сколько человек, вот положим, бывшая охрана Сталина насчитывала? Сколько человек было у Власика?

— Не знаю, а если и знал бы — не сказал.

— А у вас?

— Тоже не скажу. Было достаточно, чтобы обеспечить...

— Георгий Александрович, ни один человек о Берия доброго слова не сказал. А почему он так долго был в окружении Сталина?

— Если французскую литературу просмотреть, наверное, про Фуше и про Талейрана тоже хорошего мало сказано. Наполеон был вынужден держать таких людей. Такие нужны государству. Берия деловой человек был, не шалаяй-валяй, он был большой работник, крупный. Он умел дело делать. Это другой вопрос, какой ценой, но то, что ему поручали, он выполнял.

Возьмем, к примеру, Шверника. Благороднейший человек, но с ним его не сравнишь, потому что Шверник смотрит так: порученное дело надо сделать, но так, чтобы никому не навредить. А Берия было наплевать, кто пострадает. Самое главное ему было — выполнить то, что поручили. А ему часто поручали дела, которые нужны были государству...

— Самое главное, атомную бомбу сделали.

— И бомбу он сделал! Шверник со своим благородством не сделал бы... Да, жизнь сложена из противоположностей. Часто добро оборачивается злом, зло оборачивается добром. Противоречивость.

ШВЕРНИК

— Я помню, как Шверник готовил доклад с помощниками. Он вызывал помощника, рассказывал ему задачу. Говорил направление, на что обратить внимание, что, как сказать. По-

том тот уходил, пил крепкий кофе и часто ночь напролет сидел, готовил материал. Затем материал приходил к Швернику, они садились вдвоем, часами сидели, материал оказывался вверх дном перевернутый. Опять помощник садился, все это пересоставлял. Пока напишут окончательно, они раза три-четыре переделают все. От помощника оставались только связки, а основа вся была дана Шверником. Он много работал, очень. Изумительный человек был. Преданный партии и рабочему классу до мозга костей. Главное для него — чтобы было народу хорошо. И одинаково вежливо и учтиво принимал и министров, и уборщиц. А вот для протеза он не годился. Своим он ничего не делал. Не любил протекции.

— Ну, меня восхищает, конечно, сталинская гвардия. Родственникам — ничего.

— Нет! Нет! Нет!.. Его брату я машину давал без его санкции и даже втайне от него.

— Казалось бы, да...

— Вот такой он человек был! Во всех отношениях... У него другой жизни, кроме как государственной, не было совершенно. Буквально не было. Разве в воскресенье, в свободный час-другой, погуляет, чтобы восстановить здоровье для продолжения работы. И вечером иногда в воскресный день поиграет в бильярд. Час-другой. Мы с ним играли часто, и еще у него было хобби — часы исправлять. Для него было наслаждением исправлять часы. Как только часы портились, я давал: «Николай Михайлович...»

— А что, он был часовщиком?

— Нет. Он был лекальщиком. И родители его не имели к часам отношения... Он рано осиротел... И сразу пошел работать — чуть ли не в двенадцать лет. Кстати, вот что однажды ему портной рассказывал. Вызвали портного к Сталину. Входит Сталин, в руках китель. Поздоровался, спросил, как здоровье, и говорит: «Надо китель перелицевать». Тот ему говорит: мол, этот китель из плохого материала. «Мы из Чехословакии получили прекрасный материал, очень легкий, прохладный, хорошего цвета. Давайте я сошью новый китель». Сталин на портного накинулся: «Транжира! А этот что, выбросить?! Не надо мне никаких новых кителей, перелицуй этот...»

— Вы ездили в командировки со Шверником?

— Да, конечно.

— И воочию видели результаты коллективизации и индустриализации страны?

— А вы знаете, что коллективизация помогла нам выиграть войну? Иначе — бегай, собирай у единоличников хлеб во время войны. В колхозах и то нам приходилось убеждать. Я ездил со Шверником в сорок третьем году в Татарию, Башкирию хлеб собирать.

— С колхозника и то трудно было собрать. А с частника — черта с два.

— Да, с частника черта с два. Не только Шверник, но и другие члены Политбюро были посланы добывать хлеб... Мы в Казани были, в Уфе, в Ижевске...

Любопытную историю рассказал нам секретарь обкома Ижевского... Не Ижевского, а, простите, Удмуртского обкома. Чикин был такой. Очень интересный человек, первый секретарь. Во время войны ему вдруг позвонил Сталин. И говорит: «Здравствуй, это Сталин. Нам, — говорит, — нужны винтовки. Сколько ты можешь срочно сделать?». В течение, не помню, месяца, что ли... Чикин спрашивает: «Сколько нужно?» — «Очень много. Сколько тысяч можешь сделать?» Я забыл, какую он цифру назвал. А Сталин сказал: «Нет, это смехотворно мало». И назвал цифру в пять или шесть раз больше. И Чикин отвечает: «Товарищ Сталин, извините, но это невозможно». Тогда, по его словам, Сталин сказал (он Швернику рассказывал, мы вместе сидели за столом): «Ты знаешь что, сам от себя не говори. Ты поди, спустись, усади своих рабочих, инженеров, техников и передай им, что Сталин просит рабочих завода вот такое количество винтовок в такой-то срок изготовить... Послушай их, держи совет, а потом доложи мне». Он ответил: «Понятно, слушаю, товарищ Сталин». Пошел вниз, собрал рабочих, инженерно-технический персонал... Когда отдельные вопросы сразу не могли решить, то отправляли специалистов разобраться на месте. Подвести базу надо было, рассчитать время, ресурсы. Короче говоря, они долго совещались. И в конце концов рабочие сказали, что могут сделать. Решили, что все будут днем и ночью находиться на за-

воде, пока не выполнят задание. Чикин доложил Сталину. Тот засмеялся и сказал: «Ну вот, видите. Рабочие, оказывается, знают лучше, чем мы». Потом Чикин ему ежедневно докладывал о ходе выполнения. Он жил и спал на заводе.

Вот такой интересный человек был. Мы с ним ездили еще в глубинку. В Глазов, что на самой границе автономной республики. Такие дороги, что туда еле «виллис» пробирались (мы на трех-четырех «виллисах» поехали). И меня что удивило: этого секретаря обкома в любом колхозе знали в лицо и по имени-отчеству. Говорили так, что видно было: он там бывал не единожды.

— Вот как работали!

— Да. Так работали. Это в сорок третьем году. Вы Лаврентия об этом спросите. Он много лет работал со Шверником, а также с Косыгиным, Кагановичем, Малышевым. Вся документация по эвакуации прошла через его руки...

Шверника я вижу ежедневно во сне двадцать пять лет. Ежедневно во сне! И сейчас вижу, как я уже говорил, в неделю раза два. Вот клянусь детьми, внуками! Два раза в неделю я его во сне вижу обязательно. И охраняю. Все охраняю! Властик мне однажды сказал: «Бичиги, я только оденусь, только сяду завтракать, все думаю, хоть бы скорей пришла ночь». — «Почему?» — «Я Сталина во сне увижу!» Вот так были преданы люди...

— А кто по национальности был Шверник?

— Русский. Фамилия его Шверников, знаете, псевдонимы... «ов» отпало, и получилось «Шверник». Жена его украинка была. Мария Федоровна. Бывший партийный работник. У нее кличка была Маруся Белая. На кладбище она под этим именем лежит. Властная женщина. Калинина однажды отчитала... На каком-то приеме...

РУЗВЕЛЬТ И ЧЕРЧИЛЛЬ

— После Крымской конференции Сталин вызывает моего отца и говорит: «Саша, я хочу тебе поручить большое дело. Когда Рузвельт здесь был, он в разговоре мне обещал, что после победы приедет к нам отдыхать. Я хочу подготовить все

условия для того, чтобы у него был выбор. Поэтому создадим Управление госдач при Главном управлении охраны, ты пойдешь туда управляющим. Туда войдут Ливадийский дворец, Юсуповский и все, что тебе понравится в Крыму. Надо дать возможность выбора Рузвельту. Вот он пожелает выехать из Ливадийского дворца куда-нибудь, но поскольку он больной и ему трудно передвигаться, нужны промежуточные станции, где он мог бы остановиться на несколько часов или на день-два». Сталин дал отцу такое указание. Отец поехал. Создалось управление, все это делалось под видом того, что готовится дача для отдыха Сталина. О подлинных причинах никто не должен был знать. Сталин сознательно шел на это.

— Рузвельт был очень жесткий человек...

— Да, очень жесткий... Ну, у Сталина с ним сложились хорошие отношения, правда, у них были кое-какие размолвки, насчет сепаратных переговоров американцев, Даллеса, с немцами...

— Георгий Александрович, вы встречались и находились рядом с Черчиллем, какое он производил впечатление как человек?

— Крепкий мужик был, крепкий... Когда смотрел на вас, такое ощущение было, что он вас пронизывает взглядом, всю вашу душу видит. Причем он так нет-нет и задержит взгляд на человеке. Но когда о Гитлере заговорил, так ударил по столу, что показалось, этот стол развалится. Аж пена у него изо рта шла... Это — фигура...

— А когда ездили туда со Шверником, вас как представляли?

— Как секретаря... Второй раз тоже мы ездили, в сентябре-октябре 1943 года в Англию. Но уже совсем другая миссия была. Нашу делегацию пригласили на конференцию лейбористской партии, которая ежегодно в конце сентября — начале октября проходила. В одном дачном месте она проводилась. Тогда с нами уже не возились, потому что задача была не такая серьезная, как в первый раз. Принимали нас Черчилль, Иден (министр иностранных дел, потом премьер-министр). И меня как раз (они заранее заготавливают визитки, где кому сидеть) усадили рядом с женой Идена...

— А вы под какой фамилией ездили?

— Эгнаташвили... И она меня спросила: «А какая ваша профессия?» Я говорю: «Шофер...» Потом принимал нас председатель Союза портовых и транспортных рабочих... Летели мы через Тегеран, Каир, Гибралтар. В гостях были у английского посла в Каире. Посол поляк почему-то был. Отношений у нас с Египтом не было, нас принимал английский посол, и вечером он пригласил Николая Михайловича поужинать в ресторане на лоне природы. Николай Михайлович взял меня, мы сидели втроем. Посол сказал: «После войны Сталин даст приказ, и вся военная промышленность перейдет на гражданскую, а нам достанется очень туго... Это связано с большими трудностями...»

РЕПРЕССИИ

— Георгий Александрович, недавно прошла вторая волна грязи, в шестидесятых — первая, а сейчас океан захлестнул, все вывалили в грязи... И основные обвинения направлены против Сталина — он все знал, это с его санкции арестовывали, и так далее. То есть он одного арестовывал, снимал, другого назначал. Ягода, Енукидзе, Ежов, Берия и т. д. Ваш взгляд на то, что же все-таки происходило? То, что аресты были, — факт. Но что это было?

— Было то, что... несомненно, были слухи, которые были направлены против Сталина. Хотели его отстранить. По поводу Тухачевского я не сомневаюсь ни минуты... Он работал в Германии, в Генеральном штабе, и там, видимо, его раскусили...

Случай помню... Я учился на военном факультете, к нам вдруг... генерал, или комиссар, или как там, Никитин, собирает нас... говорит об этих арестованных, вот они такие-то предатели... В это время подошла «эмка», оттуда вышли чекисты и его арестовали. Его самого. На глазах у нас. Вот такая волна была. Видимо, военные все это готовили...

В «Правде» было сообщение насчет Тухачевского. Тухачевский согласился, что заговор был против Ворошилова, не против Сталина, а против Ворошилова. Я вас спрашиваю: если против Ворошилова шел заговор и его, Сталина, хоте-

ли лишить основной силы — армии, что оставалось для того, чтобы снять Сталина? Ничего! То есть заговор против Ворошилова был заговором против Сталина. Бесспорно, это была направленная борьба... Куда все эти нити шли, конечно, трудно сказать, но не исключено, что заговор был слишком обширный, даже больше, чем мы можем сегодня знать. Борьба шла... И еще... Когда говорят о необоснованных репрессиях, достаточно хотя бы сказать, что во всех отдельных случаях Сталин не может быть ответствен. Вот меня арестовали, но нашелся человек, который пришел и прямо сказал: «Если есть малейшая вина, малейшее выражение недоверия, не любви или что-то, я готов вместе с ним отдать жизнь». Сталин меня тут же освободил. У Колыванова есть в воспоминаниях, когда он пришел к Сталину и сказал, что такой-то невинный летчик сидит в Сибири и он за него ручается головой. Сталин отдает распоряжение, и буквально через несколько дней этот человек поступил в распоряжение Колыванова. То есть когда находились заступники, когда он чувствовал, что этот человек действительно обижен несправедливо, он принимал меры... Но за всех так нельзя...

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И СТАЛИН

— Он антисемитом не был, он был против сионистов. И это как бы бросало тень на плетень. Но быть против сионизма — не значит быть против евреев. Кагановича же он держал. Если бы Сталин готовил заранее депортацию всех евреев, то сначала он избавился бы от Кагановича... Глупость это, глупость... Сталин был достаточно умным человеком, чтобы это понимать... Это основывается на том, что во время войны приходилось депортировать отдельные народности, но это все имело свою основу. Вот говорят насчет немцев поволжских, а что, ведь в Энгельсе же были случаи, когда находили парашютистов, засланных, которых немцы прятали, и, конечно, нельзя было полагаться на них... Ведь речь шла не о личных интересах, а о деле всей жизни Сталина и жизни народа, и он не мог ради каких-то отдельных личностей рисковать делом, за которое всю жизнь боролся...

А то, что сионистское движение было, это, по-моему, бесспорный факт. В каждом отдельном факте надо разбираться, но дело в том, как разбираться, кто разбирается и кто дает заключение, вот что важно. Достаточно много евреев было у власти. Может, это потому, что после революции большое количество евреев было сосредоточено в правительстве, и они, видимо, через сионистские организации вели соответствующую работу, и их пришлось ликвидировать... Я лично отвергаю антисемитские настроения, но то, что большое количество евреев поддерживало сионистские организации, было фактом.

ВЫШИНСКИЙ

— Ух какой умница был!.. Симпатичнейший человек... Про него пишут очень отрицательно, потому что он сталинскую линию защищал...

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ ВСЕМ ТЕМ, КТО ПОМОГАЛ СТАЛИНУ!

— Царство Небесное всем тем, кто служил правде, народу и кто помогал Сталину в создании такой великой державы. И вот когда ругают Советский Союз, что все у нас плохое, что для истории это беда была, для России в первую очередь и для мира, что Советский Союз — это чепуха, всегда забывают о том, что если английский рабочий класс, и американский, и западный — если в Европе и в мире рабочие живут хорошо, — это, по-моему, потому, что существовал Советский Союз. Существовала опасность, что может произойти революция в мировом масштабе, и капиталисты, империалисты были вынуждены создавать хорошие условия для своего народа, давать социальные права. Вот в этом — великая роль Советского Союза, по-моему.

Воспоминания А.Ф. Сергеева

(по материалам Е. Глушик и О. Стрельцовой. Газета «Завтра»)

Артем Федорович Сергеев — кадровый военный, генерал-лейтенант артиллерии в отставке, фронтовик, война для которого началась на четвертый день после объявления о нападении Германии на СССР и закончилась на четвертый день после объявления Победы. Сын рано погибшего революционера товарища Артема, соратника Ленина и Сталина, Артем в детстве воспитывался в семье Иосифа Виссарионовича, ставшего после гибели товарища Артема приемным отцом мальчику.

НАДЕЖДА АЛЛИЛУЕВА И «ЛЮБОВНИЦЫ» СТАЛИНА

«Завтра»: — Много домыслов о последнем дне Надежды Сергеевны.

А.С.: — У Надежды Сергеевны были постоянные сильные головные боли, непереносимые боли. Она часто держалась за голову и вскрикивала: «Голова, голова!» Нередко ездила в Германию якобы к работавшему там старшему брату. Но в действительности чтобы показаться немецким профессорам. И тогда, накануне 7 ноября 1932 года, и в день парада она тоже держалась за голову — ее вновь мучили боли. Парады раньше длились 4 часа: с 8 до 12 часов. Мы с Надеждой Сергеевной стояли перед входом в Мавзолей. Потом она, держась за голову, ушла раньше, а мы с Василием после парада уехали на дачу. Ну и такое горе случилось...

Гроб с телом Надежды Сергеевны стоял в здании ГУМа. Там примерно в центре со стороны Красной площади есть ниша, в ней — лестница на второй этаж. Там дверь, за ней помещение, где был выставлен гроб. Сталин буквально рыдал. Василий все время висел у него на шее и уговаривал: «Папа, не плачь! Не плачь, папа!»

Потом гроб вынесли. Сталин шел сразу за катафалком. Затем оркестр, мы шли за оркестром. У могилы Сталин сто-

ял с одной стороны, мы с Васей — с другой. Между нами никого не было, и нам все было прекрасно видно. Сталин был убит горем. Взяв горсть земли, бросил в могилу. Нам сказали тоже взять землю и бросить. Мы спросили, для чего. Нам ответили, что так надо.

— Много разговоров о любовницах Сталина...

— Об этом от того, кто там — в доме, на дачах — был, я никогда ничего не слышал. Моя мать никогда об этом не слышала, и те, кому можно доверять, ничего об этом не говорили, такого разговора в доме не было вообще: ни при жизни Сталина, ни после.

— И женщин не бывало в доме?

— Я знаю, кто там был. Повариху знаю — это исключено. Домоправительница, которая была еще при Надежде Сергеевне, Каролина Васильевна Тиль, — это исключено. Она работала до старости, в 1938 году ушла на пенсию, очень скромно жила. Под конец жизни ее Василий к себе взял — устроил. А няня, будучи на пенсии, жила до конца жизни со Светланой. С 1939 года домоправительницей была Александра Николаевна Накашидзе. Светлана в книге «Двадцать писем к другу» пишет, что это чуть ли не майор из госбезопасности. А как же иначе? Этим всем — обслугой, помощниками — распоряжается 9-е главное управление, управление охраны. Смеются, что нянечка имела звание сержанта. А почему бы и нет? Она служит, и если она военная — имеет дополнительную ответственность. Странно, что так в книге у Светланы написано, потому что она к ним прекрасно относилась.

Потом Александра Николаевна вышла замуж, и домоправительницей стала Валечка Истомина. Это чудная деревенская женщина! Помню, когда Валечка начала работать в Горках-4, ей было 17 лет. Матрена Бутусова была старшей подавальщицей (слова «официантка» тогда не было), а Валечка — вторая. Потом она фактически стала домоправительницей. Говорят, когда Сталин умер, — она буквально выла! После моментально разогнали охрану и всех, кто там был.

Ну а Сталин ведь тоже человек. А Валечка была чудная, просто чудная: приятный, абсолютно простой человек, простая русская женщина без всяких там выскоков и выкрутасов.

А чем и кому от этого плохо, если и была привязанность? К сожалению, я потом ее не видел. Слышал, что не совсем удачно личная жизнь у нее сложилась...

Но об этом — о сердечных симпатиях — в доме и семье никогда не говорилось, ни слова. И кто сейчас такой все знающий? Откуда такие сведения сейчас? Появилось множество каких-то знатоков всего и вся, всех деталей жизни и быта...

СВЕТЛАНА И ВАСИЛИЙ

«Завтра»: — Артем Федорович, каковы первые воспоминания, связанные с И. В. Сталиным? Помните ли вы первую встречу с ним? Как он относился к вам, детям?

А.С.: — Говорить ни о первой, ни о второй встрече со Сталиным невозможно. С самого начала, как я себя помню осознанно, помню и его, и самое высокое уважение к нему. Казалось, что это самый умный, самый добрый, хотя в каких-то вопросах строгий, но добрый и ласковый, справедливый человек.

С детьми он занимался, когда у него было время. Если он приходил с работы, а дети еще не спали, или он приходил среди дня, то обязательно хотя бы несколько минут занимался с детьми. И это общение всегда чему-то учило, давало что-то новое, что-то разъясняло. Было это не назойливо, не так, что ты обязан это знать, нет. Он умел вовлечь в разговор и не допускал, чтобы в этом разговоре ребенок чувствовал себя несмышленышем. Он задавал взрослые вопросы и интересовался: «Что ты думаешь по этому поводу?» Если ты не мог ответить на какие-то вопросы, то он очень просто, доступно, ненавязчиво вел разговор и давал понять суть.

Например, после того, как мы с Василием посмотрели пьесу «Дни Турбиных» (это было в 1935 году), Сталин нас спрашивает: «Что там видели?» (Кстати, Сталин частенько посылал нас с Василием в театр.) Я сказал, что не понял: там война, но красных нет, одни белые, но почему-то они воюют, но с кем — не знаю. Сталин говорит: «А знаешь почему? Ведь красные и белые — это самые крайности. А между красными и белыми большая полоса от почти красного до почти

белого. Так вот, люди, которые там воют, одни очень белые, другие чуть-чуть розоватые, но не красные. А сойтись друг с другом они не могут, потому и воют. Никогда не думай, что можно разделить людей на чисто-красных и чисто-белых. Таковыми являются только руководители, наиболее грамотные, сознательные люди. А масса идет за теми или другими, часто путается и идет не туда, куда нужно идти». Вот так Сталин объяснял нам с Василием некоторые вещи.

— Как вы думаете, Артем Федорович, чувствовали ли Светлана и Василий свою избранность, значимость?

— Нет. Светлана была очень скромной девочкой и старалась оградиться от своей элитарности, она этого не любила. Если говорить о Василии, то, надо прямо сказать, что его жизнь — это трагедия от начала до конца. И именно потому, что его отец был первым лицом государства. Сам по себе Василий был одаренным во многих отношениях мальчиком. Был он властолюбив, но материально абсолютно бескорыстен. Мог все отдать, что у него было, и «за други своя» готов был «живот положить». Будучи школьником, он много дрался, но никогда не дрался с теми, кто был слабее или меньше его, часто дрался со старшими после какого-нибудь спора или обиды, нанесенной слабому. Он был «слабозащитником». Ему часто доставалось, его колотили крепко. Он никогда не жаловался и, уверен, считал позором пожаловаться, что ему досталось. Прекрасно играл в футбол, и когда играли старшие, то брали его в команду. И не за фамилию, а за ноги. Еще мальчишкой великолепно играл в бильярд.

Был очень хорошим рукоделом, любил труд. У меня до сих пор сохранились его рисунки на плоских морских камушках. Сохранился мастерски изготовленный блокнот в переплете: и с рисунком, и с портретиком вставленным. А ведь Василию было всего 10 лет, когда он его делал. Любил животных. У него то кролик был, то уж, хомяк, рыбки, белые мышки.

Но о нем писали массу гадостей, не соответствующих действительности. Гадость эта заказная. В свое время в «Огоньке» некая Уварова написала статью о Василии. Это была отвратительная ложь. Эта Уварова представляется учителем немецкого языка Василия (хотя вообще не работала в этой школе)

и пишет, как Василий на уроках издевался над ней и над другими учениками. Сводит его в один класс с Тимуром Фрунзе (а учились они в разных классах: в 8-м и 9-м), противопоставляя хорошего Тимура плохому Василию. Пишет, как Василий весь в импортном ходил. Да если бы у него пуговица была иностранная, его бы отец в окно выкинул. В доме не терпелось ничего иностранного. Я насчитал в той статье 27 абзацев лжи и гадостей.

Ребята, учившиеся с Василием в классе, были страшно возмущены этим, советовались со мной: мы напишем Коротичу, что там все неправда. Но я им сказал, что Коротич, будучи редактором, сознательно допустил эту ложь, а возможно, и заказал статью. Поскольку опровержение одноклассников нигде не брали, они решили подать в суд. Заводилой был Вася Алешин. Но в суде сказали: «А у вас заверенная достоверность от пострадавшего есть? Ах, он умер 30 лет назад?! Тем более, заявление мы у вас не возьмем». Решили ребята сами пойти к этой Уваровой, но побоялись, что не сдержатся и попросту ее обматерят. Поэтому послали к этой даме военрука школы, который и до войны, и после войны работал там. Придя к Уваровой, он сказал:

— Что же вы пишете, что были учительницей?! Вы же не работали у нас!

— А я туда заходила, может быть!

— Но ведь в статье нет ни слова правды!

— Ничего, я еще книгу выпущу.

— Как книгу?! Снова будет клевета!

— Ну и что? Теперь на это клюнут.

И действительно, она выпустила не менее гнусную книжонку...

* * *

«Завтра»: — Как относились к Василию учителя? Не боялись ли ставить плохие оценки?

А.С.: — Может быть, округляли оценки в большую сторону. Но когда учитель истории Мартышев поставил Василию «2», а директор потребовал исправить оценку, учитель отка-

зался это сделать. Был конфликт. И Мартышев написал Сталину. Получил от Иосифа Виссарионовича ответ с осуждением Василия, извинениями и благодарностью за объективность и принципиальность, и уже у директора школы были проблемы. А Василию все зимние каникулы (это были 1937—1938 гг.) пришлось учить историю и пересдавать. Сам Василий не обижался на учителя, часто говорил: «Честный человек, не побоюсь». Сам был смелым и ценил это качество в других.

Говорят, что он пил. Да, пил. Но не каждый человек делает это из-за своих дурных качеств. Как-то сидели с ним, выпили. Он еще наливает. Я его останавливаю, а он говорит мне: «А что мне? У меня только два выхода: пуля или стакан. Ведь я жив, пока отец мой жив. А отец глаза закроет, меня Берия на другой же день на части порвет, и Хрущев с Маленковым ему помогут. Такого свидетеля они терпеть не будут. Знаешь ли ты, каково жить под топором? Вот я и ухожу от этих мыслей». И верно. Отец умер в марте, а в апреле Василий был арестован. Поначалу его поместили в госпиталь, к нему можно было пройти, а он не мог выйти. Потом его судили по двум статьям: «Измена Родине» (отзывался плохо о Берия и Хрущеве — вот и вся измена) и «Злоупотребление служебным положением». Злоупотребление состояло в том, что из ангаров на центральном московском аэродроме сделал манеж и конюшню, создал спортивную команду конников, которая затем, уже после его смерти, стала союзной командой, выступавшей на Олимпиаде. Строил летний каток и бассейн. У нас в стране не было 50-метрового олимпийского бассейна. Василий начал его строить. Вот вам и злоупотребления.

— Какие были у Василия награды?

— Надо сказать, что работали люди не лучше его, а награды имели больше. Сам он говорил: «Знаешь, если меня наградят, то это будет награда не только мне, но и отцу. А на подарок, и отец это понимает, должен быть отдарок. И в отцовском положении отдарок должен быть куда выше. Так что пока все мои ребята не будут награждены, мне ждать наград нечего».

Было у него два ордена Красного Знамени. Причем один из этих орденов был бесфамильным. Увидел его в воздухе командующий армией. Это было в 1941 г. в Мценске. На аэро-

дром Мценска налетели бомбардировщики. Василий туда полетел, но не был заряжен. И на незаряженном самолете он вытолкнул этих бомбардировщиков лбом и отогнал. Командующий армией сказал: «Вот этого летчика я награждаю орденом Красного Знамени». Когда приземлился, выяснилось, как фамилия летчика. Был у него орден Александра Невского, два польских ордена.

Человеком он был честным, храбрым, преданным, абсолютно бескорыстным. Прожил трагическую жизнь, и похоронили его не по-людски. Причина смерти неизвестна. Ведь вскрытия не было. А когда не делают вскрытия? Когда хотят концы в воду. Посмотреть на него ни жене, ни дочери не дали. Дочь говорила, что на теле заметила какие-то следы. А жена хотела китель поправить, так ее отогнали. И быстро похоронили в Казани. Честно было бы его перезахоронить к матери, бабушке и дедушке, дядьям на Новодевичьем. Будем надеяться, что когда-нибудь так и будет.

ЯКОВ

«Завтра»: — А старший сын Сталина, Яков, жил в семье отца?

А.С.: — В 1921 году в возрасте 14 лет Яша приехал из Грузии в Москву. Образование у него было слабенькое, язык он знал плохо. Он жил в доме у Сталина. Комнаты отдельной там у него не было. Шел коридор зигзагом: здесь окно, здесь окно, здесь дверь, стоял черный диван с высокой спинкой, отгороженный простыней в качестве занавески. Это был Яшин диван — его место. Если ему надо было заниматься — здесь же стоял стол. Эта же комната в какой-то мере служила столовой. Но обычно ели по комнатам. Общего обеда, как правило, не было, если не специальное застолье. Обычно разносили тарелки, ставили, после уносили.

Потом Яша влюбился, дело не пошло, они решили стреляться. Яша стрельнул, а она не стреляла. Яша был ранен. Говорят, что Сталин смеялся, мол, даже застрелиться не мог. Но кому он это сказал? Где это зафиксировано трепачами нынешними? После этого случая Яша перешел жить в общежи-

тие. Потом поехал в Ленинград, там жил его дедушка Сергей Яковлевич Аллилуев, он сколько-то был там, затем вернулся. Он учился в Институте инженеров путей сообщения. Очень часто к Сталину домой приходил. У Василия комнатка была, Яша обычно приходил и сидел на стуле в Васиной комнатке. Дождался отца, если мог дождаться. Василий любил Якова. Тот был обаятельный человек. Но Яков больше любил Васю, чем наоборот. Яша, может, как старший, очень любил Васю и Светлану. Светлана тоже очень любила Яшу.

— У Сталина оба сына стали военными, воевали, Яков погиб. А в чем заключалось мужское воспитание в семье?

— Воспитывал, как ни банально сказано, своим примером и тем, что всегда трудился и приучал нас трудиться. Никаких «не хочу» и капризов. В детстве, например, стоит перед тобой тарелка — она должна быть чистая. Распускать юни по любому поводу не позволялось. Его пример был настолько уважаем, что во всем хотелось быть на него похожим и вызывать его одобрение.

ДНИ РОЖДЕНИЯ В СЕМЬЕ СТАЛИНА

«Завтра»: — Как в семье Сталина отмечались дни рождения членов семьи и самого Иосифа Виссарионовича?

А.С.: — Больших празднований дома по поводу дней рождения кого бы то ни было не устраивалось. В 1928 году, когда мне исполнилось 7 лет, Сталин пришел с работы домой в день моего рождения и сказал: «Есть книга «Робинзон Крузо», написал ее Даниэль Дефо. Там говорится, как человек после кораблекрушения попал на необитаемый остров и жил один. Он был сильным, не пал духом, многому сам научился, потом научил другого. А если бы он пал духом, распустил юни, то погиб бы». И подарил мне эту книгу. В 1929 году он подарил мне деревянный письменный прибор и книгу Киплинга «Маугли». Рассказал при этом, как мальчик попал в лес к животным и те стали его друзьями. Добавил: «Друзья могут быть разные. Если ты их любишь и уважаешь, то они тебе всегда помогут, защитят. Если у тебя нет друзей, ты никого не любишь и тебя никто не любит, то ты погибнешь в трудную

минуту». В 1933 году он мне на день рождения подарил портативный патефон с пластинками. Это были записи классики, русская народная музыка, арии из оперы «Граф Люксембург», военные марши, музыка Вагнера, вальс «Блюмен геданке» («Благодарность цветов») на немецком, песни «На сопках Маньчжурии», «Варяг».

— Он сам покупал эти пластинки специально вам в подарок?

— Этого я не знаю. Патефон и пластинки были уложены в чемоданчик, который и сейчас у меня цел, как и патефон...

В 1930 году Васин и мой день рождения отмечали в городе. Надежда Сергеевна пригласила заниматься с нами молодого Александра Федоровича Лушина, он закончил биологический факультет университета, но очень любил театр и прекрасно рисовал. Потом окончил академию художеств и более 30 лет работал главным художником театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, стал заслуженным деятелем искусств, народным художником. Он нам объяснил, как сделать театр теней. Теневой театр устроили так: соорудили экран из кальки, вырезали фигурки — персонажей сказки Пушкина «О попе и работнике его Балде». Василий был хороший рукодел, нам удалось все фигурки изготовить. И вот в наш день рождения мы осуществили эту постановку.

Зрителями были все домашние, ребяташки и родственники, в том числе отец Василия. Я читал текст, а Василий сзади за экраном показывал эти фигурки. Отец его очень смеялся, ему понравилось, он комментировал эту сказку.

Вообще он никогда ни одного камушка в сторону религии не бросал, но здесь говорил о жадности и скупости этого попа и о силе и ловкости Балды. И сказал, что за жадность наказывают, а за смелость и труд полагается награда.

Когда Светлане исполнялось 7 лет, Надежды Сергеевны уже не было. Собрались дома родные и кое-какие дети. Родственник Надежды Сергеевны Сванидзе Алексей Семенович был торгпредом в Германии. Он принес Светлане заграничные немецкие подарки, в том числе куклы. Отец Светланы очень возмутился, сказал: «Что ты привез?! Зачем это? Надо свои игрушки производить и покупать, на чужих игрушках не

надо воспитывать детей». Велел ему забрать эти игрушки и уходить.

Еще как-то на дне рождения в Зубалове собрались родственники и дети. Сын Сванидзе, которого звали Джоник (ему лет 10 было), очень много говорил о вещах, совсем не свойственных его возрасту: долго и нудно под управлением своей мамы Мари Анисимовны рассказывал что-то об астрономии. Слушать надоело. Однако Сталин его не перебивал. А если он не перебивал, то и другие тоже. Но в паузе отец Светланы спросил: «Джоник, а кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» Тот тут же ответил: «Я буду астрономом». А Сталин со скрытым юмором сказал: «Это хорошо. Пищу надо уметь готовить, гастрономом быть очень хорошо. Людей надо вкусно кормить».

Мама Джоники Марья Анисимовна: «Что Вы, что Вы, Иосиф, он хочет быть астрономом. Звезды изучать». А Сталин, словно не слыша, расхваливал гастрономическую профессию, посоветовал Джонику: «Ты это нашему дорогому Анастасу Ивановичу Микояну скажи, он этим вопросом — пищевой промышленностью — серьезно занимается». Мама Джоники опять: «Да нет, он астрономией хочет заниматься, звезды изучать». Отец Светланы продолжил: «Да, в океане есть морские звезды, их надо уметь ловить и хорошо готовить». Тогда до мамы дошло, и тирада об астрономии прекратилась, слава богу.

Когда они ушли, отец Светланы говорит: «Вот граммофон! Его завели, и он так долго играет!»

* * *

«Завтра»: — А дни рождения самого Сталина дома как отмечались?

А.С.: — Все проходило обыденно, без торжественности. К этой обыденности что-то дополнялось, какая-то деталь, краска, и разговоры были несколько иные. Но ничего особенного. И потому в памяти не сохранилось чего-то яркого — рядовой день. Много пели обычно. И под пластинки в том числе. Кроме народной музыки, были пластинки Лещенко и Вертинского, под них тоже пели. Однажды кто-то критично отозвался о песнях Вертинского. Мол, зачем он нам нужен? Уехал, поет какие-то грустные непонятные песни. Это не наше.

На что Сталин ответил: «В России есть не только пролетарии и буржуи. Есть и другие, их много. — И добавил: — Такие, как Лещенко, есть, а Вертинский — один». Я эти слова хорошо помню.

Даже в 1934 году, когда Сталину 55 лет исполнялось, не было особых приготовлений, не чувствовалось организованного праздника. Просто в Волынском собралось побольше людей. Были родственники, Лакоба — председатель ЦИК Абхазии, с которым Сталин очень дружил. Много смеялись, пели, немного плясали. Там для пляски места не было, чтобы разойтись.

— А Сталин сам танцевал?

— Приплясывал немножко. Но чтобы в три колена — нет. Был, как всегда, Буденный. Он играл на гармошке или баяне. Жданов играл на рояле. После того, как он стал приезжать, на даче поставили маленький кабинетный рояль красного дерева. Он и сейчас там стоит. Песни пели. Кавказские, но главным образом — наши народные, русские песни: «Коробейники», «На Муромской дороге», песню ямщика. Танцевали тоже кавказские и русские народные танцы. Кстати, говорят, что «Сулико» была любимой песней Сталина. А вот «Сулико» я там ни разу не слышал.

— Были ли на столе особенные яства? Любимое блюдо именинника, может, готовили?

— Когда гостей не было, стол был самый простой. При гостях кое-какие блюда прибавлялись, что-то кавказское подавалось. Сталин не был гурманом. Пища была в доме самая обычная. Он любил щи с капустой и отварное мясо — это да, это он любил. Блюда с орехами любил. Сациви с орехами, например. Какие-то кавказские острые блюда. Любил очень варенье из незрелых грецких орехов: такое раньше ему присылала его мать. И не было у него таких комплексов: вот он это любит, и обязательно должны это готовить, это танцевать, это петь. Нет — простота и невзыскательность всегда и во всем.

— Он работал в свой день рождения?

— Он всегда работал. И даже за праздничным столом разговоры были в основном деловые. Ничем это практически не отличалось от обычного застолья, обеда.

— В его честь звучали тосты?

— Звучали. Но когда начинали говорить выпренно, его захваливать, он тут же отвечал с юмором, подтрунивал. Надо отметить, что всякую похвалу в свой адрес он принимал с юмором. И отвечал на это с юмором. Он обычно и сам говорил тосты. В свой день рождения он благодарил за сказанное в его адрес и тоже — тост. Его тосты были не пустые, а со смыслом. В адрес каждого у него находилось какое-то особенное слово. Не назидательное, а деловое, простое и приятное человеку, иногда с юмором подмечал недостатки человека, но необидно.

— На дни рождения гостей приглашали или они сами приходили? Кроме Лакобы, Буденного, Жданова — кого вы еще помните?

— Народу иногда было очень мало — всего несколько человек. Члены семьи были, зачастую члены Политбюро приходили. Я не знаю, приходили они сами или были приглашены, но думаю, что в какой-то форме приглашение было получено. Непосредственно я этого не слышал.

— Дарили пришедшие подарки Сталину?

— Подарков не было никаких! Никаких! Он подарки не любил, и это знали. Может быть, он понимал, что на подарок должен быть отдарок, что все ли эти подарки — от чистого сердца. Я не видел, чтобы на день рождения приносили и дарили подарки.

— А вы, дети, готовили подарки Сталину?

— Пьесу как-то приготовили на день рождения. Мастерили поделки. Из кусочка бамбука сделали трубку ему, рисовали рисунки. Василий брал старые книжки, их переплетал, и это тоже было подарком отцу — сделанное своими руками. С Василием мы пытались сделать модель автомобиля в подарок.

* * *

«Завтра»: — А в стране как отмечались? В прессе были поздравления? Он не считал день рождения праздником для себя и страны?

А.С.: — Да, были. Поздравления в газетах он читал, с юмором комментировал. Он не упивался превозношением себя,

а, напротив, принимал это как неизбежный ритуал, как вынужденное действие, не доставлявшее ему большого удовольствия. И ни в коем случае он не считал свой день рождения праздником — даже своим, а не то что страны.

Был интересный случай: 23 февраля 1948 года отмечался юбилей Советской Армии. Проходило торжественное собрание в Большом театре. Многие, пришедшие на это юбилей, больше говорили о Сталине и приветствовали его. Сталин никого не перебивал, но в небольшом перерыве между выступлениями он поднялся и сказал: «Товарищи, мне кажется, вы забыли, куда и зачем вы пришли. У меня сегодня нет юбилея. Вы пришли на юбилей Красной Армии. Так, пожалуйста, и говорите о Красной Армии».

— Может, в этот день он как-то по-особенному одевался, выходя к застолью?

— Одежда всегда та же самая, что и обычно. Мягкие сапоги, брюки прямые, заправленные в сапоги, закрытая курточка или френч. Все простое, просторное, удобное. У Берию, например, были сапоги, у которых носок как будто обрубленный. А у Сталина не острый, не фасонный, просто немного закругленный. Кто-то любит высокий каблук, кто-то еще какие-то фасоны. У него все — обычное, не вычурное, не кричащее. У него все в личном обиходе было усреднено, неброско.

— А гости приходили нарядно одетые или, как и хозяин, не наряжались?

— Ничего специально не надевалось. И Светлану специально не наряжали. Часто ведь девочку наряжают куклой. У Сталина в семье нет, все как обычно.

— В преддверии дня рождения и у нас, простых людей, некие хлопоты, радостное возбуждение.

— Не было этого, не ощущалось совершенно. Все буднично. Никаких особых ритуалов, все как всегда. Все дни рождения у всех членов семьи отмечали очень скромно. Ну вот, ставили пьесу на его день рождения. Это запомнилось. Устроили как-то детское представление: Светлана читала стихи, под эти стихи ребята подыгрывали в каких-то костюмах, немудряще изготовленных. Вроде как инсценировка. Когда-то у нее на дне рождения играли в разных зверюшек,

должны были их изображать. На меня медвежьей шкурой накинули, и я изображал медведя.

— А других людей, друзей, любимых писателей, артистов он сам поздравлял с днями рождения?

— Думаю, да. Но этого мы не видели, и нам об этом он не говорил. Обслуживающий персонал он всегда старался поздравить, сделать подарок, следил за этим, помнил. Это я видел и слышал: как он житейские пожелания адресовал, очень тепло. Он был очень внимателен к людям.

* * *

«Завтра»: — Во время застолья — не без рюмочки. А какие вина предпочитал Сталин?

А.С.: — Говорят, у него были какие-то любимые. Но их так нельзя назвать. Просто Сталин хорошо знал лечебные свойства грузинских вин. Он лекарствами не пользовался. А в зависимости от того, что нужно лечить, пользовался винами. На застольях за рюмочкой вина он разговаривал, и вина были элементом разговора. Не было цели ни напиться, ни упиться. Водка была на столе, когда были в гостях ее любители. А за семейным столом — нет. Да и крепленых вин, портвейна у Сталиных за столом не было.

Об отношении к вину говорит такой случай. На дне рождения кого-то, уже без Надежды Сергеевны, сидели за столом родственники Аллилуевы, Вася, Светлана и я. Сталин разливал вино по бокалам, налил понемножку вина и нам с Василием, Светлане, ее вино разбавил водой из графинчика, который был на столе во время еды.

Кто-то из женщин говорит: «Разве можно детям? Это же яд». Сталин отвечает: «Ядом змея убивает, а врач ядом лечит. Дело в том, кто, где и зачем. Хлебом тоже можно подавиться, а молоком упиться». И добавил: «Мораль нам, безусловно, нужна. Но моралистов у нас не любят». Да, он и членов семьи, в том числе детей, лечил винами. Ну не то что болезни, а недомогания. Детям вино разбавлял водой.

— Вино пили из бокалов, какие-то закуски специальные подавались?

— Нет, никакой особой сервировки. Вино пили из обыкновенных рюмок, закусывали тем, что обычно было на столе, могли быть еще орешки. Орехи Сталин любил.

— На празднествах Сталин якобы позволял себе ухаживать за женами соратников.

— Он живо вел застолья, был за столом очень общительным. Тосты все время произносил деловые или с подвохом в чей-то адрес, с иронией иногда. Но чтобы было заметно какое-то особое ухаживание за кем-то, я этого не видел и не чувствовал.

ОТНОШЕНИЕ К ИСКУССТВУ

«Завтра»: — Каким было в семье отношение к искусству, спорту?

А.С.: — Сталин не увлекался одной какой-то темой, он был человеком всесторонним. И когда шел о чем-то разговор, то по ходу приобретал широкое звучание, круг тем брался обширный, охватывались сразу многие проблемы, беседа таким образом касалась не только этой темы, происходило не узкое освещение какого-то вопроса, но обсуждение касалось и того, что вокруг, что влияло, помогало этому, что, может быть, мешало. У Сталина была прекрасная память. Он много читал, и первый вопрос, который задавал при встрече: что ты сегодня читаешь, о чем там написано, кто автор? Нужно было на его вопрос ответить: о чем читаешь, кто автор, обязательно, откуда он. Думаю, он неплохо разбирался в искусстве и подходил к произведению и с точки зрения мастерства, и классово-социальной точки зрения: с каких позиций написано. Мы с ним на эти темы беседовали, и Сталин говорил: «У нас много прекрасных историков, писателей, но человек пишет так, как он видит происходящее, а не так, как есть на самом деле. Он не может быть абсолютно объективным. Если человек вышел из среды рабочих, то главный упор у него — на работу и жизнь именно рабочих, а другие классы им освещаются меньше, потому что он жизнь рабочих знает лучше. А настоящий писатель хочет хорошо, достоверно написать. Человек из крестьянской среды лучше напишет о жизни, положении

крестьян. Настоящий писатель хочет написать лучше, а лучше он напишет о том, что сам пережил, сам знает».

Например, он нас с Василием посылал в театр, именно посылал, и говорил: «Посмотрите такой-то спектакль». А после просмотра спрашивал: что там, о чем, кто автор? Как-то мы были в Сочи. Тогда еще не было сочинского большого театра, а театральные постановки осуществлялись в небольшом зрительном театральном зале в Ривьере, и гастрوليрующие театры выступали там же. Мы смотрели пьесу «Исторический замок», поставленную Театром Революции, ныне — имени Маяковского. Я попытался рассказать, о чем спектакль. Сталин спрашивает: «Кто автор?» А я ответить не мог. Он, укоризненно покачив головой, сказал: «Эх ты, деревня!» И после секундной паузы добавил: «Неколлективизированная».

Он всегда думал о важном и первостепенном в происходящей жизни. Например, я рассказывал ему, как возник колхоз в деревне Усово, это становление было у меня на глазах. Сталин очень интересовался: «А кто председатель? А сколько дворов? О чем говорили? А есть ли трактор и другая техника?» Живо расспрашивал и заинтересованно выслушивал.

До этого мы с матерью жили на Кавказе. В 1928—1929 гг. до начала 1930 года мать занималась вопросами коллективизации Вольного аула и селения Актопрак около города Нальчик. Сталин расспрашивал: «Если ты слышал, знаешь, кто руководит, сколько людей, о чем они говорят, как они идут в колхоз, какие разговоры вокруг этого, что об этом думают люди — расскажи».

Пытаются талдычить, что он был оторван от жизни, от народа. Это неправда. Он всегда живо и больше всего интересовался делом, людьми, людьми в происходящем деле. Такие разговоры, о конкретных людях и делах, были у нас с ним не раз, допустим о шахтерах. Он нам рассказывал о Никите Изотове, что это человек, много и хорошо работающий.

* * *

«Завтра»: — А книги для чтения Сталин выбирал сам или ориентировался на вкусы друзей, соратников?

А.С.: — Сам. Книги выбирал сам. Он просматривал и прочитывал огромное количество литературы. Я сам не считал, сколько, но видел, что с утра до ночи он работает, видел, что он постоянно что-то пишет, читает. Ему подносят, уносят документы. Был такой комиссар артиллерийского управления Георгий Савченко, который знал еще родителей Сталина, знал его самого хорошо и близко. У него написано, что Сталин в день просматривает около 500 страниц. Думаю, так оно и было.

— Это была художественная литература или научная?

— Разная. Он никогда не ограничивал себя каким-то кругом авторов, а брал все и из всего делал выводы: кто есть кто, что есть что, из чего и как что можно сделать на пользу Советскому государству.

— Бывали ли в доме гости — деятели искусства?

— При мне нет. А вообще бывали. Я помню только, как Чиаурели приходил.

— Тот был просто в гостях или это был официальный визит к главе государства?

— Когда к Сталину в дом приходили люди по делам работы или просто в гости (но так или иначе это всегда было связано с работой), то приходили просто в хороший дом хорошего человека. У них при этом шел серьезный разговор, интересный всем. И, безусловно, это было полезное общение для всех присутствующих. Сейчас некоторые утверждают, хотят уверить, что если люди шли к Сталину, то чуть ли не как на Голгофу. А если не на Голгофу к нему, то от него уходили на нее. Это ложь! Совершенно не так! Люди приходили, и шли интереснейшие серьезнейшие разговоры. Причем никогда серьезность, значимость этих разговоров не была окрашена в мрачный тон какого-то допроса, требования, не было жестких рамок. Сталин всегда мог раскрыть человека, именно раскрыть, чтобы понять того...

— При Сталине было мощное движение по ликвидации безграмотности, открывались библиотеки, кружки, театры. Видимо, он считал, что через искусство можно перевоспитать людей, создать нового человека?

— Я не слышал такого нарочитого специального разговора о перековке какой-то. Он склонялся к тому, что у человека должны быть и, как правило, есть убеждения. Кого-то

можно переубедить, кого-то нельзя. И с этим надо считаться и иметь в виду.

— Сталинские премии в области искусства были, скажем современным языком, престижны и авторитетны. Их присуждение было инициативой Сталина или он поддерживал чью-то?

— Деталей я не знаю, как все это задумывалось. Но, как известно, это деньги его, его инициатива. Как правило, он определял, кому ее дать. А деньги шли из гонорара за миллионные тиражи его трудов. Он как таковых денег не держал, а распределял, куда они должны пойти. Надо отметить, что все свои труды он писал сам. Писал от руки. Не в тетрадях, а на листочках. Ему приносили запрашиваемые им документы, материалы. Он был обложен книгами, газетами, брошюрами, просматривал материалы, сразу же писал. Написанное определялось по местам, куда пойдет: что-то в прессу, что-то в архив, что-то в качестве рекомендаций, а что-то было строго секретно с длительным сроком хранения. Что-то было в одном экземпляре, что-то в нескольких, а потом все экземпляры, кроме одного, должны быть уничтожены. Он сам всегда определял расчет рассылки. И при всем обилии материалов у Сталина на рабочем столе всегда был идеальный порядок.

— Какие жанры, виды искусства он особенно любил, в чем это проявлялось? Были у него любимые актеры, певцы, писатели?

— Да, надо сказать, он любил кино. Фильмы Эйзенштейна, Александрова очень нравились ему, любил и ценил, как играет Орлова. Бывал в Большом театре нередко. Нравилась ему «Псковитянка», «Царская невеста». Понравилась ему опера «Хованщина»: музыка, постановка. После спектакля, когда собрались в комнате за ложей, он похвалил постановку, с исторической точки зрения оценил оперу, объяснил, что явилось мотивом ее написания. Нравилась Сталину балерина Марина Семенова. На годовщину Советской власти 6 ноября 1936 года было торжественное собрание и концерт, среди многих номеров прекрасно, с блеском Семенова исполняла «Кавказский танец». Танцевала в светло-серой черкесске и каракулевой светло-серой «кубанке», и когда она последним жестом сдерживала «кубанку» с головы, у нее по плечам рассыпались белые курые волосы. Впечатление на зрителей это производило ог-

ромное, все кричали «браво», «бис». Семенова не повторила номер, но пришла поклониться к левой ложе, где сидел Сталин (прямо над оркестровой ямой, почти у самой сцены). Все кричали «бис», Сталин наклонился к балерине, что-то ей сказал, может, слова поощрения. Она кивнула, дала в оркестр какой-то знак жестом и станцевала снова. Затем, после концерта, все собрались в комнате за этой ложей, обменивались мнениями, и я слышал, как Сталин сказал: «А Семенова лучше всех».

Он любил то, как мне кажется, из чего можно извлечь пользу для его дела, его государства, для проводимой им политики, что могло принести наибольшую пользу и дать наивысший эффект. Любил и кино, и артистов. К примеру, был народный артист СССР Алексей Дикий. Я много разговаривал с его сыном, тоже артистом. Он рассказывал, что после того, как Дикий сыграл Сталина в фильме, Сталин его пригласил, они беседовали. Сталин спросил: «А каким вы играли товарища Сталина?» На что артист ответил: «Я играл товарища Сталина таким, каким его видит народ». Сталин сказал: «Да». Взял бутылку коньяка, протянул ее артисту и сказал: «А это вам за правильный ответ». Он понимал, что он не бог, а человек.

— Но, думается, Сталин понимал, что люди в нем видят идеал. Было ли ему, на ваш взгляд, трудно соответствовать этому?

— Соответствовать идеалу народного воображения в том объеме, когда он был на людях, — это одно. Было много писателей, журналистов, ответработников, которые могли формировать его образ. Он все это очень хорошо понимал. Взять его разговор с Фейхтвангером. Тот говорил, что образуется культ: куда ни посмотришь — везде Сталин. Сталин на это сказал примерно так: «Люди должны во что-то верить. Царя нет, Бога отняли, а верить должны».

* * *

«Завтра»: — В те времена был и расцвет спорта, физической культуры. А сам Сталин занимался спортом в какой-то форме? Может, утреннюю гимнастику делал? То и дело слышишь о том, что у него одна рука была «сухая». Насколько это было заметно и было ли так вообще?

А.С.: — Рука у него в локте до конца не разгибалась, была повреждена. Но кто этого не знал, мог и не заметить. Мол, одна была короче. И по длине, по размеру руки были одинаковы. Я общался очень близко, но не видел, чтобы разница какая-то была. Сталин прекрасно стрелял из пистолета, револьвера, винтовки, из охотничьего ружья. Он тренировался в стрельбе, пусть и не очень часто: ставил ружейную гильзу на парашетик и стрелял в нее из пистолета. Брал нагановскую гильзу и стрелял из малокалиберной винтовки. О-очень метко стрелял! Очень метко! И нам с Василием говорил: «Оружие надо знать, стрелять надо уметь». Под Нальчиком была дача Затишье, где и я бывал очень часто, поскольку моя мать тогда работала директором санатория возле Нальчика на хуторе Долинском. В 1929 году летом на той даче были и Светлана, и Василий. Однажды Сталин спросил меня: «Ты стрелять умеешь?» Я ответил, что немножко умею. Он взял пневматическую винтовку «Диана» немецкой фирмы «Диана», дал мне, поставил папиросную коробку, чтобы я в нее попал. Я попал. «Еще раз попади», — говорит. Попал. «Еще раз». Попал.

Тогда он взял спичечную коробку: «Попади». Попал. Сталин говорит: «Стрелять умеешь. Чтобы хорошо стрелять, надо постоянно тренироваться. Поэтому эту пневматическую винтовку «Диана» возьми себе и постоянно тренируйся». Тут же дал мне пульки — боеприпасы. Мне было 8 лет.

— Вы с Василием занимались в конной секции, на лыжах ходили. Это поощряли ваши родители?

— Мы очень любили кататься на лыжах и особенно — кататься с гор. Тогда не было специального оборудования: лыжи с резинкой на валенках. И бились мы с Василием при этих катаниях здорово. Но мы знали: как бы сильно ни ушиблись, мы не должны жаловаться. И Сталин никогда не будет нам выговаривать, как другие иногда: «Ах, осторожней, берегитесь, не катайтесь». У него не было таких разговоров, излишней опеки. Сильные ушибы у нас были: и прихрамывали, и ходили с синяками, шишками — но знали, что нам ничего не будет, если Сталин увидит, а будет плохо, если пожалуемся. Мы должны быть терпеливы, смелы, не ныть, не бояться рисковать. Сталин подтрунивал порой над нашим побитым видом, но никогда не делал замечаний, что ты, дескать, неос-

торожен, дескать, надо беречься. Без падений в этом деле не обойтись, без них не будет успехов. И если ты на лошади едешь — тоже. Сам он в детстве ездил верхом и тоже бился. Он считал, что единственное, что ты при этом не должен, — жаловаться. Мы это знали и усвоили очень хорошо: ты должен делать все отлично, терпеть и не распускать нюни.

— Вы сказали, что Сталин ездил верхом. Но говорят, что он боялся лошадей, поэтому, хотя сам хотел принимать Парад Победы, поручил это Жукову.

— Полная чушь! Человек он был смелый, и предположения, что боялся чего-то там, — глупость. Но он был и реалист, человек трезвых взглядов и оценок, в том числе себя и своих возможностей. Для того, чтобы ездить верхом, нужно тренироваться, требуется много времени. А у него не было времени для личных дел. Подготовка к параду потребовала бы большое количество времени: Сталин должен был бы показать класс. Вообще верховая езда — дело непростое. Даже посадка на лошадь — непростая вещь: попробуйте-ка с земли забросить ногу в стремя! Настоящие наездники о Жукове говорят: классика. Его езда была настоящей классикой. Нельзя же уподобляться Булганину, которому был нужен самоходный теленок. Он один раз поехал верхом и на шею коня выскочил. Его уж там держали, чтоб не дай бог... Прокатился! После этого к лошади уже не подходил. И уже не тот возраст был у Сталина, состояние, что он прекрасно понимал и отдавал себе отчет. Например, Лев Николаевич Толстой ездил верхом в весьма преклонном возрасте. В хронике его жизни можно увидеть, насколько он натренирован. Но Толстой постоянно ездил верхом, а Сталин постоянно этим не занимался. Конечно, никакого разговора об этом — самому Сталину верхом принимать Парад Победы — даже быть не могло. И нынешние разговоры об этом — полная чушь!

КАК СТАЛИН ПРОВОДИЛ ДОСУГ

«Завтра»: — Артем Федорович, как Сталин проводил досуг, в частности, в Сочи, где была построена госдача?

А.С.: — Дача в Сочи была построена в 1933 году по проекту архитектора Мержанова, того, кто проектировал и дачу

в Волынском. Место было выбрано из-за Мацесты, где возможно лечение болезни суставов, и приезжал туда Сталин не отдыхать, а лечить ревматизм. На воды сначала ездили на машине, а потом поставили насос, провели трубу, получился маленький бассейн или большая ванна, и не приходилось отлучаться надолго и отрываться от работы. Когда создавался курорт, там было еще неблагоустроено. Сохранилось много относящихся к 1925—1930-м годам писем Надежды Сергеевны Аллилуевой к моей матери из Сочи о том, что там сыро, болото, неблагоустроено, дожди, но там Мацеста, лечебная вода, которая так нужна. Думаю, лечение помогало Сталину, иначе он не ездил бы туда, начиная с конца 1920-х, практически каждый год. Поначалу он жил на старых, дореволюционных дачах, пока не была построена эта.

Дача представляла собой двухэтажный кубик, покрашенный, в том числе крыша, зеленой краской — под цвет местности. Сталин не любил яркие тона. Был дом 9 на 9 метров приблизительно, располагался на взгорочке.

От входа в сторону моря до самой терраски до веранды шел коридор. Дом был этим коридорчиком перерезан от входа до задней стенки, обращенной к морю. Далее был туалет, лестница на второй этаж, маленькая служебная комнатка. Слева маленькая комната, навроде чуланчика. Далее комната, где размещались гости. И прямой выход на веранду. На втором этаже, если встать лицом к морю, направо было две комнатки, туалет, налево чуланчик. На втором этаже жил Сталин и, когда приезжал, Киров.

От дачи к морю шла посыпанная мелкой морской галькой зигзагообразная дорожка километра в полтора. По ней можно было ехать на машине.

Был небольшой отдельно стоявший служебный домик для охраны. На территории дачи она была минимальна: редко можно было увидеть больше двух охранников.

Огорожена территория не сплошным непроницаемым забором, а штакетником, легкие ворота выходили прямо на Приморское шоссе, а в Сочи на Мацесту. Перейти через дорогу — и сразу берег моря.

Сталин практически не плавал: он — горец, а горцы, как правило, не любители купаться. А Киров любил плавать, хо-

рошо плавал так называемыми саженьками. Он почти каждый день ходил к морю, Сталин его сопровождал, сидел на берегу и ждал, пока Киров искупается.

Дача в Сочи была государственной. У Иосифа Виссарионовича вообще ничего в собственности не было. Было ружье, подаренное английскими рабочими, патроны к нему он покупал. Еще у него над кроватью в Кремлевской квартире был небольшой коврик с изображением Ленина, подаренный туркменскими ковроткачихами.

Любил Сталин играть в городки, и на дачах были разбиты городошные площадки. В Сочи площадка была немножко выше дачи, там он играл с Кировым и Буденным: они все любили и много играли в городки. Это была хорошая разминка и проверка самого себя: а не притупился ли глаз? Не ослабла ли рука? У каждого был свой стиль игры. Сталин играл метко и очень размеренно — лишние силы он в удар не вкладывал. Киров бил немного сильнее. Буденный бил так, что бита втыкалась в ограждение, пробивала его, — настолько мощный был удар. Рука у Буденного была просто железная.

По ходу игры всегда шел разговор, в котором часто обсуждались конкретные события. Обсуждались они таким образом: вот какие-то события. И кто-то как-то ударил, каков удар, бита залетела слишком далеко, или не долетела, или промазал кто-то. С юмором это комментировалось. Припоминались по ходу обсуждения игры какие-то конкретные события. То есть игры как развлечения не было, а игра происходила как бы между делами. Очень остро, остроумно шутили. Юмор всегда относился к конкретному факту или человеку.

На даче была бильярдная. Сталин хорошо играл и в бильярд. Как-то он пригласил Калинина и обыграл всухую. Калинин шутливо страшно возмущался, указывая на низкое социальное происхождение, что, мол, порядочный хозяин, человек аристократического высокого воспитания, пригласив гостя, должен был проиграть, уважить, «А ты что? (он на «ты» к Сталину всегда) Сухую мне вкатил?»

Калинин был своеобразным человеком: высочайшего класса слесарь-лекальщик и большой специалист в крестьянском деле. Сталин любил и уважал его не только за предан-

ность, ум, но и за то, что он достиг больших высот и в труде рабочего высочайшей квалификации. Сталин уважал умение человека в любой отрасли — пусть то будет искусство, наука — и в очень большой степени, если это непосредственно ручной труд рабочего или крестьянина. Он очень ценил людей физического труда.

* * *

На даче в Сочи Сталин и Киров работали, в частности, над указаниями по составлению учебника по истории СССР, который вышел в 1945—1946 годах под редакцией профессора Шестакова. Нам с Василием дали книги по древней истории Илловайского и Бельярминова, нужно было прочитать и отвечать на вопросы, выполнять задания. Ну, пока не приехал Киров, у нас еще было свободное время, а потом мы даже забыли, что рядом море. Книги были не просто старые: над ними работали не один десяток, думается, читателей. И когда Сталин нам эти книги дал, мы их положили на открытую терраску, где с Василием и жили. А сами убежали на соседнюю дачу играть в волейбол. Возвращаемся и издалека видим белые пятна на взгорочке, на котором находится дача, ходит Сталин, нагибается, подбирает что-то. Мы припустили, подбегаем, смотрим: Сталин собирает листы. Оказывается, налетел ветер, порывом его учебник, а это был тот, что достался мне, разметало, и Сталин собирал разлетевшиеся листы.

Увидев нас, сказал пару серьезных резких слов в мой адрес: «А ты знаешь, что в этой книге?» Затем очень спокойно объяснил, что здесь описаны тысячи лет истории, что книга далась потом и буквально кровью сотен людей, которые собирали факты, фиксировали, разными способами передавали, переписывали, хранили сведения. Потом ученые десятки лет перерабатывали эти материалы, чтобы дать нам представление об истории человечества. «А ты?!»

Сказал привести книгу в порядок. Мы взяли шило, суровые нитки, клей (кстати, Василий в свои 13 лет имел элементарные навыки переплетного дела, и вообще он был хорошим рукоделом), пару дней возились с этой книгой: под-

бирали листы, складывали, сшивали, сделали обложку из крепкой бумаги. Работу мы выполнили аккуратно и с большим усердием. Показали починенную книгу Сталину, он сказал: «Вы хорошо сделали. Теперь вы знаете, как надо обращаться с книгами». Мы тут же ему, что мы и раньше не хотели ее портить. Мы не знали, что она совсем не сшита и что налетит сильный ветер, который ее развеет, получилось все неумышленно. Но это был такой урок, что с тех пор я даже газету порвать не могу. Сталин на это сказал: «Имейте в виду: у ветра может быть большая сила. Он может и помогать, и разрушать». И тут же нам рассказал, что создаются ветровые двигатели, которые с помощью ветра дают электроэнергию. Спросил: «Вы про ветряные мельницы знаете? Ветер у таких мельниц вращает валы, давит на лопасти, на крылья, крутит вал, а вал крутит жернова, которые и размалывают зерно до муки. Есть книги про мельницы. Почитайте. Там вы найдете много интересного».

По ходу разговора Сталин объяснял многие вещи так понятно и доходчиво, что запоминалось на всю жизнь. Мы с Василием, получив задания, отвечали на вопросы Кирова, Сталина, и я не помню, чтобы даже учителя в школе могли так формулировать вопросы, столь просто и понятно объяснять. Например, отвечая, я перепутал и вместо «Плутарха» сказал «плутократ». Сталин подшутил надо мной, но тут же растолковал значение слов «плутократ», а затем «демократ», «аристократ». Рассказал о Плутархе больше того, что было в книге. При объяснении значения слова «плутократ» коснулся политической обстановки в мире и стране. И все — очень ненавязчиво, доступно для понимания.

Ну а если мы не на «отлично» выполняли задания, Сталин спрашивал: «Дорогой товарищ Киров, как вы думаете, будем мы наказывать их сегодня?» Киров отвечал: «Великий вождь, давай не станем их наказывать на этот раз. Простим их». «Да? Считаете, что нужно на этот раз простить? Тогда так и сделаем, сегодня не станем их наказывать». Они очень дружили с Кировым: он после Надежды Сергеевны был самым близким другом. Сталин о-очень хорошо относился к своему тестю Сергею Яковлевичу. Но у того в какой-то мере была своя жизнь.

Конечно, не только над учебником там Сталин работал, но и, как всегда и всюду, много трудился. Каждый день он получал большую почту, работал там телеграф. И практически ежедневно прибывал самолет Р-5 фельдъегерской связи. Прилетал на находившийся на территории Сочи аэродром, предназначенный для легких самолетов: Р-5, У-2 (тоже самолет Поликарпова, созданный еще в 20-х годах). Доставлялись материалы и отвозились проработанные. Сталин не любил скопление бумаг. Он к документам относился очень серьезно. И, по рассказам, никогда не допускал лишних экземпляров документов. Расчет рассылки, как правило, делал сам. Потому-то так трудно было противникам узнать планы Сталина и его решения. Ведь как узнавали? Документы прочитывали, крали их. А у Сталина свободных документов не было. Он очень заботился о соблюдении режима секретности.

* * *

На даче Сталин ходил обычно в светлом костюме из «коломенки». Это материал такой, полотно с самым простым пересечением, один из способов ткани материала.

На ногах, как правило, сапоги шавровые мягкие, не широкие. Надо сказать, все, во что Сталин был одет, было красиво. Сапоги были красивы. Мне одни пришлось донашивать. Когда началась война, я отправился на нее в яловых сапогах, они были там самой удобной обувью. А сталинские сапоги отдал уборщице с фабрики, где директором была моя мать. Считал, что мне они там не нужны, а людям пригодятся в сложное время.

Про обувь не знаю, где Сталин заказывал или покупал, а костюмы ему шил Абрам Исаевич Легнер. Он был очень уважаемым человеком, хотя сам закраивал, то есть был портным, пусть и имел звание полковника, был начальником мастерской, но туда его привело высочайшее мастерство.

Кстати, у Сталина была такая особенность. Были вопросы, в которых он считал себя достаточно компетентным, — и решал. Но откуда Сталин все знает, Сталин все может лучше всех? А он с помощью своих помощников, своим чутьем на-

ходил великих мастеров, которые являлись его советниками, хотя официально не было такой должности.

Так, по вопросам пошива и портновского дела его консультировал Абрам Исаевич Легнер. По вопросам архитектуры — замечательный архитектор Желтовский. В военном деле для него авторитетом был Борис Михайлович Шапошников, маршал впоследствии. Обычно Сталин к людям обращался по фамилии. А если очень уважал — по имени-отчеству: к Шапошникову — Борис Михайлович, к Лернеру — Абрам Исаевич.

— А к своему близкому другу Кирову?

— «Дорогой товарищ Киров». А Киров к нему — «Великий вождь». Конечно, это ирония была. А на официальном уровне — товарищ Сталин, товарищ Киров. Киров знал свою роль, свою близость душевную, и в личных отношениях у них не было никакой официальности. Они могли что угодно рассказывать друг другу, как угодно подтрунивать над некоторыми качествами, все это было именно чисто дружеское.

...Добирался Сталин до Сочи поездом. Там пользовался автомобилем, привезенным из Москвы, «роллс-ройс», 1929 года выпуска, кажется. Потом обратно в Москву его увозили. На то время не было отечественных автомобилей необходимого уровня надежности. На «Л-1» он пытался ездить, на ЗИС-101. Но неудачно. А во время войны был выпущен ЗИС-110, на который Сталин сел и уже постоянно на нем ездил. Сталин всегда пользовался вещами отечественного производства, а импортными только в том случае, если у нас это не производили.

В Сочи мы как-то застряли на машине, надо было подкапывать, подбежали рабочие, вытащили машину. Сталин их спрашивает, сколько те получают в день, и им деньги каждому отсчитывает. Они: «Товарищ Сталин! Что вы?! Да мы бы на руках вынесли!» Сталин: «Нет, вы работаете, а я здесь отдыхаю. Вам надо восстановить силы». Они — ни в какую. Он тогда: «Кто из нас здесь старший?» Ему, конечно, мол, вы. «А старшего слушаться надо». Он не допускал, чтобы за ним был долг или задолженность какая-то. И всегда за этим следил, чтобы не быть так или иначе в долгу: все должно оплачиваться, труд человека надо уважать. Это был один из главных его принципов.

Всегда благодарил людей за услуги, за работу. Вот были в Абхазии. Кто-то кого-то из ружья приветствует — бах! Тот в ответ тоже — бах! Ну и потом у одного абхазца попросили барашка. Власик это организовывал. Сталин тут же отдает деньги за барана. Хозяин: «Коба, Коба, нет, никогда в жизни не возьму!» Сталин ему: «Я приехал сюда отдыхать. Это когда царь ехал — он со своих подданных дань собирал. А я не царь и не барин. Ты трудишься, это стоит денег. Я не в гости к тебе приехал. Вот когда я приеду в гости, ты меня угостишь».

В Сочи Сталин приезжал обычно в августе и был до сентября-октября. Перед празднованием годовщины Революции возвращался и всегда был 6 ноября на торжественном собрании в Большом театре.

СТАЛИН И ВОЙНА

«Завтра»: — Артем Федорович, где вас застал День Победы?

А.С.: — Наша бригада участвовала в заключительной наступательной Пражской операции: из Южной Германии на Прагу. Что Германия капитулировала, узнал в ночь на 9 мая от наших солдат-радиостов, которые услышали эту новость первыми сначала друг от друга, потом связались с радистами штаба корпуса, те — с радистами штаба артиллерии армии, а те уже от фронтовых узнали, что об этом объявила Москва. Но она окончилась в Берлине, а мы буквально рвались в бой, шли дальше на Прагу. Утром 9 мая мы были в Праге, а там было ликование: ведь так быстро нас никто не ждал, думали, что первыми войдут американцы. Нам пришлось идти дальше, вперед через Прагу, потому что группа армии «Центр» фельдмаршала Шернера уходила в сторону американцев. Мы должны были ее перехватить, поэтому были организованы преследование, бои. А через три дня, 12 мая, и для нас война закончилась. Затем мы пошли в Венгрию, собрали всю бригаду, привели все в необходимый порядок, организовали службу, нужно было не потерять боеспособность и не терять бдительность.

— А Василий Сталин где был в мае 1945-го?

— Он был в Германии командиром авиационной дивизии.

— Чувствовал ли Сталин эту победу не только как победу страны и народа, но и личную, как вы считаете?

— Не могу за него говорить, что он чувствовал и испытывал, но думаю, что человек, который в течение стольких лет руководит государством, сделал столько для достижения победы, дело, которому он посвятил жизнь, победило, конечно, не может не испытывать торжества. Но тут надо сослаться на слова Черчилля о Сталине: «И во время отчаянного положения, и во время торжества он был одинаково спокоен».

Сейчас столько визга и писка вокруг мероприятий и мер, которые предпринял Сталин как глава государства и Верховный Главнокомандующий, чтобы как можно скорее и эффективнее подготовиться к войне. Дескать, торговали экспонатами Русского музея, Третьяковской... А ради чего этого делали? Что, яхты и футбольные клубы за рубежом на эти деньги покупали, как сейчас, когда все распродают? Деньги тратили на обеспечение обороноспособности. Лучше было бы не обеспечить подготовку к войне, и тогда эти самые экспонаты кому бы достались, для кого их сохранили бы?

— Участвовал ли Василий, вы в Параде Победы?

— Я был в это время в Венгрии, Василий служил в Германии, поэтому в параде мы не участвовали. Мы очень напряженно и после войны работали: должны были приводить войска в состояние мирного времени, расквартироваться и сохранять боеготовность.

— Сталин вас поздравлял с Днем Победы?

— Нет, лично не поздравлял.

— Был ли Сталин в курсе, что вы, Василий получали награды?

— Он не мог не знать, что Василий получал награды. Но Василий на этот счет так говорил: «Пока все мои ребята не будут награждены, мне ждать награды нечего. Орден мне — своего рода подарок и отцу. А на подарок ожидают отдарок, и отдарок непростой». Потому у Василия наград немного, хотя он воевал — по отзывам всех боевых товарищей — смело, самым бесстрашным, достойным образом.

— Какое отношение на войне было у бойцов к Сталину? Ведь были и отступления, и потери.

— Было так: «Раз Сталин есть — значит мы победим. Если Сталин в Москве — значит немцам Москву не взять, если Сталин верховный главнокомандующий — значит немцам нас не победить». Когда было очень тяжелое положение, говорили: «Сталин знает, что делает, и знает, что нужно делать». У подавляющего большинства было к нему безграничное доверие и уважение.

— В знаменитом послевоенном тосте «за русский народ» Сталин говорил, что другой народ сказал бы, что мы не хотим такого правительства. Понимал ли он свою ответственность за неуспехи?

— Тут дело такое. Когда мы были в немецком тылу в начале войны, в 1941-м, то кое-кто так высказывался: вот, говорили «и на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью могучим ударом», а что на самом деле? Но большинство солдат страшно злились на эти слова и буквально угрожали тем, кто такие вещи пытался говорить. А иногда и били за это.

Не знаю, что Сталин думал, могу лишь предположить. В любом случае, если ты терпишь какой-то неуспех, то чувствуешь свою ответственность. Но ведь Сталину удалось мобилизовать страну. Конечно, за счет социалистической системы государства, нашего великого народа, но и за счет его колоссальных личных способностей, умения: трудоспособности, прозорливости, благодаря выдающимся качествам руководителя. Еще и потому, что его слова не расходились с делом. Что он говорил — исполнялось. Если он обещал — выполнял, никого не обманывал, доверия к себе не поколебал. Он все всегда продумывал до мелочей и мог, ставя задачу, давать конкретные советы, как ее выполнить. Это было характерно для него: не только дать задание, но и при необходимости в деталях объяснить, как его лучше выполнить. И знал, что выполнимо, а что — нет.

Возьмите такую важную вещь, как обеспечение секретности приказов, планов. Маршал Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ), рассказывал, как это было. Вот шла работа, идет обсуждение какое-то. Тут же за загородками, не на виду, сидят секретари, которые по тону понимают, что является элементом дискуссии, а что — элементом оперативной директивы, и параллельно работают над оформлением документа, и в конце работы он уже готов. Сталину подавали готовый документ, он брал карандаш, делал необходимые пометки, исправления, писал расчет рассылки. Этот документ размножался в необходимом количестве экземпляров. А исполнители, участвовавшие в обсуждении, расходились по своим рабочим местам. Яковлев вспоминает, что приезжает на рабочее место после этого обсуждения, а его уже офицер безопасности ждет с готовым документом — очень оперативно добиралась фельдъегерская служба. Предъявлял офицер эту бумагу, исполнитель работал с ней, делал нужные выписки, а офицер, доставивший документ, глаз с этой бумаги не спускал. Когда человек отработал документ, доставивший его забирал, отвозил обратно — сам документ возвращался и на руках у исполнителя не оставался. Не было возможности снять копию. Таким образом строжайше соблюдался режим секретности, что в условиях войны очень важно.

— Сталин был удостоен звания генералиссимус...

— Генералиссимусы были, во всяком случае, и помимо Сталина: Шеин, Меншиков при Петре, Франко в Испании был генералиссимус, Чан Кай Ши в Китае. Но таких побед никто не одерживал. Не Сталин должен был гордиться чином генералиссимуса, а сам по себе повышался статус этого звания, потому что его носил Сталин.

— Вводились тогда новые ордена, ввели погоны, снимались исторические фильмы на патриотические темы. Это играло роль для повышения боеспособности? Понимал, что для победы важен дух народа?

— Делал это Сталин последовательно именно тогда, когда этому способствовали или требовали обстановка, обстоятельства. И не раньше. Введены персональные воинские зва-

ния в 1935 году, в 1940 году — генеральские звания, потом учреждена гвардия, погоны как знаки различия. Думаю, не только понимал это, но и фактически заказывал соответствующие фильмы. Они производили колоссальное впечатление, и предвоенные, и военные. И сам я испытывал эти чувства и был свидетелем, как они действовали на бойцов.

— А в атаку и правда шли с криком «За Родину, за Сталина!»?

— Там такая вещь: в атаке один мат или крик — это угрозы в адрес врага, ярость. Но перед атакой, перед боем или после, да, такие разговоры совершенно искренние были. Однажды после очень тяжелого артиллерийского боя я послал трехлитровую бутылку на орудие, солдаты которого особо отличились. На бутылки Женя Ганнушкин, тогда артиллерист — разведчик, а впоследствии известный художник книжной графики, нарисовал и написал «За отличную стрельбу от командира полка». А солдаты уже пустую тару прислали, приладив другую наклейку с надписью: «Наш уважаемый командир! Мы за Сталина и против Гитлера готовы в огонь и в воду и в самый Берлин. Мы выполним любой приказ». И всем орудийным расчетом расписались.

— Чувствовали ли вы, солдаты войны, что страна едина и руководство с вами?

— Государство было единым военным лагерем: и солдаты войны, и солдаты труда были бойцами единого победоносного лагеря. Мы это чувствовали: тыл все делает, чтобы мы на войне были всем обеспечены, а в тылу знали, что мы все делаем, чтобы победить. У нас не было сомнений, что с врагом борется вся страна, каждый на своем месте. И мы абсолютно верили своему Главнокомандующему, который привел нас всех к Великой Победе.

ОТНОШЕНИЕ СТАЛИНА К РЕЛИГИИ

«Завтра»: — Велись ли дома разговоры о религии? Каким было отношение Сталина к религии: может, Пасху отмечали?

А.С.: — Нет, ни Пасхи, ни других праздников церковных не отмечали. А выражения с упоминанием бога дома употреблялись. «Слава богу», например, «Не дай бог!» и «Ради бога»

Сталин сам нередко говорил. Я никогда не слышал от Сталина ни одного плохого слова в адрес церкви и веры. Помню, такой случай году в 1931-м или 1932-м. Напротив школы, где учился Василий, во втором Обыденском переулке, был храм. Как-то, когда там шла служба, мальчишки возле пробовали стрелять из пугача. Василий в этом участия не принимал, а рассказывал отцу об этом. Отец спрашивает: «Зачем они это делали? Они же, молящиеся, вам учиться не мешают. Почему же вы им мешаете молиться?» Далее спросил Василия: «Ты бабушку любишь, уважаешь?» Тот отвечает, мол, да, очень, ведь это — твоя мама. Сталин говорит: «Она тоже молится». Василий: «Почему?» Отец отвечает ему: «Потому что она, может, знает то, чего ты не знаешь».

Сам Сталин хорошо знал вопросы религии, книг у него было немало, в том числе по вопросам и истории религии. И сам он писал важные работы на эту тему. Например, в статье «Против разрушения храмов» он говорит, что храмы — это памятники культуры нашей Родины, разрушать их — это разрушать памятники культуры. В статье «О запрещении преследования за веру» он говорит о необходимости прекратить преследования людей за веру и выпустить священнослужителей из тюрем, если за ними нет уголовных преступлений.

Я был на похоронах Сталина «от и до», и среди людей, пришедших с ним попрощаться, было немало церковных служителей. Они в своих одеяниях проходили мимо гроба и крестились.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Воспоминания Я.Е. Чадаева

(записал Г.А. Куманев)

ПРЕДИСЛОВИЕ Г.А. КУМАНЕВА

В годы Великой Отечественной войны имя Якова Ермолаевича Чадаева было хорошо известно многим советским людям. Ряд важных правительственных постановлений, и в первую очередь о присвоении генеральских и адмиральских званий, периодически публиковались в печати за двумя подписями: Председателя Совнаркома СССР И. В. Сталина и управляющего делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаева.

Именно на посту управляющего делами правительства раскрылся талант Чадаева как видного государственного деятеля. Благодаря недюжинному уму, удивительной памяти, высокой степени организованности, инициативе и четкости в работе он умело справлялся с огромной и ответственной нагрузкой. Во всяком случае за все время пребывания на такой важной должности, как свидетельствовал сам Чадаев, он не получил ни одного замечания от «хозяина Кремля», хотя в столь тяжелый период ему приходилось трудиться в чрезвычайно напряженном ритме по 14—16 часов в сутки, контролируя подготовку многих документов и давая ход нескончаемому потоку дел.

Лишь однажды Сталин обратил внимание Чадаева на одну, как ему казалось, допускаемую оплошность или недочет. Как-то, выйдя во время заседания Бюро Совнаркома в приемную, Сталин увидел там большую группу наркомов, ожидающих вызовов по своим вопросам.

«После окончания заседания, когда мы остались вдвоем, — вспоминал бывший управделами СНК, — Сталин подождал меня. Я удивился и терялся в догадках. При этом, естественно, волновался. Глаза из-под его густых ресниц смотрели на меня строго. «Вот что, — сказал Сталин. — Не годится, когда много людей вызываете заранее, а потом они зря тратят время на ожидание. Следующий раз этого не допускайте». Я сразу же ответил: «Слушаюсь, товарищ Сталин». Но все-таки добавил: «Сколь не говоришь им не приходить рано, они все равно приходят». «Ну что с ними поделаешь», — сморщился Сталин и отправился к выходу».

Как рассказывал Чадаев, обнаружив в нем умение не только стенографировать и составлять хорошие протоколы, но и готовить удачные проекты различных постановлений, Сталин для этой цели стал приглашать управделами Совнаркома почти на все заседания Политбюро ЦК, СНК, а в период войны — и Государственного Комитета Обороны.

Чадаев обеспечивал визирование правительственных документов руководящими государственными и партийными деятелями и практически каждый день бывал в кабинете у Сталина по его вызову или по собственной инициативе, получая текущие задания, в том числе по подготовке тех или иных проектов решений и распоряжений. Наряду с этим вел и соответствующие записи обсуждавшихся там вопросов и бесед. Многое из записанного тогда Яковом Ермолаевичем, включая воспроизведенное по «живым следам» в домашней обстановке, составило основу его воспоминаний...

Познакомил меня с Я. Е. Чадаевым бывший первый заместитель наркома танковой промышленности СССР, Герой Социалистического Труда, генерал-полковник Алексей Адамович Горегляд. 24 апреля 1979 г. он выступил с воспоминаниями на заседании сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР. Когда заседание окончилось, Алексей Адамович предложил мне захватить вместе с ним в гости к своему давнему другу Я. Е. Чадаеву. «Это недалеко, в доме по улице Серафимовича, где театр эстрады, — сказал Горегляд. — Мы давно с ним не виделись: Яков Ермолаевич долго болел. Договорились о встрече как

раз сегодня. Он очень интересный человек. А сколько знает разных историй! Ведь он был, по существу, во время войны одним из помощников Сталина».

Я. Е. Чадаев был весьма рад нашему визиту и встретил нас очень приветливо. Сразу же усадил за стол и стал угощать чаем. Проведенные у него полтора часа, заполненные многочисленными воспоминаниями, промелькнули быстро и незаметно.

После этого было еще немало встреч и откровенных бесед, в основном у него на квартире. Наши отношения стали теплыми и дружественными. Удовлетворяя мой интерес, он много рассказывал о Сталине и его ближайших соратниках, о стиле их работы, давая им хотя и краткие, но меткие и образные характеристики.

Далее даются выдержки из моих бесед с Я.Е. Чадаевым.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ

— Эту встречу я запомнил в деталях на всю жизнь, — сказал Яков Ермолаевич. — Была вторая половина апреля 1940 г. Я только что вернулся с Сельскохозяйственной выставки, где с группой контролеров Комиссии Советского Контроля проверял состояние дела с завершением работ к открытию выставки, как позвонил телефон и меня вызвали в Кремль к И. В. Сталину.

Мне еще ни разу не приходилось бывать у Сталина, хотя за последние два года я часто вызывался в Кремль к отдельным руководителям партии и правительства.

В назначенный час я явился в приемную Сталина, где за письменным столом сидел А. Н. Поскребышев. Поздоровавшись со мной, он сказал:

— Пошли!

Мы вошли в коридор.

— Вот здесь, — сказал Поскребышев, указывая на дверь. — Когда будешь уходить, зайди сначала ко мне.

Он повернулся и ушел к себе.

За дверью была небольшая комната Президиума Свердловского круглого зала. Здесь в этот день, 17 апреля 1940 г.,

проходило военное совещание по итогам советско-финляндской войны. Я знал об этом, и мне очень хотелось присутствовать на этом совещании, потому что к обсуждавшимся вопросам я уже имел некоторое отношение по линии Комиссии Советского Контроля.

В указанной комнате находились Сталин, Молотов, Булганин и нарком лесной промышленности СССР Н. М. Анцелович.

Я робко поздоровался и встал у двери. Ко мне подошел Булганин и сказал: «Постой здесь». Я стоял в смущении, как, видимо, обычно бывает в присутствии великого или знаменитого человека. В это время Сталин, сильно взволнованный, ходил по комнате.

— Кажется, уже достаточно получено уроков, — сказал он с гневом в голосе.

Потом воцарилась тишина. Тишину нарушила только булькавшая вода, которую Сталин наливал себе в стакан из бутылки с «нарзаном». Выпив глоток, Сталин закурил папиросу и снова прошелся по комнате. Я внимательно следил за каждым движением вождя и всматривался в его лицо, стараясь уловить и запомнить каждую черту. Он был невысокого роста и не слишком широк в плечах. Чуть продолговатое лицо было покрыто еле заметными морщинами. Все еще густые, зачесанные вверх волосы слегка покрылись сединой. В чертах его проступало нечто военное. Резко бросались в глаза энергия и сила, которые были в выражении его лица.

Сталин был одет в полувоенную форму: наглухо застегнутая куртка, шаровары защитного цвета, сапоги.

Я впервые близко увидел Сталина.

До этого мне приходилось видеть его только издали: на торжественных заседаниях, во время парадов, на трибуне совещаний. И всегда этот образ возникал в ассоциации с теми многочисленными портретами, скульптурами, фотографиями, которых много было повсюду. Теперь же передо мной Сталин находился совсем близко, я мог протянуть руку, чтобы дотронуться до него. Многие сейчас хотели быть на моем месте, чтобы вот так близко смотреть на человека, на одного из тех немногих лиц, которые совершили великие дела, составившие целую полосу в истории человечества...

Выступление Сталина было всегда событием. Его выступления всегда ждали. А когда он говорил, все слушали его очень внимательно, с захватывающим интересом, чуть ли не благоговейно. Его речи не были насыщены набором красивых оборотов и фраз. Это были речи, которые зажигали слушателей, зажигали их сознательно и разумно действовать так и идти туда, и решать задачи так, как начертала партия. Он всегда оставался сдержанным в словах, но эти слова были простыми, ясными, понятными. Они содержали такую большую логику, глубину, огромную внутреннюю правду, что их трудно было не понять, не подчиниться, не выполнить их. Сталин непроизвольно привязывал к себе, убеждал и потрясал содержанием своих речей...

* * *

После разговора с Анцеловичем Сталин подошел ко мне.

— Так вы Чадаев?

— Да, я, Иосиф Виссарионович, — робко ответил я.

— Вот что: на Карельском перешейке после ухода финнов остались разрушенные предприятия, склады, жилые дома, а также трофейное имущество. Вы поедете туда с группой работников и возьмете все это на учет. Определите и порядок использования трофейного имущества. Понятно?

— Понятно, — ответил я.

Я в упор смотрел на Сталина. Глаза у него были несколько прищурены и придавали ему ироническое выражение. Мне показалось, что, когда он говорил со мной, в его взгляде, в чертах лица скользила чуть заметная улыбка. Мне показалось также, что Сталин как-то тепло посмотрел на меня и улыбнулся. Я был на седьмом небе. Лицо мое сияло. Я был безгранично счастлив.

— Следует помнить, — сказал Сталин, — что из этой работы мы должны извлечь не только ценность, но, главное, сохранить от расхищения народное добро и разумно использовать его. Помолчав немного, Сталин добавил:

— Надежных людей возьмите с собой. Но мы прежде всего на Вас надеемся. У толковой головы сто рук.

Я понял, что у Сталина сложилось обо мне положительное мнение. В эту минуту мне радостно было ощущать его доверие.

Сталин посмотрел в сторону Молотова. Последний тут же присел к краю стола и стал писать решение Совнаркома об утверждении Комиссии по учету и определению использования трофейного имущества.

Сталин снова обратился ко мне своим взглядом и сказал:

— Зайдите к Ворошилову и получите от него дополнительные указания.

— Хорошо, — произнес я и что-то еще добавил. Когда сердечно желаешь что-то сказать, обычно говоришь не то, что на уме.

С просиявшим лицом я вышел из комнаты. Во мне появилось даже какое-то чувство полета, словно прирастили крылья. Я был чрезвычайно горд и доволен, что получил задание лично от Сталина. И мной владело только одно желание — как можно лучше выполнить задание...

ХАРАКТЕР СТАЛИНА

— Сталин обладал очень сложной и своеобразной чертой характера, — рассказывал Яков Ермолаевич. — Ее приходилось редко видеть у других лиц. Иногда при хороших делах, при удачном развитии событий его настроение было прямо противоположно происходящему: он был замкнут, суров, резок, требователен. А когда на горизонте сгущались тучки, когда события оборачивались неприятностями, — он был настроен оптимистически. Именно такое настроение у Сталина было в первый период войны, когда наша армия отступала, один за другим переходили в руки врага города, а Сталин был выдержан, невозмутим, проявляя большую терпимость, как будто события развиваются спокойно и безоблачно.

Чем это можно объяснить? Очевидно, тем, что если бы Сталин стал демонстрировать пессимизм или какое-то уныние, то это удручающе подействовало бы на других, внесло бы растерянность. Его сила была в положительном влиянии на окружающих, в безусловном доверии, которое он все-

лял, в твердости его характера. Он проявлял непререкаемую волю в делах, заставлял людей верить в свой талант, мудрость, силу, вселяя в них энтузиазм и пафос борьбы.

Кто имел счастье работать в непосредственной близости к Сталину, видел, что он смело брал на себя ответственность за принятие тех или иных решений, за действия на фронте и в тылу.

Внешне он был спокойный, уравновешенный человек, неторопливый в движении, медленный в словах и действиях. Но внутри вся его натура кипела, бурлила, клекотала. Он стойко, мужественно переносил неудачи и с новой энергией, с беззаветным мужеством работал на своем трудном и ответственном посту.

Сколько бессонных ночей, сколько часов сверхнапряженной работы должен был потратить этот человек, чтобы через какие-нибудь шесть месяцев после победоносного наступления врага остановить его и погнать назад!

— А трудно было работать рядом со Сталиным? — спросил я однажды Якова Ермолаевича. — Как проходили у него заседания?

— Хочу сразу же отметить, — сказал Чадаев, — что мне довелось трудиться рядом с товарищем Сталиным на протяжении длительного времени, присутствовать на совещаниях и заседаниях, которые он проводил, а также при его встречах с нашими руководителями, военачальниками и телефонных разговорах. Мне приходилось много раз получать лично от товарища Сталина различные задания и поручения. Работать рядом с ним было, конечно, почетным и ответственным делом, и мы (а я возглавлял не только аппарат Управления делами, но и секретариат СНК) трудились не покладая рук. Приходили на работу к 10 часам утра, а возвращались домой в 3 — 4 часа ночи. Особенно стало нелегко с началом Великой Отечественной войны, когда объем работы резко возрос. Мне приходилось по вызову то и дело заходить в приемную Сталина или в кабинеты девяти заместителей Председателя Совнаркома за получением заданий. Исполнялись поручения и секретарей ЦК ВКП(б).

Сталин обычно интересовался, через какое время будет подготовлена требуемая справка или какой-либо другой до-

кумент. Обычно он соглашался с предлагаемым исполнителем реальным сроком. Более того, если срок выполнения в силу объективных причин требовалось несколько продлить, то необходимо было заблаговременно попросить у Сталина отсрочку. Он, как правило, с пониманием относился к подобным просьбам. Но не позавидуешь тому, кто не выполнил бы сталинское поручение в установленный срок.

Сталин был весьма проницательным. Хотя он долго не всматривался в находящегося перед ним человека, но сразу как бы охватывал его всего. Он не переносил верхоглядства, неискренности и «виляния». При обнаружении подобного выражение лица Сталина мгновенно изменялось. Наружу прорывались презрение и гнев.

Что касается заседаний, то, например, накануне войны заседания Бюро Совнаркома под председательством Сталина проводились регулярно в установленные дни и часы. Он ставил на обсуждение самые различные вопросы. Сталин обладал умением вести заседания экономно, уплотненно, был точен в режиме труда, лаконичен в словах и речах. Помимо этого проявлял демократичность и в ведении заседаний. Сталин стремился ближе приобщить к руководству делами правительства заместителей Председателя Совнаркома СССР. В дальнейшем он установил порядок, по которому по очереди некоторые из его заместителей вели заседания Бюро Совнаркома. В частности, это поручалось Вознесенскому, Косыгину, Маленкову и Берии.

Во время заседаний Сталин мало сидел на председательском месте, и я всегда внимательно оглядывал движущуюся мимо меня фигуру в защитном френче, вглядывался в его манеру держать себя, прислушивался к его неторопливой негромкой речи, интонации голоса и хотел понять, в чем притягательность этого человека, почему так беспрекословно покоряются его воле и желаниям миллионы людей. Почему эти неторопливые слова так бурно и сильно впечатляют слушателей, вызывая у них прилив огромной энергии и подъема? Хотелось делать именно так, как говорил Сталин, не сомневаясь, с полной ответственностью выполнять все его указания и распоряжения. Видимо, сила этого воздействия состояла в том, что

Сталин был уверен в правдивости, верности своих слов, в ясности своих мыслей, безошибочности выдвигаемых им предложений, и его уверенность охватывала и завоевывала массы.

ЧАСЫ И ТРУБКА СТАЛИНА

— А есть ли у Вас, Яков Ермолаевич, что-нибудь памятное от Сталина? — продолжаю расспрашивать Чадаева.

Его лицо просветлело:

— Есть, конечно, — часы и трубка.

— А как они оказались у Вас?

— Начну с часов, — ответил Чадаев. — Однажды при докладе Сталину, когда я левой рукой положил перед ним на стол несколько документов (в правой руке держал папку), он вдруг схватил меня за левую руку и не без иронии произнес: «Скажите, пожалуйста, какие у него интересные часы... Это что за часы?»

Я ответил, что это швейцарские часы, которыми пользуются американские летчики. Часы не боятся ударов, воды и магнитного притяжения. Мне их недавно подарили.

— Такие мне не известны, — сказал Сталин.

Я начал снимать часы, чтобы Сталин их лучше разглядел. Но он остановил меня:

— Не снимайте.

Подписав документы и поручив мне одно задание, Сталин чуть поднял руку в знак того, что можно уходить.

Проходя мимо Поскребышева, я спросил его: «Александр Николаевич, товарищ Сталин что-то моими часами заинтересовался?»

— Ты что, с Луны свалился? — ответил тот. — У товарища Сталина есть коллекция ручных часов. Хотя и небольшая, но очень интересная.

От Сталина я зашел в кабинет к Булганину, чтобы получить визу на один проект распоряжения Совнаркома. В двух словах рассказал Николаю Александровичу и о том, что Сталин заинтересовался моими часами.

— Ну-ка покажи, что это за часы.

Я снял с руки часы и положил на стол.

— Ничего особенного в них нет, — сказал Булганин. — Такими часами пользуются летчики. Но товарищ Сталин, очевидно, обратил на них внимание потому, что, как я знаю, он коллекционирует часы. Как-то я случайно оставил у него свои карманные часы, но обратно получить их уже и не пытался.

Вернувшись в свой кабинет, я быстро подготовил проект документа, который мне поручил сделать Сталин, и стал размышлять: подарить «хозяину» часы или нет. Ведь его реакция на этот шаг может быть разной: включая и нежелательный вариант («снять с работы за подхалимаж» и т. д.).

Наконец я все-таки решился, позвонил Поскребышеву и спросил, на месте ли Сталин. Он ответил, что Сталин ушел обедать. Тогда я отстегнул часы, положил их в конверт вместе с проектом постановления и отнес в приемную для передачи Сталину.

Обычно Сталин после ознакомления с моими бумагами вскоре меня вызывал и возвращал подписанные им документы. На этот раз никакого вызова не последовало. Прошли целые сутки. Я почти не спал. Ну, думаю, будет неприятный разгон за неосмотрительный поступок.

Наконец звонит Поскребышев и говорит:

— Чего не заходишь? Давай приходи и часы свои забирай.

Я просто похолодел. Захожу к Поскребышеву. Получаю запечатанный конверт, в котором что-то топорщилось. Скорее — в свой кабинет, разрезаю ножницами конверт и извлекаю подписанный Сталиным документ и коробочку. Открываю ее и с изумлением вижу золотые часы-хронометр.

Через несколько дней меня встретил начальник охраны Сталина генерал Власик.

— Ну, задал ты мне задачу!

— Какую же, Николай Сидорович?

— Ну, как же. Вызвал меня товарищ Сталин и дал поручение — срочно найти хорошие часы. Я всю Москву объездил и, наконец, в одном складе приобрел этот хронометр. Привез товарищу Сталину, а он и говорит: «Это для обмена с товарищем Чадаевым».

Сам же Сталин при последующих встречах со мной ни словом, ни намеком не напомнил мне и не показал вида о

случае с часами. И не спросил меня — понравились ли мне его часы. В свою очередь и я не пытался чем-нибудь напомнить ему об этом случае...

* * *

Я. Е. Чадаев рассказал и другую историю, связанную на этот раз со сталинской трубкой.

По его словам, уже в первые годы после разгрома фашизма здоровье Сталина заметно ухудшилось. Во многом сказалось огромное напряжение военных лет. В чем-то ему пришлось себя ограничивать. Врачи настойчиво рекомендовали «вождю народов» бросить курить. Курить он стал гораздо меньше, большую трубку заменил на меньшую по размеру, хотя окончательно «порвал с курением» только в последний год жизни.

— Во время одного из вызовов к Сталину, — рассказывал Яков Ермолаевич, — я получил от него задание переделать какой-то неудачно подготовленный проект решения. Не помню, кто его готовил.

— Полагаю, вы быстро доработаете этот документ, — сказал Сталин. — Поэтому садитесь здесь за стол и поработайте.

Только я принялся за дело, в кабинет вошли Молотов, Микоян, Каганович, кто-то еще из членов Политбюро и пригласили Сталина на чашку чая.

Уходя, он предложил мне остаться, а после готовности документа оставить его у него на столе.

Я действительно довольно быстро все сделал, удовлетворенный, немного потянулся и почувствовал, как под ногами «загремел» какой-то предмет. Наклонился — небольшая курительная трубка. Нетрудно было догадаться, кому она принадлежит. Я ее поднял, повертел в руках, осмотрелся и... положил в карман.

Буквально на следующий день меня встречает тот же генерал Н. С. Власик, поманил пальцем и спрашивает:

— Это ты трубку товарища Сталина стащил? Понимаю, что отпираться бессмысленно, и отвечаю: «Да, я. Но трубка валялась под столом, и я подумал, что она уже не нужна».

— Ох, хитрец, но понять тебя можно, — заметил Власик и, видя мое большое смущение и огорчение, сказал: — Ладно, оставь ее себе на память. Товарищ Сталин искал, искал и нашел такую же.

ПЕРЕГОВОРЫ В БЕРЛИНЕ

Г. А. Куманев: Что вам известно, Яков Ермолаевич, о содержании переговоров В. М. Молотова с Гитлером во время поездки наркома иностранных дел СССР в Берлин в ноябре 1940 г.? Как расценивались в Кремле состоявшиеся переговоры и перспективы войны с Германией?

Я. Е. Чадаев: Это довольно широкая тема. Поэтому, отвечая на данный вопрос, я буду в основном опираться на мои записи выступлений Сталина и Молотова на заседании Политбюро с оценкой поездки в Берлин.

Утром 9 ноября 1940 г. мне позвонил Н. А. Булганин и пригласил прибыть вечером на Белорусский вокзал для проводов Молотова, отбывавшего из Москвы. Куда он уезжал во главе советской делегации, я узнал только на вокзале, возле которого стояла масса посольских машин с флажками. Было много провожающих.

В назначенное время от перрона Белорусского вокзала отошел необычный литерный поезд, состоявший из нескольких вагонов западноевропейского образца. В них расположились члены и сотрудники советской правительственной делегации.

Но не успел поезд пройти и десятка метров, как вдруг с резким толчком остановился. Что такое? Через несколько минут опять поехали. И вторично, не дойдя до конца платформы, поезд вновь остановился с еще более резким толчком. Забегали, засуетились железнодорожники, произошла какая-то заминка. Что случилось?

Оказывается, этим же поездом ехал германский посол граф фон Шуленбург. Это он дважды останавливал состав стоп-краном только потому, что к моменту отхода поезда из посольства ему не доставили... парадный мундир, в котором он собирался выйти из вагона в Берлине.

В конце концов поезд ушел, не дождавшись мундира.

Позже мы узнали, что посольскую машину с чемоданами фон Шуленбурга не пропустили на привокзальную площадь, т. к. она не имела специального пропуска. Когда стал известен инцидент с мундиром германского посла, вдогонку за поездом были посланы две легковые автомашины. Они должны были догнать состав и на одной из промежуточных станций погрузить багаж графа.

Все это происходило поздней осенью, в гололедицу. Машины мчались по Можайскому шоссе с огромной скоростью, одна с багажом, другая — резервная. Где-то по дороге в районе Голицыно или Кубинки первая машина потерпела аварию. Чемоданы перегрузили на вторую, и, кажется, в Вязьме они были благополучно доставлены вконец изнервничавшемуся послу...

Через четыре дня, вечером 13 ноября, Н. А. Булганин снова пригласил меня на Белорусский вокзал, на этот раз уже для встречи Молотова и других членов советской делегации. На перроне собрались почти все наркомы, большое число дипломатов. Среди встречавших были А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович. Выстроился почетный караул.

Поезд пришел в 12 часов ночи. Молотов вышел из вагона в сопровождении члена делегации, наркома черной металлургии СССР И. Ф. Тевосяна. Сняв шляпу, Молотов поздоровался с Микояном, Булганиным, Кагановичем, со своей семьей, наркомками, дипломатами и направился к выходу.

* * *

Вечером 14 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором было заслушано сообщение Молотова об итогах переговоров в Берлине. Мне, только что вступившему в должность управделами СНК, довелось участвовать на этом заседании и многое записать.

Молотов подробно доложил о результатах встречи с Гитлером.

— Беседа началась с длинного монолога Гитлера, — заявил он. — И надо отдать должное Гитлеру — говорить он уме-

ет. Возможно, что у него даже был приготовлен какой-то текст, но фюрер им не пользовался. Речь его текла гладко, без запинок. Подобно актеру, отлично знающему роль, он четко произносил фразу за фразой, делая паузы для перевода. Смысл рассуждений Гитлера сводился к тому, что Англия уже разбита и что ее окончательная капитуляция — дело ближайшего будущего. Скоро, уверял Гитлер, Англия будет уничтожена с воздуха. Затем он сделал краткий обзор военной ситуации, подчеркнув, что Германская империя уже сейчас контролирует всю континентальную Западную Европу. Вместе с итальянскими союзниками германские войска ведут успешные операции в Африке, откуда англичане вскоре будут окончательно вытеснены. Из всего сказанного, заключил Гитлер, можно сделать вывод, что победа держав «оси» предрешена. Поэтому, продолжал он, настало время подумать об организации мира после победы. Тут Гитлер стал развивать такую идею: в связи с неизбежным крахом Великобритании останется ее «бесконтрольное наследство» — разбросанные по всему земному шару осколки империи. Надо, мол, распорядиться этим «бесхозным» имуществом. Германское правительство, заявил Гитлер, уже обменивалось мнениями с правительствами Италии и Японии и теперь хотело бы иметь соображения Советского правительства. Более конкретные предложения на этот счет он намерен сделать позднее.

Молотов сделал небольшую паузу, затем продолжал:

— Когда Гитлер закончил речь, которая вместе с переводом заняла около часа, пришлось взять слово мне. Не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, я заметил, что следовало бы обсудить более конкретные, практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? Ведь заключенный в 1939 г. советско-германский пакт о ненападении предусматривает консультации по важным вопросам, затрагивающим интересы каждой из сторон. Советское правительство также хотело бы знать, для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Почему и этот серьезный шаг предпринят без консультации с Москвой?

Эти замечания подействовали на Гитлера, словно холодный душ.

Он даже весь как-то съежился, и на лице его на какое-то мгновение появилось выражение растерянности. Но актерские способности все же взяли верх, и он, драматически сплетя пальцы и запрокинув голову, вперил взгляд в потолок. Затем, поерзав в кресле, скороговоркой объявил, что немецкая военная миссия направлена в Румынию по просьбе правительства Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться, они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию. (Но факты говорили о другом: немцы прочно оседали на советских границах.)

— Объяснение фюрера, — докладывал далее Молотов, — не удовлетворило советскую делегацию. У Советского правительства, заявил я, на основании донесений наших представителей в Финляндии и Румынии, создалось совсем иное впечатление. Войска, которые высадились в южной части Финляндии, никуда не продвигаются и, видимо, собираются здесь надолго задержаться. В Румынии дело не ограничилось одной военной миссией. В страну прибывают все новые германские воинские соединения. Для одной миссии их слишком много. Какова же подлинная цель перебросок этих войск? В Москве подобные действия не могут не вызвать беспокойства, и германское правительство должно дать на это четкий ответ.

Сославшись на свою неосведомленность (а это испытанный дипломатический маневр), Гитлер пообещал поинтересоваться этими вопросами. Он снова стал разглагольствовать о своем плане раздела мира, заметив, что СССР мог бы проявить интерес к территориям, расположенным к югу от его государственной границы в направлении Индийского океана. Гитлер заявил о том, что Советскому Союзу следовало бы приобрести выход к Персидскому заливу, а для этого захватить западный Иран и нефтяные промыслы англичан в Иране.

— Разумеется, — вставил И. В. Сталин, — Советский Союз не удастся поймать на эту удочку. Ведь это наш сосед и с ним отношения должны быть очень теплыми, хорошими.

— Мне пришлось перебить Гитлера, — продолжал Молотов, — и заметить, что мы не видим смысла обсуждать подобного рода комбинации. СССР заинтересован в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к его границам. Тут Гитлер кивнул Риббентропу, и тот предложил рассмотреть проект протокола о присоединении Советского Союза к военному блоку Германии, Италии и Японии. Для нас было совершенно ясно, что острее его было направлено против СССР, и, естественно, это предложение советская делегация решительно отклонила.

— И правильно, — гневно вставил Сталин.

Молотов рассказал о содержании переговоров в Берлине, которые были продолжены на следующий день и мало чем отличались от предыдущих. «Покидая фашистскую Германию, — сказал он в заключение, — все члены советской делегации были убеждены: затеянная по инициативе немецкой стороны встреча явилась лишь показной демонстрацией. Главные события лежат впереди. Сорвав попытку поставить СССР в условия, которые связали бы нас на международной арене, изолировали бы от Запада и развязали бы действия Германии для заключения перемирия с Англией, наша делегация сделала максимум возможного. Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии против СССР неимоверно возросла, причем в недалеком будущем».

* * *

После ответов Молотова на вопросы выступил Сталин. Он сказал:

— В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, делались намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем прямо указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла

в Берлин для переговоров. В тех условиях, когда Советское правительство неизменно выступает за мирное урегулирование международных проблем, мы ответили положительно на германское предложение о проведении в ноябре этого года совещания в Берлине. Стало быть, поездка в Берлин советской делегации состоялась по инициативе Германии. Как нам известно, Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что «германо-русские отношения окончательно установлены»! Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства. Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности, его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии — все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления «глобальных интересов» Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...

Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений.

Далее Сталин говорил о лицемерном поведении гитлеровской верхушки в отношении Советского Союза, о позиции Англии и Франции во время летних московских переговоров 1939 г., когда они были не прочь натравить Германию на СССР.

— Именно в то время, — подчеркнул Сталин, — нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии. И в этом деле большую роль сыграл заключенный с ней пакт о ненападении...

...Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена. В Германии действуют в этом направлении мощные силы и правящие круги рейха не думают снимать с повестки дня вопроса о войне против СССР. Наоборот, они усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена.

Спрашивается, а какой был смысл разглашований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его «Майн кампф»? Разумеется, нет, — твердо сказал Сталин.

* * *

Далее он кратко охарактеризовал Гитлера.

— История еще не знала таких фигур, как Гитлер, — сказал Сталин. — В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной. Полная путаница царила и царит в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами. Но они фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди всех империалистов мира. «Социализм», «национализм» — это только фигурные листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью сущность. В качестве идеологического оружия она используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов...

Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирався соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и

договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем советско-германский пакт рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших Вооруженных Сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносно разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая бы могла сорвать агрессию гитлеровского рейха. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовится десантная операция. Но это не главное для Гитлера, главное для него — нападение на Советский Союз.

Тихо, но твердо Сталин произнес:

— Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, постоянно разоблачать гитлеровских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на Запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу.

Мы должны повести дело так, чтобы быстрее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайско-

му народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, попавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии.

Наконец, следует проявить максимум внимания к антифашистам, попавшим к нам из фашистских стран. Их у нас уже сотни, но их будет больше. Среди них большинство коммунисты. Они могут сослужить огромную пользу в дальнейшей борьбе с гитлеровской Германией.

* * *

В заключение своего выступления Сталин остановился на задачах по дальнейшему укреплению обороноспособности страны. В частности, он сказал:

— Мы должны всегда помнить, что в предстоящей войне вопросы технического превосходства будут определяющим моментом. Наступило такое время, когда рабочему некоторым отраслям индустрии, особенно оборонных, нужны инженерные знания. Надо расширить подготовку и переподготовку кадров. Все это позволит более широким фронтом внедрять новую технику.

Сталин обратил внимание на необходимость быстрой перестройки радиотехнической промышленности, качественной металлургии и указал на важность создания или расширения кооперации между предприятиями по обеспечению оборонных заданий.

— Мы особенно, — заявил он, — должны энергично провести такие меры, чтобы за короткий срок качественно обновить многие отрасли военной промышленности (в первую очередь авиа- и танкостроение) и развернуть работу по наращиванию выпуска военной техники...

После окончания речи Сталина от Госплана СССР выступил Н. А. Вознесенский, который сообщил, что Госплан в настоящее время разрабатывает предложения о дополнительном развертывании производства военной продукции.

— Вот и хорошо, — сказал Сталин. — Поторопитесь с предложениями. Время не ждет.

РЕЧЬ СТАЛИНА НА СОБРАНИИ ВОЕННЫХ

Г. А. Куманев: Как-то вы упомянули, что были на торжественном собрании 5 мая 1941 г. в Большом Кремлевском дворце по случаю выпуска командиров, окончивших военные академии. Что вам больше всего запомнилось из речи И. В. Сталина?

Я. Е. Чадаев: Мне действительно довелось присутствовать на этом собрании, где с интересной, содержательной речью выступил И. В. Сталин. С самого начала выступления он охарактеризовал те глубокие изменения, которые произошли за последние годы в Красной Армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны наши Вооруженные Силы перестроились организационно и серьезно перевооружились.

— Товарищи, — заявил он, — вы покинули армию 3 — 4 года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружили ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили ее облик. Вы придете в армию, увидите много новинок.

Остановившись на происшедших изменениях по отдельным родам и видам войск, он обратил внимание присутствовавших на все большее расширение масштабов Второй мировой войны фашистской Германией, о намерениях Гитлера напасть на Советский Союз. Сталин прямо сказал, что теперь уже ни у кого нет сомнения: фашистская Германия вынашивает агрессивные планы против СССР и дело явно идет к войне с ней, и война будет нелегкая.

— Вы придете в части из столицы, — продолжал вождь, — и всем вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Следует, конечно, иметь в виду, что военная мысль германской армии движется вперед. Вермахт вооружился новой техникой, обучился новым приемам ведения войны, приобрел большой опыт. Факт, что у Германии лучшая и по технике, и по организации армия. Но немцы напрасно считают, что

их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь конечного успеха под лозунгами захватнических, завоевательных войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

Проанализировав причины военных успехов Германии, он сказал об отношении к армии в некоторых странах, где о ней нет должной заботы, не оказывается моральная поддержка. «Так появляется новая мораль, разлагающая армию, — заметил вождь. — К военным начинают относиться пренебрежительно. Между тем армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства. В этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Обучение же командных кадров военная школа обязана и может вести только на новой технике, широко используя опыт современной войны».

Кратко обрисовав задачи танкистов, артиллеристов, авиаторов, конников, связистов, пехоты в войне, Сталин подчеркнул, что «нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать. Чтобы достойно встретить агрессора, нужно не только создать современную армию. Нужно подготовиться и политически. Без этого невозможно усилить оборонную способность страны».

* * *

Речь Сталина, продолжавшаяся около 40 минут, военная аудитория выслушала с огромным вниманием. С торжественного заседания все расходились с озабоченными лицами и тревожным чувством на душе. Слова «дело идет к войне» глубоко запали в сердце каждого.

Немецкое посольство в Москве проявило большой интерес к выступлению советского руководителя. Тем более что официальный отчет о заседании, опубликованный в «Правде», был очень скуп. Тогда на помощь послу пришел корреспондент германского информационного бюро в Москве г-н Шюле. Согласно его сообщению, направленному в Берлин в качестве официального доклада посольства, Сталин в своей речи якобы сделал особый упор на советско-германский пакт

о ненападении и будто бы подчеркнул, что СССР не ожидает агрессивных действий со стороны Германии. Этот доклад был принят в Берлине, по всей видимости, с большим удовлетворением — как свидетельство определенной дезинформированности Сталина об истинных намерениях Гитлера.

В действительности же Сталин говорил совсем о другом. Он предупреждал офицеров и генералов Красной Армии о том, что международная обстановка очень напряженная, возможны всякие неожиданности, в самом скором времени возможно нападение на СССР. Сталин прямо сказал, что противником в ближайшей войне будет гитлеровская Германия, т. е. сказал вполне определенно, что с Германией придется воевать. Вся его речь была пронизана необходимостью повышения бдительности и боеготовности Советских Вооруженных Сил. Сталин призывал народ и армию держать порох сухим.

Учитывая нарастание опасности нападения на нашу страну, по решению партии и правительства был осуществлен ряд дополнительных мобилизационных мероприятий. Генеральный штаб начал передислокацию ряда дивизий и корпусов ближе к границе. В эти дни нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко направил в военные округа директиву. Она предусматривала меры, которые должны были принять войска округов в случае внезапного нападения немецко-фашистских орд на нашу страну.

В тот же вечер после торжественного заседания меня не покидало предчувствие, что должно что-то измениться и в Совнаркоме. И действительно, на следующий день — 6 мая 1941 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталин был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. Советские люди расценили это назначение как необходимость усиления подготовки к отпору врагу.

22 ИЮНЯ 1941 г.

Г. А. Куманев: Как вы, Яков Ермолаевич, встретили Великую Отечественную войну?

Я. Е. Чадаев: В Москве в субботу, 21 июня 1941 г., стояла хорошая погода. Был жаркий летний день. На улицах чувствовалась предпраздничная суета, обычно такая, какая бы-

вает накануне воскресных дней. Больше было посетителей в магазинах, переполнены автобусы, трамваи, троллейбусы. Люди стайками собирались на привокзальных площадях. Город еще жил напряженным трудовым ритмом. И, казалось, ничто не предвещало грозы, ничто не нарушало размеренного течения жизни большого города и всей страны.

Но мы, работники правительственного аппарата, чувствовали, что обстановка с каждым днем становится напряженнее, что на горизонте страны сгущаются черные тучи. Это явствовало из возросшего количества оборонных документов, ужесточения ритма работы аппарата. Все это подтягивало и дисциплинировало нас, требовало четкости и слаженности в работе, в исполнении текущих заданий.

В субботний день 21 июня мне несколько раз пришлось приходить в приемную Сталина — приносить для подписи или брать для оформления отдельные решения.

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) в течение всего дня находились в Кремле, обсуждая и решая важнейшие государственные и военные вопросы. Например, было принято постановление о создании нового — Южного — фронта и объединении армий второй линии, выдвигавшихся из глубины страны на рубеж рек Западная Двина и Днепр, под единое командование. Формирование управления фронта было возложено на Московский военный округ, который немедленно отправил оперативную группу в Винницу.

Политбюро ЦК заслушало сообщение НКО СССР о состоянии противовоздушной обороны и вынесло решение об усилении войск ПВО страны. Вызванные на заседание отдельные наркомы получили указания о принятии дополнительных мер по оборонным отраслям промышленности.

Когда ко мне заходили работники Управления делами с теми или иными документами, то неизменно спрашивали, как дела на границе.

Я отвечал стандартно: «В воздухе пахнет порохом. Нужна выдержка, прежде всего выдержка. Важно не поддаваться чувству паники, не поддаваться случайностям мелких инцидентов...»

Руководители наших Вооруженных Сил от наркома до командующих военными округами были вновь предупреждены

об ответственности, причем строжайшей, за неосторожные действия наших войск, которые могут вызвать осложнения во взаимоотношениях Советского Союза с Германией. Сталин дал даже распоряжение: без его личного разрешения не производить перебросок войск для прикрытия западных границ.

* * *

К концу дня у меня скопилось большое количество бумаг, требующих оформления. Я, не разгибаясь, сидел за подготовкой проектов решений правительства, а также за рассмотрением почты. Около 7 часов вечера позвонил А. Н. Поскребышев и попросил зайти к нему, чтобы взять один документ для оформления. Я сразу же зашел к нему.

Поскребышев сидел у раскрытого окна и все время прикладывался к стакану с «нарзаном». За окном был жаркий и душный вечер. Деревья под окнами стояли, не шелохнув листом, а в комнате, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Я взял от Поскребышева бумагу. Это было очередное решение о присвоении воинских званий.

— Ну, что нового, Александр Николаевич? — спросил я. Поскребышев многозначительно посмотрел на меня и медлил с ответом. Обычно он откровенно делился со мной новостями, о которых знал сам.

— Что-нибудь есть важное?

— Предполагаю, да, — почти шепотом произнес Поскребышев. — «Хозяин», — кивнул он на дверь в кабинет Сталина, — только что в возбужденном состоянии разговаривал с Тимошенко... Видимо, вот-вот ожидается... Ну, сами догадываетесь что... Нападение немцев...

— На нас? — вырвалось у меня.

— А на кого же еще?

— Подумать только, что теперь начнется... — сказал я сокрушенно, испытывая огромную досаду. — Но, быть может, это еще напрасная тревога? Ведь на протяжении нескольких месяцев ходили слухи, что вот-вот на нас нападет Гитлер, но все это не сбывалось...

— А теперь, пожалуй, сбудется, — ответил Поскребышев. — Уж очень сегодня что-то забеспокоился «хозяин»: вызвал к себе Тимошенко и Жукова и только что разговаривал с Тюленевым. Спрашивал у него, что сделано для приведения в боевую готовность противовоздушной обороны.

— Да... дело принимает серьезный оборот, — в замешательстве сказал я.

— То и дело поступают тревожные сигналы, — добавил Поскребышев. — Сталин вызвал к себе также московских руководителей Щербакова и Пронина. Приказал им в эту субботу задержать секретарей райкомов партии, которым запрещено выезжать за город. «Возможно нападение немцев», — предупредил он.

Позвонил правительственный телефон. Я вернулся к себе и долго находился под впечатлением сообщения Поскребышева. Тревожное чувство сохранилось, и я решил эту ночь провести у себя в кабинете. Но спал не более двух часов.

* * *

Ранним утром 22 июня мельком видел в коридоре Сталина. Он прибыл на работу после кратковременного сна. Вид у него был усталый, утомленный, грустный. Его рябое лицо осунулось. В нем проглядывалось подавленное настроение. Проходя мимо меня, он легким движением руки ответил на мое приветствие...

Спустя какое-то время многие сотрудники Кремля узнали грозную весть: началась война! Первым делом я зашел к Н. А. Вознесенскому, поскольку он, как первый заместитель Председателя СНК СССР, вел текущие дела по Совнаркому. Когда я вошел в кабинет, Вознесенский в этот момент разговаривал по телефону с кем-то из военного руководства.

— Позвоните мне еще через час, — сказал он и положил трубку на аппарат. Настроение у него было хмурое, но достаточно уверенное. Всматриваясь в мое лицо и напряженно о чем-то думая, он со сдержанным недовольством произнес:

— Вот видите, как нагло поступил Гитлер.

— Разбушевавшийся воробей человека не боится, — с оптимизмом заявил я.

Вознесенский долго и в упор посмотрел на меня и на вопрос: «Какие будут указания?» угрюмо ответил: «В данную минуту — пока никаких».

В это время в кабинет вошла Р. С. Землячка. Поздоровавшись с Вознесенским и со мной, она, огорченно качая головой, произнесла:

— Все-таки свершилось вероломство, Николай Алексеевич.

— Да, удар нанесен сильный и внезапно, — заметил Вознесенский.

— А я специально зашла к вам, чтобы спросить, какие новости на границе.

— Вчера поздно ночью стали поступать сообщения с западных границ, что в расположении немцев слышится усиленный шум моторов в различных направлениях и еще позднее из приграничных округов почти непрерывно начали сообщать о действиях авиации противника и затем, что немецкие захватчики вторглись на советскую землю. Первое военное донесение было получено в 3 часа 30 минут утра от начальника штаба Западного округа генерала Климовских. Он доложил, что вражеские самолеты бомбят белорусские города. Тут же поступило донесение от начальника штаба Киевского округа генерала Пуркаева, который сообщил, что воздушные налеты совершены на города Украины. И, наконец, из донесения командующего Прибалтийским округом генерала Кузнецова стало известно о налетах вражеской авиации на Каунас и другие прибалтийские города.

Далее Вознесенский подробно рассказал о том, что в это время происходило в кабинете у Сталина. Причем этот его рассказ весьма совпадает с тем, что изложено в книге маршала Жукова «Воспоминания и размышления».

К 12 часам дня я находился в своем кабинете и с тяжелым чувством приготовился слушать по радио речь В. М. Молотова. Война опрокинула у всех обычный распорядок мыслей. На душе было беспокойно, тревожно. Серьезность тона речи Молотова красноречиво говорила о том положении, в каком оказалась наша Родина.

Примерно часа через два после правительственного сообщения мне позвонили из приемной Молотова и передали приглашение прийти к нему. Не успел я зайти в его кабинет, как сюда же вошел Сталин. Я хотел было удалиться, но Сталин сказал:

— Куда вы? Оставайтесь здесь.

Я задержался у двери и стал ждать указаний.

— Ну и волновался ты, — произнес Сталин, обращаясь к Молотову, — но выступил хорошо.

— А мне казалось, что я сказал не так хорошо, — ответил тот.

Позвонил кремлевский телефон. Молотов взял трубку и посмотрел на Сталина:

— Тебя разыскивает Тимошенко. Будешь говорить?

Сталин подошел к телефону, немного послушал наркома обороны, потом заявил:

— Внезапность нападения, разумеется, имеет важное значение в войне. Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте в виду — немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии. Надо строго-настрого предупредить командующих о недопущении какой-либо паники. В директиве об этом скажите... Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с последней сводкой... Свяжитесь еще раз с командующими, выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется вам времени? Ну, хорошо, два часа, не больше... А какова обстановка у Павлова?

Выслушав Тимошенко, Сталин нахмурил брови.

— Поговорю сам с ним...

Сталин положил трубку на аппарат и сказал:

— Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на границе! Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается на то, что опоздала в войска директива. Но разве армия без директивы не должна находиться в боевой готовности?

Я внимательно наблюдал за Сталиным, думая в тот момент, какую все-таки огромную власть он имеет. И насколько правильно сможет употребить эту власть, от чего зависит судьба всей страны.

Через какое-то мгновение, сдерживая свой гнев, Сталин добавил:

— Надо направить к Павлову Шапошникова. Я не сомневаюсь, что он поможет организовать управление войсками, укрепить их оборонительные позиции. Но наши войска, видимо, не могут справиться с задачей прикрытия западной границы. Они оказались в очень тяжелом положении: не хватает живой силы и военной техники, особенно самолетов. С первых часов вторжения господство в воздухе захватила немецкая авиация... Да, не успели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени. Надо немедленно нанести контрудары по противнику, а одновременно поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на Восток. Ничего не должно достаться врагу. Обсудим этот вопрос на заседании, а вот товарищу Чадаеву поручим подобрать группу расторопных работников, чтобы они немедленно связались с местными партийными и советскими органами прифронтовой полосы и дали конкретные предложения.

Сталин подозвал меня поближе к себе.

— Надо организовать взятие на учет всех недостроенных, пустующих и других помещений, которые могут быть использованы под эвакуированные предприятия... У вас, конечно, тьма других работ. Но сейчас это дело поважнее и им следует заняться в первую очередь. О первых результатах доложите Вячеславу Михайловичу. А теперь можете идти.

Я тотчас вышел из кабинета и начал выполнять поручение Сталина. На первых порах подобрал небольшую группу работников — четыре человека во главе с моим заместителем по секретариату Совнаркома СССР А. М. Протасовым. Для выяснения наличия недостроенных, пустующих и иных помещений, в которых можно было разместить эвакуированные предприятия, была подключена большая группа других работников Управления делами.

В первый день войны мне довелось присутствовать на двух заседаниях у Сталина и вести протокольные записи этих заседаний. Что особенно запомнилось — это острота обсуждаемых вопросов на фоне отсутствия точных и конкретных данных у нашего высшего политического и военного руководства о действительном положении на фронтах войны. Несмотря на это, решения были приняты весьма важные и неотложные.

В течение 22 июня после визита к Вознесенскому я побывал также с документами у других заместителей Председателя Совнаркома. Нетрудно было убедиться, что почти все они еще не испытывали тогда больших тревог и волнений. Помню, например, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина, я шел позади К. Е. Ворошилова и Г. М. Маленкова. Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора. Примерно такого же мнения придерживался тогда и В. М. Молотов.

РЕАКЦИЯ СТАЛИНА НА ПОРАЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Г. А. Куманев: Какова была реакция Сталина на крупные поражения Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны?

Я. Е. Чадаев: Я уже отмечал, что в дни кризисных, даже критических ситуаций на фронте Сталин в целом неплохо владел собой, проявляя уверенность, спокойствие и демонстрируя огромную работоспособность. Конечно, это не означает, что он как бы снижал свою требовательность и не спрашивал достаточно строго с тех, кто, по его мнению, был повинен в тех или иных неудачах и просчетах. Наоборот, в своем гневе он никому не давал снисхождения и принимал энергичные и действенные меры по исправлению положения.

Основываясь на своих записях, проиллюстрирую все это на примере падения Киева и катастрофы под Вязьмой осенью 1941 г.

Во второй половине сентября 1941 г. сильно осложнилась обстановка на Юго-Западном и Южном фронтах. Под угрозой захвата врагом оказался Киев. Но, несмотря на тяжелую обстановку, боевой дух бойцов, обороняющих столицу Советской Украины, был чрезвычайно высок. Они не могли даже представить себе, что им придется оставить оборонительные рубежи и отступить.

Днем 17 сентября у Сталина состоялось заседание, в работе которого я принял участие. О событиях на фронтах докладывал маршал Б. М. Шапошников. Потом слово взял Сталин, который сказал, что нашим войскам под Киевом надо во что бы то ни стало держаться, хотя это очень трудно. А под Москвой еще труднее. Мы должны сделать все необходимое, чтобы помочь защитникам Киева. Для облегчения их положения сделано уже немало: создан новый Брянский фронт, перед которым поставлена задача: разгромить войска Гудериана, не дать им возможности повернуть на юг. Активные действия воинов Брянского фронта значительно облегчают положение защитников Киева.

Обращаясь к Шапошникову, Сталин спросил:

— Быть может, надо дополнительно выделить Юго-Западному фронту часть сил из резерва Ставки? Свяжитесь сейчас с Кирпоносом и узнайте обстановку на этот час.

— Слушаюсь! — произнес Шапошников и отправился в аппаратную.

Вскоре он вернулся и доложил, что враг пока не в состоянии преодолеть упорное сопротивление защитников Киева. Противник производит перегруппировку своих частей. Не добившись успеха от фронтальных атак, он начал маневрировать, искать уязвимые места в обороне советских войск.

— Значит, — сказал Сталин, — остается в силе приказ Ставки — не сдавать Киев?

— Совершенно верно, — подтвердил Шапошников. — Но все-таки Кирпонос очень опасается за левый фланг Юго-Западного фронта — район Кременчуга, где сейчас идет ожесточенный натиск вражеских войск на наши армии. Он все же вновь высказывает просьбу отвести из-под удара наши войска.

— Как вы считаете, Борис Михайлович, надо ли пойти на это? — спросил Сталин.

— Я остаюсь при прежнем мнении: биться насмерть, но Киева не отдавать, — ответил Шапошников.

— Ну что же, так и порешим? — снова спросил Сталин. Все молча согласились...

* * *

После 17 сентября положение наших войск Юго-Западного фронта стало критическим. Немцы усилили свои войска, что дало им возможность укрепить кольцо окружения советских войск. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос потерял управление армиями. В окружении оказались 5-я, 37-я, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий Юго-Западного фронта. Начался их неорганизованный выход из окружения, а войска 37-й армии еще продолжали сражаться за Киев.

В ночь на 18 сентября начальник Генерального штаба Красной Армии передал в столицу Украины: Ставка разрешает оставить Киевский укрепрайон и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра без серьезных потерь. Выполнить эту задачу было крайне трудно. Но другого выхода не оставалось. Чтобы выйти из окружения, надо было пробиваться сквозь вражеские заслоны, пройти сотни километров по занятой противником территории при потерянной связи с соседними соединениями. 20 сентября при выходе из окружения близ г. Лохвицы погиб командующий фронтом генерал Кирпонос.

На следующий день после падения Киева я зашел к Поскребышеву и узнал, что Сталин находится вне себя от катастрофы на Юго-Западном фронте.

— Только что состоялся крупный разговор Сталина с Хрущевым, — сказал Поскребышев. — Сталин прямо заявил Хрущеву, что за безрассудные действия тот заслуживает отдачи под суд Ревтрибунала.

— Но я думаю, — добавил Поскребышев, — до этого дело не дойдет.

— Значит, Сталину сейчас не до моих документов? — спросил я. Поскребышев зашел в кабинет Верховного и, вернувшись, сказал:

— Заходи, только ненадолго.

Я вошел в кабинет и сразу же подошел к столу, над которым наклонился Сталин, рассматривая карту Юго-Западного фронта.

— Если все подготовлено правильно, давайте, подпишу, — сказал Сталин, чуть взглянув на меня, и стал читать проект постановления ГКО.

В это время вошел Поскребышев и доложил, что у телефона маршал Тимошенко.

Сталин поднял телефонную трубку и сразу же спросил, как идет отход войск на новые рубежи.

Я стоял очень близко по ту сторону Сталина, с которой он держал у уха трубку. Тимошенко говорил своим зычным голосом, и мне почти все было хорошо слышно.

— Нормально, — прозвучал в трубке голос маршала.

— Потери?

— Отходим с боями, а потому и потери есть.

— Бессмысленной отваги не допускайте, с вас хватит!

— Не понимаю.

— Тут и понимать нечего. У вас иногда проявляется рвение к бессмысленной отваге. Имейте в виду: отвага без головы — ничто.

— Выходит, что я, по-вашему, только на глупости способен?

— О, не перевелись, оказывается, еще рыцари! Загубленных талантов не бывает...

— Я вижу, вы недовольны мной, — слышался густой бас Тимошенко.

— А я вижу, вы слишком раздражены и теряете власть над собой.

— Раз я плохой в ваших глазах, прошу отставку.

Сталин отставил от уха трубку и сказал про себя:

— Этот черт орет во всю грудь, и ему в голову не приходит, что он буквально оглушил меня. Что? Отставку просите? Имейте в виду, у нас отставок не просят, а мы их сами даем...

— Если вы находите — дайте сами.

— Дадим, когда нужно, а сейчас советую не проявлять нервозности — это презренный вид малодушия.

Наступила небольшая пауза, потом послышался голос Тимошенко:

— Извините, товарищ Сталин, погорячился.

Тимошенко знал, конечно, что Сталин открыто, иногда беспощадно и очень жестко бичевал работников за промахи и проступки. Он указывал на допущенные ошибки, промахи в работе. Это помогало скорее их исправлять, учило людей критически оценивать свои поступки. Эта черта Сталина хорошо была известна многим. Его критика, резкие слова, ядовитые пословицы, к которым он часто прибегал, как правило, не обижали критикуемых, а, наоборот, подталкивали к исправлению ошибок.

Сталин понимал, что время было напряженное, нервы у товарищей часто были на пределе. Случалось, в пылу раздражения или под влиянием острой минуты тот или иной руководитель вспылил. Сталин с пониманием относился к таким «взрывам» и нередко своим спокойствием охлаждал пыл не в меру горячих сотрудников. Но, пожалуй, более часто он не только одергивал таких, лишал доверия, но и немедленно снимал с постов.

Когда пыл прошел, Тимошенко спокойно, по-деловому доложил, на какой рубеж он отводит войска. В конце разговора Сталин сказал:

— Завтра снова информируйте меня лично.

Он в беспокойстве прошелся по кабинету. Чувствовалось, что переживает за резкий разговор с маршалом, на которого явно сорвал свою досаду за провал. Сталин молча подписал проект постановления и кивнул мне, что можно уходить.

Придя к себе, я долго оставался под впечатлением этого резкого разговора.

* * *

Приведу другой пример. Он связан с началом операции «Тайфун» (30 сентября — 2 октября) под Вязьмой и Брянском, когда в результате тяжелого и неожиданного удара против-

ника значительная часть соединений Западного, Резервного и Брянского фронтов оказалась в окружении.

Когда я зашел в приемную Сталина, то застал Поскребышева в сильном смятении. Он держал телефонную трубку и буквально кричал:

— Ну, когда же вы разыщите его, черт вас побери?

Раздался звонок от Сталина.

— Ну, зайди, — мотнул головой Поскребышев.

Я тихо вошел в кабинет и остановился, не проронив ни звука. Сталин ходил поспешно по кабинету с растущим раздражением. По его походке и движению чувствовалось, что он находится в сильном волнении. Сразу было видно, что он тяжело переживает прорыв фронта и окружение значительного числа наших дивизий. Это событие просто ошеломило его.

— Ну и болван, — тихо произнес Сталин. — Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!

Я никогда не забуду этой картины: на фоне осеннего, грустного пейзажа умирающей природы бледное, взволнованное лицо Сталина. Кругом полная тишина. Через открытую настежь форточку проникали холодные струи воздуха.

Пока я молча стоял, зашел Поскребышев и доложил:

— Командующий Конев у телефона.

Сталин подошел к столу и с яростью снял телефонную трубку.

В командующего летели острые стрелы сталинского гнева. Он давал не только порцию «проборки», но и строгое предупреждение, требовал беспощадно биться и добиться вывода войск из окружения.

— Информировать меня через каждые два часа, а если нужно, то и еще чаще. Время, время дорого!

Затем Сталин соединился с членом Военного совета Западного фронта Н. А. Булганиным и тоже набросился на него. Булганин стал объяснять причины этого чрезвычайного происшествия. Он (как мне потом стало известно лично от самого Булганина) докладывал Сталину, что «ЧП» произошло из-за того, что командование Резервного фронта «проморгало» взятие противником Юхнова. Командующий войсками Ре-

зервного фронта маршал С. М. Буденный узнал о захвате немцами Юхнова только на второй день, и то из переговоров с Булганиным. В то же время Булганин доложил Сталину, что имели место большие промахи и со стороны командования Западного фронта.

Выслушав терпеливо и до конца Булганина, Сталин немного смягчился и потребовал от руководства фронта: «Не теряйте ни секунды... во что бы то ни стало выведите войска из окружения».

Вошел Молотов. Сталин, повесив трубку, сказал:

— Может быть, еще удастся спасти войска... Гитлер изображает себя в положении нетерпеливой охотничьей собаки, настигнувшей дичь и теперь ждущей, наконец, момента, когда раздастся заветный выстрел. Однако желанного результата фюрер не получит!

Молотов, нахмутив брови, так выразительно посмотрел на меня, что я сразу понял: мне нужно уходить. И я вышел из кабинета...

* * *

Поздней ночью 4 октября я позвонил К. Е. Ворошилову, чтобы дать ему на голосование два проекта решения правительства. Когда слышался в трубке голос Климента Ефремовича, я попросил разрешения зайти всего лишь на три минуты с тем, чтобы получить его согласие по двум проектам.

— Ох, — вздохнул Ворошилов, — до того ли сейчас...

— Тогда я обращусь позже.

— Нет... лучше уж заходите сейчас, у меня есть еще немного времени.

Когда я вошел в кабинет маршала, сразу же по лицу Ворошилова заметил, как он сильно взволнован.

— Вы ведь знаете, какая у нас беда?

— Знаю, немцы окружили несколько наших армий.

Ворошилов некоторое время молчал, потом посмотрел на часы.

— Через несколько часов едем с Молотовым на Западный фронт. Будем пытаться спасти положение, а главное — человеческие жизни. Очень сильно и болезненно переживает это событие товарищ Сталин. Да и мы, конечно, тоже. Но я еще не видел товарища Сталина в таком состоянии, в каком он находился, когда узнал о происшедшей катастрофе. Он был потрясен, гневен, крайне возбужден. Долго ходил по кабинету, потом подходил к «вертушке», спрашивал начальника Генерального штаба и задавал один и тот же вопрос: «Установили связь с командующим?» В ответ слышал: «Еще нет». «Что вы там сидите сложа руки!» — говорил он с большим возмущением.

— Волнение и гнев мне понятны, — добавил Ворошилов, — окружение такой многочисленной группировки — это очень тяжкий удар. Но как бы ни была тяжела потеря, она не сломила товарища Сталина. Создававшаяся ситуация побуждает его к решительным действиям. Враг спешит до наступления зимы разделаться с Москвой. Но наша партия, наш народ, товарищ Сталин не допустят этого.

СОБИРАЛСЯ ЛИ СТАЛИН ЭВАКУИРОВАТЬСЯ ИЗ МОСКВЫ

Г. А. Куманев: Собирался ли И. В. Сталин в тяжелые октябрьские дни сорок первого года эвакуироваться из Москвы? В постановлении ГКО от 15 октября 1941 г. за № 801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», которое мне в начале 60-х годов удалось обнаружить в Кремлевском архиве, прямо говорилось, что «т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». В последнее время появились некоторые публикации, где поддерживается версия о намерении Сталина покинуть в те дни столицу.

Я. Е. Чадаев: Это не соответствует действительности. Хорошо помню, как в середине октября, накануне эвакуации в Куйбышев части Совнаркома и Управления делами, я зашел в комнату охраны, где находился генерал Н. С. Власик, чтобы попрощаться с ним. К этому времени мы были хорошо знакомы друг с другом, часто встречались семьями.

Начальник охраны Сталина с огорчением воспринял весть о моем отъезде.

— Но ничего, — сказал он, — скоро вернетесь.

— Да, я в этом уверен.

— Уверен в этом и товарищ Сталин.

— А не было разговора о том, что и он на крайний случай временно переберется к нам в Куйбышев?

— Я знаю, — сказал Власик, — был разговор на эту тему между Сталиным и Ждановым. «Хозяин» твердо и решительно заявил, что не может быть и речи об этом: он остается на своем посту в Москве. Но мы все-таки на всякий крайний случай сейчас сформировали специальный небольшой поезд, который уже находится в полной готовности к отбытию.

— Товарищ Сталин, конечно, о нем не знает? — спросил я.

— Пока не знает, но, может быть, сегодня или завтра узнает.

В последующем Вознесенский, Калинин, Поскребышев и некоторые другие руководящие работники мне подтвердили, что Сталин действительно не собирался эвакуироваться куда-либо из Москвы.

* * *

В послевоенные годы по данному вопросу автор прочитал в книге писателя Петра Проскурина «Имя твое» следующие строки:

«Ему (Сталину) вспомнилось состоявшееся в осень сорок первого решение о необходимости его немедленного отъезда из Москвы в Куйбышев, и в памяти четко возникло утро девятнадцатого октября, Рогожско-Симоновский тупик, спецпоезд, пустынная платформа, торопливо ждавшие пришедшие его провожать товарищи.

...Никто не видел его лица; дойдя до края платформы своим неспешным характерным шагом, он, не говоря никому ни слова, круто повернулся, горбясь больше обычного, прошел к своей машине, сел в нее и уехал назад».

При встрече с В. М. Молотовым я рассказал ему об этой публикации и спросил, был ли действительно такой случай? Молотов ответил отрицательно, заметив при этом, что Петр Проскурин, видимо, писатель с богатой фантазией.

РУКОВОДИТЕЛИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ СТАЛИНА

Г. А. Куманев: Находясь в годы войны в должности управляющего делами Совнаркома СССР, вы постоянно встречались не только со Сталиным, но и со многими государственными, политическими и военными деятелями, выполняли их поручения, выслушивали советы и мнения по различным вопросам и важные свидетельства. В связи с этим не могли бы вы дать краткие характеристики хотя бы ряду руководящих лиц из ближайшего сталинского окружения?

Я. Е. Чадаев: Соратники Сталина, прежде всего из его ближайшего окружения, в своем большинстве были, несомненно, людьми инициативными, достаточно грамотными, опытными, политически подкованными, не лишенными организаторских способностей, а некоторые из них — и большого таланта. По своему характеру, стилю работы и деловым качествам они заметно отличались друг от друга. Вместе с тем за их плечами была серьезная школа революционной борьбы и активного участия в социалистическом переустройстве общества. Работать рядом со Сталиным было и великой честью, и далеко не простым делом: часть из руководящих деятелей партии и государства, как известно, трагически закончила свой жизненный путь.

Замечу, правда, что большинство из них, глубоко уважая и искренне признавая выдающиеся способности своего вождя, искренно считали, что все его решения и действия были правильны и продиктованы лишь одним стремлением — укрепить Советское государство, добиться желаемых для нашего народа целей, а в годы Великой Отечественной войны скорее сокрушить ненавистного врага.

Ну а теперь перейду к моим небольшим и, может быть, субъективным оценкам некоторых соратников Сталина.

* * *

В. М. Молотов. Надо признать, что к Молотову я относился с большим, искренним уважением. Среди сталинского бли-

жайшего окружения это был человек непрерывного действия, решительный, волевой; человек, который умел отдавать себя целиком, без остатка на службу государству. Он в полном смысле был аскет, до чрезвычайности скромен в своих потребностях и желаниях. Жил в небольшой, просто обставленной квартире в Кремле. Был весьма трудолюбив. Только дело, только работа — было его целью. И во имя ее он не считался со временем, отдавая ей все свои силы, разум, волю.

Его одержимость заражала других, и они готовы были день и ночь работать, чтобы выполнить задание Молотова, получить его одобрение. Но он был скуп на похвалу. И как бы хорошо ни была выполнена работа, считал это само собой разумеющимся. Но в то же время он был внимателен, чуток, отзывчив, всегда реагировал на просьбы и нужды сотрудников. Но Молотов был и беспощаден к тем, кто плохо работал, проявлял недисциплинированность, и, не колеблясь, строго наказывал провинившихся. Он обладал хорошим качеством привлекать и располагать к себе людей, заражать их своим энтузиазмом. Иногда шуткой заставлял делать больше, чем приказанием. В аппарате его называли «многожильным наркомом», отдавая дань его исключительной работоспособности.

Надо сказать, что в требованиях Молотов часто был очень резок, не стеснялся в выражениях, даже оскорблениях. Но в большинстве случаев он бывал прав, ругал за дело.

«Пошел по шерсть, а воротился стриженный», — говорили некоторые, выходя из кабинета Молотова.

Но если он потом чувствовал, что был не прав, то обычно переживал за несправедливое отношение к человеку. Правда, я ни разу не видел, чтобы он произнес извинение. Особенно резкие выражения Молотов применял, когда вел то или иное заседание.

Когда, например, нарком финансов А. Г. Зверев докладывал государственный бюджет, Вячеслав Михайлович усмотрел, что народный комиссар подошел неэкономно к некоторым статьям расходов.

— Вам бы фамилию надо дать не Зверев, а Кроликов, — раздраженно проговорил Молотов.

Как позднее делился со мной Зверев, в глазах Молотова он не прочел шутки. Они глядели на него весьма холодно и возбужденно.

Зверев начал громко оправдываться.

— Вы что тут суматоху устраиваете, как на базаре, — строго заметил Молотов. — Не уподобляйтесь плохому делегатору.

— Прошу извинить меня, — тише произнес Зверев и стал обосновывать правильность заложенных в бюджете расходов.

После этого возбуждение улеглось, и Молотов, видимо, почувствовал, что он слишком сильно задел наркома финансов. Он смягчил свои слова:

— Вот так бы и сказали, а то шумит, как воробей на дождь. Все тихо рассмеялись.

* * *

Превыше всего Молотов ставил аккуратность и честность. Уж если он дал задание и назначил срок — приди или позвони и скажи, что запаздываешь. Хотя иногда и отругает, но ничего. Но если не выдержал срок и сделал с опозданием, то берегись: попадет на «орехи». Еще хуже поступит он, если скривишь душой, скажешь неправду. Он сразу изобличит тебя, и ты тогда пропал — нет тебе веры.

Молотов часто излишне нервничал, по пустяку раздражался. Это бывало, когда ему в чем-то доставалось от Сталина. Или, как ему казалось, он отходил на «третий» план.

Однажды я зашел к Молотову, чтобы доложить подготовленные проекты решений. В это время в кабинет зашел со срочной бумагой его помощник по особым делам Баскаков.

— Можно прервать вас?

Молотов продолжал подписывать бумаги...

— Вы поручили к часу доложить предложение, — напомнил Баскаков.

Молотов оторвался от моих бумаг и взял в руки документ помощника. В его глазах я увидел нечто такое, что меня передернуло.

— Что это?! — возмутился Молотов. — Сплошная белиберда или судорога мыслей?

Он пристально посмотрел на Баскакова.

— Вы хоть бы побрились. Или решили бороду отрицать? Имейте в виду — ум в голове, а не в бороде.

Молотов перевел на меня сердитый взгляд.

— Забирайте ваши бумаги. На сегодня все.

Когда я собрал бумаги и шел к выходу, услышал раздраженный, повышенный голос хозяина кабинета:

— Ишь, распоясались! Ноги на стол! Безобразие! Подняй головы и поглядываете, словно одичавшие псы!

Я вышел из кабинета, довольный тем, что мне не пришлось дальше слышать молотовскую ругань. В приемной комнате, где сидел помощник Вячеслава Михайловича — И. И. Лапшов, я сказал ему, что часть бумаг осталась неподписанной.

В это время возвратился Баскаков.

— Он обращался со мной, как с негром в Америке, — произнес Баскаков. В его полузакрытых глазах бушевали гнев и чувство большой обиды.

Мне хотелось поддержать возмущение Баскакова, но меня опередил второй помощник Молотова Смирнов.

— Сплошное преувеличение вопреки жизненной правды, — сказал он. — Не советую из мухи делать слона.

— Брось ты эти глупости, — отрезал Баскаков.

— Попробуй дать совет невежде, и он сочтет тебя своим врагом, — отпарировал в свою очередь Смирнов и, посмотрев в нашу сторону, добавил: — А вы что молчите, как в читальне?

— Послушали бы, — обратился ко мне и Лапшову Баскаков, — какие обидные слова были сказаны: «Дубина, вы умнее кажетесь только с виду». Откажусь от работы. Черт с ней, найду другую.

Но тут раздался звонок. Молотов вновь вызывал к себе Баскакова.

У меня стало легче на душе, когда я узнал, что Баскаков имел разговор с Молотовым по поводу резкого, оскорбительного тона последнего. В итоге состоявшихся объяснений Баскаков продолжал работать в прежней должности...

М. И. Калинин был воплощением всего лучшего, что создала партия революционного пролетариата. Авторитет Калинина в народе был весьма велик, а во время войны слава о нем как о политическом деятеле и революционном трибуне еще более возросла. Михаил Иванович был ярким противником формализма, начетничества, догматизма, талмудизма. В подлинном смысле слова он являлся воспитателем, страстно пропагандировал и призывал людей глубоко любить свою Родину, быть патриотом и защитником своего Отечества. Задачи коммунистического воспитания он всегда связывал с практическими вопросами социалистического строительства. «Коммунистические принципы, если взять их в простом виде, — разъяснял Калинин, — это принципы высокообразованного, честного, передового человека, это любовь к социалистической Родине, дружба, товарищество, гуманность, честность, любовь к социалистическому труду и целый ряд других высоких качеств, понятных каждому».

В своих многочисленных трудах Михаил Иванович постоянно развивал тему советского патриотизма, который, по его словам, «окрыляет и вооружает наш народ; он рождает подвиги совершенно простых людей, ранее незаметных, он двигает поступками миллионов».

Калинин был большим знатоком и ценителем искусства и литературы, вел решительную борьбу с формализмом и натурализмом, подчеркивая, что долг и обязанность советских писателей и художников — быть проводниками лучших традиций русской реалистической школы.

Калинина по праву считали и высокообразованным экономистом. Глубоко впечатляют его высказывания о борьбе за дальнейшее повышение производительности труда, о воспитании советских людей в духе строжайшей дисциплины труда, бережного отношения к общественной собственности. Уважение к физическому труду, указывал он, является одним из сильнейших устоев пролетарской морали.

Простые люди часто наведывались к Калинин, и я не раз был свидетелем его проникновенных бесед с представителями трудящихся масс. Пожалуй, как никто другой, он умел внимательно выслушивать собеседников, считаясь с их характером, возрастом, состоянием здоровья, настроением. Слушал он заинтересованно, молча, не прерывая собеседника, пока тот не выговорится, изредка делал пометки в блокноте, а выслушав, тут же отдавал необходимые распоряжения. Калинин находил путь к сердцу и пожилого, умудренного жизненным опытом человека, и молодого рабочего, колхозника. Михаил Иванович не жалел времени для того, чтобы дать то или иное разъяснение обратившемуся к нему человеку, помочь ему преодолеть встретившиеся трудности. С ним нередко советовался И. В. Сталин, ряд членов Политбюро и правительства.

* * *

Одну из моих многих встреч с М. И. Калинин я особенно хорошо запомнил и записал. Я хочу вкратце сообщить вам о ней в порядке характерного примера к вышесказанному. Это было вечером 11 ноября 1941 г. в Куйбышеве, куда с рядом правительственных учреждений был эвакуирован и Президиум Верховного Совета СССР. Я зашел к Михаилу Ивановичу, чтобы дать ему проголосовать проекты двух важных решений.

Калинин встретил меня очень любезно. Представил меня гостю — старому кадровому рабочему (он назвался Сергеем Федоровичем), который пришел к своему давнему другу, чтобы тот помог ему зачислиться в ряды Красной Армии. Но Михаил Иванович не поддержал просьбу Сергея Федоровича по причине возраста, а я посоветовал ему найти полезную работу для фронта в тылу, на производстве. «Я тоже это предлагал», — сказал Калинин.

— Вы, наверное, думаете, что меня страх возьмет перед фашистами, — заявил Сергей Федорович. — Нет, я не боюсь и ничего не страшусь. Я слышал о том, что кто презирает опасность, тот помнит о ней, но настоящий герой об опасности даже не думает. Ведь в Гражданскую мы действительно не думали об опасности.

— Кому приходится каждодневно преодолевать страх, — заметил Калинин, — тому уже не приходится думать об опасности. Высшее достоинство героя состоит в том, чтобы не терять присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Только трус бежит от собственной тени.

Старый рабочий сказал, что подумает над нашим советом, и попрощался.

Когда мы остались вдвоем, я сказал, указав на большую кучу бумаг на столе Председателя Президиума Верховного Совета СССР, что ему не следует перенапрягаться и надо поберечь свое здоровье.

Поблагодарив за добрые пожелания, Калинин ответил, что он всегда испытывает большое смущение, когда слышит подобное. Ведь если эти дела требуется срочно сделать, почему за него кто-то должен их делать, военная обстановка диктует трудиться не покладая рук и отдыхать будем в меру возможностей, когда придет победа.

Я пояснил, что не хотел вызвать у «Всесоюзного старосты» какое-то чувство неловкости, и добавил:

— Вы ведь очень нужны Родине в такое сложное время и сделаете для нее еще очень много.

Михаил Иванович чуть улыбнулся.

— Это вы преувеличиваете. Но по правде скажу: хочется сделать что-то большое.

— И сделаете! — почти воскликнул я. — У вас за плечами богатый опыт, вы его приобрели на тяжелом жизненном пути.

— Но к чему эти слова? Не всегда тяжелая жизнь обогащает человека, вооружает его, помогает ему быстрее находить правильные решения. И можно ли считать тяжелой жизнь, если она посвящена борьбе, в результате которой вырабатывается революционное мировоззрение? Это не трудная, это богатая, содержательная жизнь. Она не кажется тяжелой, и главное — сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты.

После некоторой паузы Калинин спросил:

— А разве сейчас легкая жизнь? Военное положение нашей страны в данный момент является таким тяжелым, как никогда прежде. Гитлер считает, что Советская Россия сокру-

шена, а Геббельс выступает с заявлениями, что война на Востоке выиграна и Красная Армия фактически уничтожена. Но вскоре они заговорят о другом. Не так дело в действительности. Наши силы неисчислимы. Будут скоро новости хорошие. Наше правительство готовится не только к отражению наступления гитлеровских захватчиков, но и к сокрушительному контрнаступлению наших войск.

— Вот это здорово! — радостно воскликнул я.

— А теперь давайте ваши бумаги...

* * *

Николая Александровича Булганина я впервые встретил в августе 1937 г. в кабинете Г. М. Маленкова. Булганин работал тогда Председателем Совнаркома РСФСР и сразу произвел на меня весьма приятное впечатление. В июле 1938 г. в результате состоявшихся выборов в Верховный Совет РСФСР я стал его депутатом. Мне шел тогда тридцать четвертый год. На первой сессии Верховного Совета РСФСР я вошел в состав правительства Российской Федерации в качестве председателя Госплана РСФСР. Главой же правительства республики был утвержден Н. А. Булганин.

С этого времени и развернулась наша совместная работа. После каждого выходного дня она начиналась с вызова к Председателю СНК РСФСР. Булганин по натуре интеллигентный человек, довольно строго спрашивал о состоянии дел и без каких-либо упреков указывал на ошибки, давал нужные советы. В простой и достаточной пониманию форме он говорил о необходимости проявления чуткости к новым явлениям жизни, чтобы лучше решались первоочередные задачи, стоявшие перед наркоматами и ведомствами.

В последующем, когда я стал заместителем председателя Комиссии Советского Контроля (КСК), а затем и управделами СНК СССР, Николай Александрович уже как один из заместителей Председателя Совнаркома СССР нередко привлекал меня к выполнению важных поручений правительства. В частности, по его заданию мне пришлось на месяц отключиться

от дел в КСК и заняться вопросами сокращения штатов снабженческо-сбытового аппарата наркоматов и ведомств.

С начала Великой Отечественной войны был направлен в действующую армию в качестве члена Военного совета Западного фронта, Западного направления и позднее — ряда других фронтов. Кабинет Н. А. Булганина в его отсутствие никем не занимался, и когда Николай Александрович изредка приезжал в Москву, то заходил в кабинет и занимался своими делами.

* * *

Вечером 18 июня 1942 г., когда я находился у Н. А. Вознесенского в связи с подведением экономических итогов первого года войны, позвонил кремлевский телефон. Вознесенский взял трубку и, обратившись ко мне, сказал, что меня просит зайти Булганин, который через час уезжает на фронт.

Полагаю, что моя запись этой встречи с Булганиным будет небезынтересной для полноты его характеристики. Тем более что речь в ней пойдет и о Н. С. Хрущеве.

Булганин, как и прежде, встретил меня тепло и приветливо. Только, видимо, забыл мое отчество и называл меня Яковом Еремеевичем. Он попросил меня помочь его помощнику В. И. Савкину решить ряд вопросов. Сам же Булганин вновь отбывает на фронт. Николай Александрович добавил:

— Был у товарища Сталина. Он чуть было не поручил мне одно деликатное дело.

Я тут же заинтересовался, что это за дело?

— По расследованию причин провала Харьковской операции. Поскольку тут дело касается Н. С. Хрущева, а мы с ним в какой-то мере приятели, я еле упросил товарища Сталина не давать мне этого поручения. Он долго не соглашался, а потом все-таки уважил мою просьбу. При разговоре со мной уж очень неодобрительно отзывался Верховный об этой операции, которая закончилась трагически с огромными для нас потерями. Неудача под Харьковом нанесла и большой моральный удар советским людям.

После некоторой паузы Булганин заговорил еще более откровенно:

— Тяжелый человек этот Никита Сергеевич. Все в его представлении всегда предельно просто — из невозможного сделать возможное. Худо ли, плохо ли, но эта операция была проведена по настоянию Военного совета Юго-Западного направления и фронта. Оказалось, что подготовляемое наступление наших войск не явилось неожиданным, внезапным для противника. Уже только это не могло гарантировать ее успешный исход. Одной из главных причин данной катастрофы, по мнению товарища Сталина, явилась явная недооценка Военным советом Юго-Западного направления сил врага. Эта ошибка усугублялась тем, что Военный совет направления проявил большое упорство, настаивая на своей правоте, хотя на заседании Ставки Верховного Главнокомандования, на котором присутствовали маршал С. К. Тимошенко и генерал И. Х. Баграмян, и раздавались голоса, трезво оценивавшие реальную обстановку на харьковском направлении. И Ставка, видя настойчивость и решимость командования Юго-Западного направления, согласилась с его предложением разгромить имевшимися в его распоряжении силами и средствами харьковскую группировку противника и освободить весь промышленный район. Она доверилась докладу командования, опыту и авторитету маршала Тимошенко и многократным заверениям члена Военного совета Хрущева, считая, что «на месте виднее». Если бы оценка была правильной и отражала действительное соотношение сил под Харьковом, Ставка ВГК приняла бы энергичные меры, чтобы усилить группировку наших войск и упредить удар врага. Все здесь обстояло бы по-иному.

— А кому же товарищ Сталин поручил миссию относительно Хрущева?

— Думаю, что он, наверное, никому не поручит. Дело в том, что товарищ Сталин всегда поддерживал Никиту Сергеевича. Некоторые соратники высказывали недовольство Хрущевым. Хотя товарищ Сталин соглашался с ними и, в частности, даже говорил о том, что Хрущев не может разбираться в статистических данных, не может анализировать их и опери-

ровать ими, но, подчеркивал товарищ Сталин, нам приходится мириться с ним. Дело в том, что у нас в составе Политбюро ЦК только двое собственно из среды рабочих — это Хрущев и Андреев, ну, может, еще и Калинин.

Подумав немного, Булганин добавил:

— Мне кажется, именно эти соображения удержат товарища Сталина от принятия и на этот раз каких-либо крутых мер в отношении Хрущева. Ведь товарищ Сталин способен беспощадно критиковать любого руководителя, но в то же время ему хочется, чтобы человек понял свою ошибку, исправил ее...

Булганин тяжело вздохнул и глубоко задумался. Потом посмотрел на часы и сказал:

— Ну, мне скоро уже пора. Так я вас очень прошу помочь товарищу Савкину.

Я еще раз заверил Николая Александровича, что сделаю максимально возможное, и мы тепло попрощались...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Записки Н. С. Власика	9
Записки А. Т. Рыбина	52
Воспоминания Г. А. Эгнаташвили	125
Воспоминания А.Ф. Сергеева	157
Приложение. Воспоминания Я.Е. Чадаева	190

Массово-политическое издание

*Николай Сидорович Власик,
Алексей Трофимович Рыбин*

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

*Редактор О.В. Селин
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 22.01.16 Подписано в печать 26.02.16
Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 15 Тираж 1500 экз. Заказ №